

**ГОЛУБЫЕ
АРТЕРИИ**

ОГИЗ
Свердлгиз
9 3 6

УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЗАНИМАТЕЛЬНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

ГОЛУБЫЕ АРТЕРИИ

✱

Составитель Вл. А. Попов

1936

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

ГОЛУБЫЕ АРТЕРИИ

*

Очерки о реках и озерах Урала

БИРЮКОВ В.

ВАРСОНОФЬЕВА В.

МАЛЕНЬКИЙ А.

ПЕРВУХИНА Л.

ЛЯЛИЦКАЯ С.

РЯБИНИН Б.

СТАРЦЕВ В.

ЯРКОВ В.

и др.

1936

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СВЕРДЛОВСК

Неисчислимо количество рек и озер уральских. Многие из них обжиты человеком и хорошо обследованы, известны и часто посещаемы, но еще большее количество рек необжито, пустынно и ждет еще своих исследователей. Составитель сборника «Голубые артерии» стремился максимально охватить объекты темы как первого, так и второго порядка. Очерки эти написаны частью научными исследователями, частью местными краеведами-следопытами, частью любознательными туристами, по возможности в живой и увлекательной форме. Объем сборника, естественно, ограничивал выбор объектов описаний. Но сборник не претендует на роль путеводителя. Задача его—возбудить эмоциональный интерес читателя к уральским рекам и озерам, расширить его сведения о них и дать толчок к их изучению и обследованию с целью большего освоения природных ресурсов родного края.

РЕЧНЫЕ БАССЕЙНЫ УРАЛА

При взгляде на карту распределения речных бассейнов Урала прежде всего обращает внимание своеобразная правильность в распределении общих уклонов, направление которых можно представить себе как равнодействующую направления рек, принадлежащих к одному бассейну.

Если заштриховать площадь бассейна Ледовитого океана на западном склоне и Каспийского моря на Южном Урале, то мы увидим, что большая часть площади западного склона занята бассейном Каспия (и обладает соответственным уклоном), тогда как на восточном, наоборот, — за исключением самой южной части, вся остальная площадь принадлежит бассейну Ледовитого океана.

Не говоря о том, что речные системы восточного склона (сибирские) отличаются простотой по сравнению с многоводными, сложными системами западного, они, кроме того, подчиняются весьма простому правилу, по которому все реки системы Тобола от 62° с. ш. до 57° с. ш. протекают, направляясь вообще к юго-востоку, до р. Пышмы, которая течет вдоль параллели 57° , а все реки от 57° с. ш. до 51° с. ш. направляются к северо-востоку.

Реки западного склона не подчиняются такому схематичному представлению, образуя системы, неоднократно и круто изменяющие направление. Начинаясь на водораздельном гребне Уральского кряжа (наиболее значительные) или на одном из хребтов складчатой горной страны, нередко в виде мно-

жества истоков, они сбегают с заболоченных склонов гор в долины, по которым, как по желобам, протекают вдоль хребта к северу или к югу среди болот, часто в низменных, иногда топких берегах.

В этой части течение их отличается значительной быстротой, которая сохраняется и в следующей, средней части течения, начинающейся после поворота реки к западу, вкrest простирающихся толщ, слагающих хребты. Тут нередко речная долина суживается, принимает ущельевидный характер, а русло загромождено глыбами разрушенных пород, образующих тулумы (пороги), через которые вода стремительно несется, делая затруднительным, а иногда и невозможным плавание на лодках.

Средняя часть течения обыкновенно изобилует притоками, которые по большей части протекают в продольных долинах и снабжают главную реку значительным количеством вод, поднимающихся в весеннее половодье на известную высоту, которая делает возможным сплавлять лес.

Несмотря на это, сплав здесь встречает препятствия в виде целого ряда камней, расположенных по реке и представляющих выходы пород, образующих ряд складок и сбросов, пересекаемых рекой.

Такие камни появляются на реке главным образом в области девонских и каменноугольных образований и слагаются по большей части известняками и кварцевыми песчаниками, распространенными среди отложений того и другого возраста.

В нижней части течения реки спокойно протекают по большей части в широких долинах, извиваясь в пониженных берегах среди заливной равнины, нередко окаймленной отложениями второй террасы. Обнажения горных пород встречаются только в коренных берегах, обрывистых или пологих.

Из частей течения наибольшим развитием обладает средняя; размеры верхнего и нижнего течений подвержены значительным колебаниям, при чем последняя часть течения обычно приурочена к области пермско-каменноугольных и пермских отложений.

Рекам восточного (сибирского) склона Урала вообще свойствен тип поперечной долины, особенно в области их верхнего и среднего течения. В отношении характера верхней части течения реки восточного склона являются совершенной противоположностью рекам западного. Благодаря крутизне водораздельного гребня восточного склона верховья рек обладают здесь значительным падением, которое, однако, на всем протяжении реки по средней величине на 1 километр уступает падению рек западного склона, так как Сибирская равнина более плоска, чем европейско-русская.

Выходы коренных пород хотя и наблюдаются в верховьях восточных уральских рек, однако по большей части находятся в некотором удалении от их берегов, часто окаймляя болотистую, довольно широкую долину.

По выходе из гор, среди увалистой полосы (на севере) и холмистой степи (на юге) в средней части своего течения реки глубоко врезаются в подлежащие породы, открывая геологическое строение местности в своих узких, частью ущельевидных долинах, нередко представляющих почти сплошное обнажение.

По своему характеру долины рек в средней части течения восточных уральских рек представляют резкий контраст с окружающей местностью, лишенной скалистых выходов, особенно же в юго-восточной части края, представляющей слегка всхолмленные или совершенно ровные степные пространства. Впрочем, эта особенность рек восточного склона слабо отражается на характере его рельефа как потому, что сами реки немногочисленны и не изобилуют притоками, так и потому, что процессы разрушения не распространяются далеко в стороны от речных долин.

Переход к нижней части течения происходит постепенно, выражаясь в расширении долины, понижении ее берегов, а также в постепенном исчезновении скалистых обнажений, которые заменяются появлением более поздних по времени (третичных) отложений.

Еще ниже долины становятся широкими, болотистыми, окаймленными террасами округлых очертаний. Ручьи извили-

сты, образуют старицы и приближаются то к правому, то к левому берегу, обнаруживая так называемое „блуждание“ и протекая спокойно в низменных берегах.

Всем сказанным, однако, еще не ограничивается разница между реками западного и восточного склонов Урала. Так, реки западного склона сохраняют характер горных, быстро текущих рек на большем протяжении, чем реки восточного склона.

Это становится понятным, если принять во внимание, что к западному склону отходит большая часть гористой полосы, считая от линии водораздельного гребня, чем к восточному.

Другим интересным отличием этой линии является разница в абсолютной высоте верхних частей долин: они выше на западном склоне, чем на восточном.

Наконец, большинство рек восточного склона Урала, протекая в поперечных долинах, подчиняется тому правилу, по которому притоки по строению своих долин представляют сходство с частью главной реки, находящейся выше их устья, что далеко не всегда наблюдается на западном склоне, где притоки среднего течения, направляющегося вкост простирания пород, весьма часто протекают по продольным долинам.

Из рек западной половины Уральского края первой по величине и экономическому значению является Кама,—этот самый крупный приток Волги. Два крупнейших судоходных притока Камы—Вятка и Белая, глубоко внедряющаяся в Приуралье, целиком принадлежат этому краю и значительно усиливают экономическое значение Камы для Приуралья.

В месте наибольшего приближения Камы к Уральскому хребту, именно между Чердынью и Пермью, в Каму впадают еще два значительных судоходных притока, выходящих из самого сердца этих рудных гор, именно Вишера и Чусовая.

Наконец, посредством Колвы и Южной Кельтмы Кама сближается с двумя великими реками севера европейской части СССР — Печорой и Вычегдой, принадлежащими к бассейну Ледовитого океана. Сама Печора своим верхним течением принадлежит рассматриваемой области. Белая имеет выходя-

щий из глубины гор приток Уфу с Аем и Юрезанью, но значение этих рек для края более скромно.

Реки восточной половины области все принадлежат к Обскому бассейну, имеющему конечный свой выход в затертый льдом океан, и потому их значение меньше, чем рек западной половины. Это Тобол со своими притоками, веерообразно расходящимися по Приуралью почти от самого впадения Тобола в Иртыш при г. Тобольске.

Экономическое значение этих рек, параллельно уменьшению их водности и судоходности, постепенно падает с севера на юг; наибольшее значение имеют две вершины рек Тавды — Лосьва и Сосьва, далее Тура с Тагилом, Ницей и Пышмой, наименьшее — Исеть, Миас, Уй и верховье самого Тобола.

Особняком стоит река Урал (Яик) со своими притоками: Сакмарой, Илеком и Орью. Значение Урала и Сакмары могло бы быть немаловажным если бы Урал не был прегражден значительно ниже, под г. Уральском, известным „учугом“.

Озерные образования Приуралья сосредоточены почти исключительно на восточном сибирском склоне; на западном склоне их почти нет, так как здесь только изредка попадаются одиночные небольшие озера карстового характера среди пермских пород, наблюдаемые кое-где в пределах Башреспублики.

Среди озер восточного склона Урала наиболее замечательна так называемая Зауральская озерная группа, расположенная между Свердловском и Челябинском и заключающая до 200 озер, из которых многие, как, например, Маян (187 квадратных километров), Уелга (82,5 квадратного километра), Иртяш или Ирисят (60 квадратных километров), Касли (50,5 квадратного километра), Увильды (61 квадратный километр), Алыкуль, Аргази и др., отличаются своей величиной.

Прекрасный общий вид на эту озерную равнину открывается с горы Сугомак.

Эти озера лежат в области развития гнейсов, гранитов, слюдястых сланцев, кварцитов и других пород.

Происхождение их А. П. Карпинский объясняет комбинированным действием разрушения при отступании третичного

(эоценового) моря, растворения и поверхностного изменения горных пород; уцелевшие от разрушения участки горных пород образовали как бы барьеры, затруднившие сток воды на восток, и образовали гораздо более обширные, чем ныне, озерные бассейны, остатки которых, наполовину дренированные текучими водами, и представлены ныне этой озерной системой. Отчасти озерные котловины обязаны и сбросам горных пород.

В настоящее время в этой группе озер можно наблюдать все переходы — от глубоких, холодных, прозрачных и светлых озер с изрезанным ложем, бедных органическими остатками, до мелких, теплых, мутных, темных озер с плоским ложем и массой органических остатков, — озер, переходящих в болота. При этом чистые и холодные озера лучше сохранились ближе к Уральскому хребту.

Явления угрожающей озерам гибели проявляются на них самым различным образом: в одних случаях быстро развивается по краям мелкого озера болото, быстро сокращающее водную поверхность, в других — ледяной покров, достигая относительно непомерной толщины при мелководье озера, служит причиной замора в нем рыбы, в третьих — озеро, теряющее исток, осолоняется и его вода портится, что вызывает обеднение его рыбного богатства, в четвертых, — когда гибнет много организмов в озере, то размножается в невероятном количестве истребитель падали — мормыш, переполняющий и портящий окончательно все озеро.

ПО РЕКАМ СЕВЕРНОГО УРАЛА

ВВЕРХ ПО РЕКЕ УНЬЕ¹

Река Унья — первый крупный приток Печоры с левой стороны. Она берет начало в Коренном Поясовом Камне Урала у 29° и впадает в Печору у $27^{\circ}35''$ в. д. Общая длина ее не менее 120 километров. На этом пути Унья принимает 24 притока, из которых наиболее крупный — Кусунья, проходимая для лодок на протяжении 70 километров.

Унья описывает на своем пути большие изгибы. Сначала она направляется к северо-западу и у речки Воротятной уклоняется к западу и юго-западу. От устья реки Черной она резко поворачивает на юг и течет в этом направлении до устья Мисюроя, чтобы затем снова повернуть к северо-западу и, наконец, почти прямо к северу. Кроме того, местами река образует целый ряд более мелких и сложных излучин.

Бассейн Уньи обхватывает область около 3000 квадратных километров. Река протекает в пределах горной полосы Северного Урала и в области западных его предгорий.

Устье Уньи находится как раз в том месте, где Печора, на значительном протяжении протекавшая меридионально, круто поворачивает к западу и прорезает вкрест простиранию довольно высокую Андюга-Парму. Унья и Печора в месте их слияния почти равны по ширине, и местные жители называют иногда Унью рассохой Печоры.

Почти против самого устья Уньи, на правом берегу Печоры, расположено селение Усть-Унья, которое было основано лет 100 назад русскими выходцами с Колвы. Они встретили недалеко от устья Уньи чумы манси (вогулов) и взяли себе в жены мансиек. И теперь еще в Усть-Унье имеются потомки этих первых посе-

¹ По материалам В. А. Варсонофьевой.

ленцев, представляющих смесь русских с манси. Они небольшого роста, с несколько косым разрезом глаз и коротким, часто вздернутым носом. Судя по типу, в них должна быть и примесь ненецкой крови.

Заселение Уньи началось сравнительно недавно и шло двумя путями. С одной стороны, в область нижнего течения приходили выходцы с Печоры, соблазненные обширными неиспользованными луговыми пространствами, которые можно было создать здесь путем расчистки. С другой стороны, являлись сюда и колонисты с Колвы, где население сравнительно густое и где, по их словам, становилось тесно жить: нехватало ни дичи, ни рыбы, ни лугов.

Деревня Долгое Плесо расположена на ледниковой террасе в конце длинного и почти прямого меридионального плеса. В ней всего четыре дома. Она основана лет 50 тому назад переселенцем с Печоры, из деревни Курьи, Епифаном Непомнящим. После его смерти здесь остались его сыновья. В настоящее время жив только один из них; остальные жители деревенки — внуки основателя.

Поселок Светлый Родник древнее. Лет 60—70 тому назад начало этой деревни было положено выходцем с Колвы, из деревни Гадьи, переселившимся сюда с женой и дочерью. Он взял себе зятя с Колвы же. Впоследствии к ним присоединились печорцы из селений Пажгиных и Мамылей. В настоящее время в деревне насчитывается тринадцать домов.

Деревня Светлый Родник расположена на правом берегу Уньи, у самого склона высокой возвышенности, к которой река близко подходит в этом месте. Свое название селение получило от двух источников — Большого и Малого Светлого Родника, находящихся поблизости.

Малый Светлый Родник протекает у самой деревни. Это периодическая карстовая речка, долина которой представляет собою глубокий каньонообразный лог. В летнее время устье лога сухое. Вода, бегущая в его верховьях, уходит в землю. Но весной и осенью, в дождливое время, речка течет и в низовьях, где можно видеть летом ее сухое русло.

Глубокий лог Малого Светлого Родника зарос лесом, и только в верхней части склонов выступает среди зелени ряд серых известковых скал.

Большой Светлый Родник впадает в Унью с километр ниже деревни. Это — постоянная речка более значительных размеров, с необычайно прозрачной и холодной водой. Она бежит в глубоком, но достаточно широком лесистом логу. По скло-

ам его выступают сначала полузаросшие обнажения артинских пород, которые сменяются затем скалами верхне-каменноугольного известняка.

В четырех или пяти километрах выше устья в логу Светлого Родника выбивается сероводородный источник. Этот довольно мощный ключ вытекает из-под скал темного, несколько битуминозного известняка, являющегося, повидимому, источником сероводорода.

Унья, подошедшая у деревни Светлый Родник к восточной известковой возвышенности, течет некоторое время вдоль ее склона. Благодаря гарям и распаханым полям, находящимся в верхней части этого склона, можно видеть ряд скал известняка, выступающих на вершине возвышенности.

Километрах в двух выше устья Большого Светлого Родника Унья подмывает самый коренной склон и дает интересное обнажение, в котором можно видеть непосредственное наложение верхне-каменноугольного известняка на артинские породы, являющиеся результатом опрокинутой складчатости, очень развитой в западных предгорьях Северного Урала.

Сильно смятые артинские сланцы, мергеля и известковистые песчаники слагают обрыв в основании обнажения. Выше по склону выступают живописные скалы известняка. С вершины этих скал открывается прекрасный вид на широкую меридиональную долину, по которой протекает Унья.

На западе поднимается высокая лесистая Андюга-Нырринская Парма, далеко уходящая к северу и к югу. Широкая долина, ограниченная этой грядой, тоже вся поросла елово-пихтовым лесом. Кое-где виднеются пятна торфяных болот, а по берегам причудливо извивающейся реки ярко выделяется зеленая полоса лугов. С востока долина ограничена обрывом известковой возвышенности, четко выступающим в рельефе. Эта долина, очевидно, древнего, доледникового возраста. Она уже существовала в то время, когда сюда наступали льды, и они пользовались ею для своего движения.

Можно думать, что в рассматриваемой нами области льды двигались с севера на юг в виде широких полос, разделенных меридиональными возвышенностями. Такое мнение подтверждается, между прочим, составом валунного материала в различных частях бассейна Верхней Печоры.

Одной из продольных долин, по которой двигался подобный ледниковый поток, является долина Уньи и Печоры между Андюга-Пармой и областью каменноугольных известняков. Очевидно, пониженный участок рельефа существовал здесь

еще до наступления ледника. Лед воспользовался им для своего движения к югу, и вероятно еще более выпал и углубил долину, срезав значительную часть артинской толщи, слагающей ее дно. Такие срезанные выходы артинских пород, перекрытые ледниковыми отложениями, можно видеть в обнажении у деревни Долгое Плесо на Унье и в некоторых других обнажениях на Печоре и по Кедровке.

Наиболее значительным притоком Уньи в нижнем течении является Умпол. Он берет начало в Артинской гряде и верховья его разделяют эту гряду на Нюзимскую и Нырбинскую ветви.

Немного выше устья следующего крупного притока — Бердыша — Унья изменяет свое меридиональное направление в широтное и врезается в область каменноугольных пород, вдоль западного края которой она текла до сих пор.

Эта область представляет собою участок уральских предгорий, сложенный из каменноугольных отложений. В настоящее время этот участок приподнят над уровнем Печорской низменности метров на 150, и реки образуют глубокие живописные долины, врезаясь в толщу слагающих его известняков. Высоты всех водоразделов поразительно однообразны, достигая в среднем 100 метров над уровнем Уньи.

Несколько выше устья Бердыша Унья дает первое живописное обнажение, получившее название камня „Первокаменного“. Это — высокая, отвесная стена верхнекарбонового известняка, поднимающаяся на 50 метров над уровнем реки. Скала представляет собою стрелку между Уньей и ее небольшим правым притоком — речкой Первокаменной.

Первокаменная протекает по глубокому, но очень широкому лесистому логу.

Немного выше устья, на правом берегу Первокаменной, можно видеть интересное обнажение артинской толщи, на которую опрокинут верхний карбон.

Артинские отложения представлены здесь глинистыми сланцами, переслаивающимися в основании серии с известняками, а в верхней части ее с песчаниками. Толще глинисто-песчаных пород подчинены месторождения бурого железняка, которые начал эксплуатировать когда-то ардатовский купец Лульянов. В 1900 г. оживился этот глухой уголок. Началась постройка домны, большого хозяйского дома, помещения для рабочих и т. п. В 1901 г. домна была пущена в ход, а к концу того же года дело пришло в упадок и было ликвидировано, совершенно разорив предпринимателя.

Причиною краха явилась слишком поспешная, необдуманная организация предприятия, бесхозяйственное ведение дела, дороговизна провоза руды и устройство дороги с Колвы на Унью, которая не окупилась качеством бурого железняка. В настоящее время можно видеть на вершине увала у скалы Первокаменной заросшие шурфы с отвалами руды и кварцевого песчаника, развалины домны и груды распыляющегося угля.

Несколько ниже бывшего завода, против устья речки Бердыш, находится деревня Усть-Бердыш, основанная лет 80 тому назад Иваном Зотеевичем Паршаковым, пришедшим с Колвы из деревни Паршаковой. В настоящее время в Усть-Бердыше имеется тринадцать домов. Здесь открыт почтовый пункт. Раз в неделю письмоносец отправляется в Ныроб (50 километров пешего и лодочного пути) и доставляет почту в Усть-Бердыш и в Усть-Унью. Путем сообщения между Уньей и Колвой является проложенная Лульяновым дорога с Усть-Бердыша на Паршакову, когда-то выложенная гатью, но потом пришедшая в полный упадок.

С высокой скалы у устья Первокаменной открывается прекрасный вид на долину Уньи. Можно оценить резкое различие в характере этой долины выше и ниже устья Бердыша. Выше Бердыша на западе — широкий, мягко очерченный лог, окаймленный лесистыми пармами¹. На востоке, за скалою Первокаменной — узкая, каньонообразная долина, глубоко врезающаяся в высокое известковое плато. Поверхность плато и склоны долины густо поросли елово-пихтовым лесом, но над рекой здесь и там поднимаются живописные утесы.

Там, где Унья пересекает область, сложенную из каменноугольных известняков, берега ее особенно красивы. Река дает почти непрерывный ряд обнажений. Они то прямо обрываются в воду отвесными стенами, то выступают в виде причудливых башен среди зелени леса по вершинам коренных склонов.

Многочисленные обнажения и большие излучины, которые река описывает в этой части своего течения, дают возможность очень полно изучить каменноугольные отложения бассейна Уньи.

Выше Первокаменной, сложенной из верхне-каменноугольного известняка, идет довольно длинное, прямое плесо. По обоим берегам его выступают осыпи и скалы нижнекарбонového известняка с крупными раковинами, изящными створками и большими полипьяками различных видов. Особенно хорошо можно изучить фауну нижнекарбоновой толщи в обнажении

¹ Парма — сплошной еловый лес.

у широкого затона, километрах в 5 выше устья Первокаменной. Река образует здесь крутую излучину, в которой находится глубокая яма — или „куртяп“. По правому берегу, на крутой стороне излучины, поднимается непрерывная серия скал. Они представляют собою пласты известняка, круто падающие на восток и разрезанные вкрест простиранию.

Проплывая на лодке под скалами, отвесно обрывающимися в воду, можно видеть на их выглаженной поверхности тонкие узоры морских растений, веерообразные разрезы различных полипняков и многочисленные поперечные сечения одиночных кораллов. Здесь в громадном количестве встречаются продольные разрезы крупных раковин. Они, как большие белые запяты, четко вырисовываются на темном фоне серого известняка. На левом берегу виден ряд скал с круто падающими на запад пластами, содержащими кораллы, мшанки.

С вершины этих скал, поднимающихся над полузаросшей ваостровкой, можно видеть в ясные дни далекие контуры Уральских гор. На северо-западе, за лесистыми пармами, виднеется крутой обрыв Анкрип-нера и невысокий хребет Медвежьего Камня, поднимающихся по правую сторону от Печоры. Южнее синее большой, плоский массив Елминского камня или Мань-Емти-нера, служащего водоразделом между Печорой и верховьями Уньи. Наконец, далеко на юго-востоке вырисовывается едва намеченным туманным контуром высокая остроконечная вершина Ялпинг-нера или Молебного Камня, поднимающаяся за Вишерой.

„Потеряха“ — очень распространенное название на Унье, в которую впадает целый ряд Потерях: Нижняя, Сухая, Бахильная, Писаная и др. Это название может ввести в заблуждение географа, так как невольно вызывает представление о карстовых реках, которые теряются и уходят в землю. В действительности, эти названия даны потому, что на каждой Потеряхе что-нибудь было на самом деле потеряно: на Бахильной — пара сапог-бахил, на Сухой — две старушки-пустынницы, из которых одна погибла, а другая вышла в конце концов на Колву, на Нижней — ружье и т. д.

Все Потеряхи имеют меридиональное направление, параллельное простиранию пород. Их хорошо разработанные долины представляют собою глубокие и широкие лога, дно и склоны которых поросли лесом.

В километре выше лога Нижней Потеряхи расположено селение Комарово, основанное старообрядцами-скрытниками. Усть-Бердыш долгое время было последним селением на Унье.

Выше по реке встречались только отдельные дома пустынников-староверов, уходивших от „мира“ в лесную глушь.

В скале, выступающей против самого селения, находится небольшая пещера с двумя выходами. Образование ее шло не по плоскостям напластования, а по вертикальным трещинам, что не раз приходилось наблюдать в известковых скалах на Унье.

Такое распадение на вертикальные, плитообразные отдельности четко выступает в красивом обнажении, называемом Бузгальским Камнем. Оно расположено километрах в шести выше Комаровой, у устья речки Бузгалы, которая впадает в Унью справа, в вершине крутой излучины. Свое название она получила от того, что Унья сильно крутит и „взбузгивает“ воду в быстром пороге у своего устья.

В скалах, которые живописно выступают из зелени леса в виду высоких серых стен, четко выделяются эти вертикальные трещины. Они и разбивают породу на параллелепипедальные отдельности, производящие впечатление пластов, поставленных на голову.

Бузгальский Камень интересен еще и в том отношении, что он знакомит нас с фауной нижних горизонтов верхне-каменноугольных известняков и дает прекрасный разрез этой толщи вкрест простиранию. В нижней части обнажения пласты известняка прямо обрываются в реку, которая образует здесь, после бурного порога, спокойный, глубокий куртяп.

Породы, как сказано, разрезаны вкрест простиранию, и можно просмотреть их пласт за пластом, прослеживая последовательно все изменения в характере отложений и их фауны. Известняки, темносерые на свежем изломе, имеют на выветренных поверхностях красивый голубоватый оттенок. На поверхности пластов, выглаженных водою, выступают разнообразные представители богатой фауны верхне-каменноугольного моря. Многочисленные, пышно разросшиеся кусты, одиночные кораллы, брахиоподы и гастроподы красивыми узорами выделяются на голубом фоне известняка.

Постепенно в известняке появляются пласты, сложенные из мшанок, что указывает на начинающееся обмеление верхне-карбонического моря. В верхнем конце обнажения мы видим темные, битуминозные известняки с богатейшей фауной одиночных и колониальных кораллов. Разрезы кораллов красивыми белыми узорами выделяются на темном фоне известняка.

Коралловые известняки верхнего карбона сменяются к востоку мощной толщей мшанковых и гидрактиниевых известня-

ков. Эта серия хорошо может быть изучена в двух обнажениях выше Бузгальского Камня. Первое из них называется Чортовым Стуликом, второе Писаным Камнем.

Чортов Стулик получил свое название от своеобразно выветренной, поросшей мхом скалы, находящейся в лесу вблизи обнажения. Очертания ее напоминают стул. Старики рассказывают, что один из первых поселенцев Усть-Бердыша видел на ней „чертиху“, расчесывавшую свои длинные черные волосы.

В обнажении, выходящем к реке, выступает плотный мраморовидный известняк, весь сложенный из гидрактиний. Поперечные разрезы плоских колоний выступают темными извилистыми узорами на поверхности светлого известняка. Особенно красивы и сложны эти узоры в обрывах Писаного Камня, получившего отсюда свое название.

Писаный Камень находится километрах в пяти выше Бузгальского, если следовать по течению реки. По прямому направлению он удален от устья Бузгалы не более, чем на два километра.

Этот красивый камень образует отвесные стены, прямо обрывающиеся в глубокий куртяп. На гладкой поверхности плотного светлого известняка выступают необычайно прихотливые извилистые узоры, представляющие собою поперечные разрезы колоний гидрактиний.

Выше устья Мисюря Унья круто поворачивает на север и дает живописное меридиональное плесо, по правому берегу которого непрерывной стеной выступают высокие обрывы известняковых скал. Толща известняка разрезана по простиранию. Особенно интересна тонкая вертикальная стенка, поднимающаяся в одном из участков плеса и представляющая собою пласт, поставленный на голову. Эта стенка дала название всему плесу, которое называют „Плесом у плиты“. Высота стен Плитного плеса, как и высота почти всех каменноугольных обнажений по Унье, равна 50 метрам.

Следующее плесо получило название „Чамейного“ от слова „чамья“, или амбар. Некоторые из пластов обнажающейся здесь серии выветриваются особенно легко, и на месте их получают глубокие, узкие коридоры, ограниченные массивными вертикальными стенами. Иногда разрушается только нижняя часть на голову поставленного пласта, благодаря чему образуются крытые галереи, защищенные от дождя. Рыбаки, поднимавшиеся по Унье, обычно складывали сюда свою пажить и снасти, как в надежную чамью, отчего плесо и получило название Чамейного.

В настоящее время против этого обнажения на террасе, занятой прекрасным чищенным лугом, выстроено два дома. Эта деревня тоже получила название Чамейной. Широкий луг, привлечший сюда переселенцев, находится на внутренней стороне крутой излучины, которую описывает здесь река.

Выше Чамейного она поворачивает прямо на север и дает новое живописное плесо. Девонские известняки образуют здесь высокую отвесную стену, тянущуюся вдоль его правого берега и обрывающуюся в глубокую, темную яму. Это одно из красивейших обнажений по Унье, получившее название Камня Высокого. Отвесная стена увенчана башнями, из которых особенно живописно выделяется одна. Она украшает собою вершину совершенно отвесного обрыва и поднимается до высоты 65 метров над уровнем Уньи.

Со скал Высокого открывается прекрасный вид на плесо Лазарева Носа, расположенное выше по реке, и на широкую, выравненную поверхность известнякового плато. Водораздельные пространства этой области покрыты лесами.

По берегам Уньи широкой полосой раскинулись гари.

Эти гари тянутся то по одному, то по обоим берегам реки от Широкого затона до устья речки Горелой. В июле месяце и в начале августа они очень красивы, благодаря густому ковру кипрея, сплошь одевающему эти горелые пространства. Розовая пелена цветов скрадывает безотрадную картину горелого леса и особенно хороша бывает по вечерам, когда загорается в лучах заходящего солнца ярким багровым светом.

Но поросшие кипреем горелые пространства хороши только издали. Ходить по этим гарям, особенно в жаркие летние дни, очень тяжело. Высокие заросли кипрея скрывают упавшие стволы обгоревших деревьев, через которые непрерывно приходится перелезать и о которые постоянно приходится спотыкаться. Множество комаров и мошек непрерывно жалит, лезет в рот, в глаза, в уши. Изучать в этих условиях выходы известняка, так живописно выделяющиеся на фоне розовых полей, далеко не легкое дело.

Река лишь на небольшом протяжении следует простиранию известняковых пород. Она вскоре поворачивает к северо-востоку и дает быстрое, порожистое плесо, в конце которого поднимается высокий камень Говорливый. Он получил свое название за многократное эхо. С некоторых точек противоположного берега можно слышать, как сказанные слова повторяются в скалах Говорливого. Восточные склоны скал поросли густым ковром зеленого мха и кустами пахучего багульника.

Известняковые обнажения Уньи бывают особенно хороши в июне, когда на них пышно расцветает красивая, своеобразная флора скал. Мы находим здесь целые заросли изящной уральской орхидеи. Розовые башмачки ее, поднимающиеся над свежими зелеными листьями, виднеются всюду под тенистыми навесами камней. На скалах цветут лиловые альпийские астры, белые горные анемоны, разнообразные камнеломки и пышные сибирские пионы.

С вершины Говорливого открывается вид на длинные меридиональные плеса, которые река образует тотчас выше этого камня, направляясь почти прямо на север. Нижнее плесо получило название Ключевского из-за больших ключей, вытекающих в конце его из-под незначительных камней левого берега. Река образует здесь небольшое широтное колено, которое соединяет Ключевское плесо со следующим меридиональным плесом у Долгого острова. Плесо Долгого острова, в свою очередь, непосредственно переходит в Кременное плесо.

Выше Горелого плеса река круто поворачивает к востоку и дает широкое Минино плесо. Оно называется так потому, что некий рыбак Мина поймал здесь семгу накомарником. Случай несомненно исключительный и даже мало вероятный. Однако он, повидимому, действительно имел место, ибо многие рассказывают об этом ловком подвиге Мина.

В Минином плесе вторично разрезана вкрест простирацию толща доломитов и покрывающих их серых известняков. Они образуют на левом берегу реки живописные скалы, напоминающие собою башни и крепостные стены. Гари здесь кончаются, и причудливые развалины особенно красиво выделяются среди темной зелени кедрово-пихтового леса. Пласты очень круто падают к востоку в нижнем конце обнажения. Ими и образованы почти вертикальные стены, подходящие здесь к самой реке. Это последние выходы каменноугольных отложений. Выше Минина плеса мы встречаем уже известняки с богатой среднедевонской фауной.

Пещер здесь немного, они не достигают больших размеров. Кроме маленьких пещерок у Комаровой и выше Белого Мох имеются пещеры на водораздельной возвышенности между Уньей и Утланом, километрах в шести к востоку от Усть-Уньи. Высота водораздела достигает 100 метров над уровнем Печоры у устья Уньи. Он порос смешанным березово-еловым лесом. Довольно часто попадаются в лесу небольшие воронки. На дне одной из таких воронок виднеется круглое отверстие колодца, в который можно опуститься по стволу сосны с об-

рубленными ветвями. Такой ствол отлично заменяет лестницу и им удобно пользоваться для спуска в пещеры в том случае, если нет с собою веревок.

Через узкое отверстие воронки можно проникнуть в небольшое подземное помещение, от которого идет низкая галлерей к югу. В первом помещении и под отверстием воронки видна куча рыхлой земли. Галлерей загромождена обвалившимися глыбами известняка и вскоре становится настолько низкой, что по ней нельзя продвигаться даже ползком.

Вторая пещера несколько интереснее, хотя тоже не отличается значительными размерами. Вход в эту пещеру находится в узкой и длинной провальнй яме, в которой выступают пласты верхне-каменноугольного известняка.

Метрах в десяти от входа находится небольшой грот с прекрасными ледяными сталагмитами, расположенными рядами. Такое расположение объясняется тем, что вода просачивается в пещеру по трещинам. Падая на пол, капли замерзают и образуют красивые ряды сталагмитов. Есть и небольшие сталактиты и одна ледяная колонна. Потолок грота покрыт налетами пещерного инея. Крупные шестигранные таблички ледяных кристаллов образуют местами изящные, сверкающие подвески. Дно грота залито водою, покрытой толстым слоем льда. В пещере не чувствуется никакой тяги: свечи горят совершенно спокойно. Длина грота не более десяти метров, а высота не превышает 4—5 метров.

Со скал, находящихся в лесу, открывается прекрасный вид на лесистую гряду Высокой Пармы, первого ясно выраженного в рельефе кряжа, который пересекает Унья. В прорыв долины Уньи через гряду Высокой Пармы виднеются далекие контуры Лопьинского Камня или Хурах-Люльны-я.

Выше Елового острова начинается большой порог на Унье, и меридиональное плесо реки получает название Порожного. Падение воды в области порога довольно значительно, но он не представлял бы особого затруднения для подъема на лодках, если бы не громадное количество крупных валунов крепкого кварцевого песчаника, загромождающих все русло. Некоторые валуны достигают размеров нескольких метров. Часть их угловата, часть несколько обглажена. Такое загромождение русла крупными глыбами всегда получается в том случае, когда река прорезает кряж, сложенный из трудно размываемых пород. Перенос валунов вниз по течению является результатом работы речного льда, в который вмержают эти глыбы и с которым они уносятся весной иногда на значительные рас-

стояния. Местные жители, знакомые с каждым камнем в Пороге, указывают на глыбы, перенесенные одним весенним ледоходом на сотню метров вниз по реке.

Характер долины Уньи сразу изменяется в области Порожного плеса. Она становится шире, по обоим берегам реки появляется полоса аллювия, пологие коренные склоны мягко спускаются ко дну долины, поросшей лесом.

Меридиональный кряж Высокой Пармы может быть прослежен очень далеко к северу. Он пересекает Печору выше деревни Камешок, достигает берегов Подчерема, где и заканчивается высокой вершиной Тима-иза. Относительная высота Пармы на Унье достигает 200 метров. В области пересечения Печоры она сильно понижается, чтобы снова подняться на Ыльче до 250—300 метров.

Широко раскинулась во все стороны лесистая синяя даль западной увалистой полосы. На горизонте легкой голубой грядой поднимается Артинская Парма за Уньей и Печорой. Отсюда ясно видно, что она значительно выше области развития каменноугольных отложений. В своей южной части Артинская Парма разделена долиной Умполо на две ветви. Западная, менее высокая, Нюзимская Парма, тянется к Колве, которую она пересекает у селения Нюзим. Восточная, Нырбинская, более высокая, служит водоразделом между Умполом и Бердышем. С Высокой хорошо видны голубые гряды этих парм, выходящих на Колву и значительно повышающихся к югу.

После пересечения Высокой Пармы, долина Уньи резко изменяет свой характер. Река долго течет с севера на юг, следуя простиранию пармы, лесистая гряда которой все время виднеется на западе. Долина становится шире, коренные берега значительно ниже, обнажения встречаются реже и не образуют высоких живописных скал, как в области каменноугольных и девонских известняков к западу от Пармы.

На Унье появляется множество островов, между которыми она разбивается на мелкие порожистые заостровки. В меженное время мелководье сильно затрудняет передвижение в этом отделе реки, и только легкие лодки без груза могут свободно проходить через пороги. Грузные лодки приходится тащить иногда на протяжении целого плеса.

В 2—3 километрах выше конца Большого порога находится устье Кысуньи — единственного более крупного притока Уньи. Кысунья берет начало в большой болотистой низине, расположенной у южного подножья Вишерского и Лопьинского Камня и ограниченной с запада грядой Колвинского Камня.

Река течет сначала на север, вдаль восточного края Колвинского Камня, затем, обрезаю его северный конец, так называемое Северное Ухо, направляется к западу. Она принимает на своем пути ряд притоков. Одни из них, как Таль-я, сбегают с возвышенностей горной полосы Урала, другие берут начало в болотистых продольных долинах, расположенных между грядами увалистой полосы. К последним относятся Широкая, Олиста, Россыпная и Култанья.

В настоящее время Кысунья является тем путем, по которому манси (вогулы) сплывают весной на Унью к Усть-Бердышу. На Кысунью выходит вогульская дорога через Лопьинский Камень. Но этот путь проложен недавно. Раньше все манси, кочевавшие по Уралу в верховьях Уньи, отправлялись на Печору по притоку ее Елме, вершина которой близко сходится с северными рассохами Уньи. Несколько лет назад манси, стоящие по левую сторону от Уньи на Вишерском и Лопьинском Камне, расчистили дорогу на Кысунью. Этим же путем пользуются теперь и жители уньинских деревень, поднимающиеся к манси для меновой торговли.

Несколько выше устья Кысуни на Унье, у большого затона, находится селение из двух домов, получившее название Старицы.

На речке Черной, тотчас за выходами известковистых сланцев и песчаников, на берегу Уньи встречаются живописные скалы, получившие название Манзской пещеры. Название дано им потому, что под навесом одной из скал этого обнажения находилось раньше капище народа манси.

Вход в пещеру расположен в первой скале, круто обрезанной. Пещера начинается довольно обширным гротом со сравнительно высоким полукруглым сводом. На полу этого грота встречаются среди глины и камней зубы медведя, кости птиц и другие остатки позвоночных. Слева от входа в стене грота находятся два небольших отверстия, ведущих в коридор, которым можно спуститься в нижние ходы пещеры.

Больших зал в пещере нет. Сравнительно широкие и высокие коридоры соединяются очень узкими переходами и трубами, через которые иногда только с большим трудом можно проползти. Некоторые трубы, повидимому, сифонного типа, и стенки их разъедены водою и покрыты карровыми ямками. Крупных сталактитов нигде нет. В некоторых ходах видны на потолке очень маленькие капельники. Они образуют иногда правильную сеть. Местами встречаются натеки по стенам в виде „окаменелых струй“, окрашенных в различные цвета. Они создают

своеобразную полосатчатость стен в некоторых гротах. В нижних ходах пещеры все стены обглажены, покрыты карровыми ямками и гребешками. Растворение, вероятно, происходит в периоды поднятия уровня воды.

В верхних этажах наблюдается уже заполнение пещеры путем образования натечков. В ходах много буроватой, жирной на ощупь, глины. Кроме того, на стенах в виде налета или в виде материала, заполняющего углубления, встречается совершенно белая, несколько вязкая и пластичная глинисто-известковая масса. В общем, пещера не отличается значительными размерами, и в полтора часа можно обойти все ее ходы.

...Течение Уньи становится все быстрее и быстрее. Только легкие негруженные лодки могут подниматься сюда в весеннее и осеннее время или после выпадения сильных дождей для ловли крупных хариусов, которые держатся ближе к вершинам рек.

С окружающих гор в Унью сбегает небольшие рассохи, логами которых удобно пользоваться для подъема на вершину. Такова Серапионова рассоха, сбегаящая с Лопьинского Камня или Мань-Емти-нера. Эта река получила свое название потому, что один из жителей Усть-Уньи, предприимчивый Серапион Емельянович, прочистил вдоль нее дорогу для того, чтобы подниматься к елминским вогулам. В настоящее время этой дорогой почти не пользуются для езды, но по ней удобно подняться пешком на Мань-Емти-нер.

Немного выше Серапионовой рассохи в Унью впадает с левой стороны Васькина рассоха, сбегаящая с Васькиного Камня. По ней тоже проложена вогульская дорога. Васькин Камень получил свое название в честь вогула Васьки Большого, с которым русские имели различные дела по товарообмену.

Километрах в четырех выше Васькиной речки Унья распадается на две свои главные рассохи: Северную и Полуденную. Передвижение на лодках на ней прекращается. Рассохи представляют собою быстрые, порожистые горные речки, уходящие своими вершинами к коренному водораздельному кряжу Урала.

Вблизи устья рассох, на правом берегу Уньи, поднимается высокая лесистая сопка с небольшими россыпями и выходами на вершине. С нее открывается прекрасный вид. Можно удобно расположиться на скалах, венчающих возвышенность, и познакомиться оттуда с рельефом окружающей области.

На востоке виднеются закругленные, мягко очерченные вершины коренного поясового Урала. Этот хребет служит водо-

разделом между бассейнами Оби и Печоры. С запада в него глубоко врезаются три главные рассохи Уньи — Северная, Восточная и Полуденная, а с востока он расчленен рассохами Лозьвы, Ушмы и Пурмы.

Между рассохами проходят более или менее высокие отроги водораздельного хребта или „нелы“, то-есть носы, как их называют манси.

Небольшие вершинки, обособляющиеся на водораздельном хребте, или по-мансийски „сяхли“¹, точно так же, как и разные нелы, получили от манси различные названия, подчас очень своеобразные: так например, в верховьях Южной рассохи поднимается „Нята рохтес сорри сяхль“ или „вершина того места, где испугался маленький олень“. Название дано потому, что только что родившийся здесь олень был испуган медведями и, едва появившись на свет, бросился бежать под гору вместе с матерью. Другая вершина получила название „Порри-тотке-сорри-сяхль“, или вершина того места, куда сносят „дудки“ — излюбленное лакомство манси.

Манси, живущие зимою в Сибири, в бассейне Сосьвы, проводят все лето в горах Урала. Они из года в год возвращаются в те же места и потому естественно, что каждый лог, каждая вершина связаны для них с какими-нибудь воспоминаниями, отмечены какими-нибудь событиями и заслуживают особого наименования.

Интересно указать, что русские названия гор определяются теми реками, которые берут начало в этих горах. Так, мы имеем Лопьинский, Елминский, Вишерский, Мойвинский Камень и т. д. Для русских поселенцев реки имеют громадное значение. На реках расположены селения, реки питают жителей этих селений рыбой, а речные луга являются пастбищами для их скота. Естественно поэтому, что у русских все плеса, острова и скалы на реках получили особые названия. Этими названиями отмечены все те разнообразные события и приключения, которые происходили с русскими охотниками и рыбаками на реках, точно так же, как в мансийских названиях гор отмечены разнообразные происшествия из жизни оленщиков в горах.

Все горы в области верховий Уньи поражают необычайной мягкостью очертаний и однообразием высот. Мы имеем здесь

¹ Сяхль — обозначает вершину, более или менее обособленную, поднимающуюся над общим уровнем данной гряды или массива. Это же слово обозначает гром.

типичную поверхность приподнятого пенеплена (плато), расчлененного речными долинами.

В центральной части Яны и Мань-нера сохранились довольно обширные, нерасчлененные участки, представляющие собою идеально ровные плато, покрытые россыпями, зарастающими мхами и ягодниками. Когда идешь в облачный день по такой поверхности и не видишь горных далей, трудно себе представить, что находишься в горной стране. Получается полная иллюзия плоской, равнинной тундры.

Область горной полосы, расположенная к югу от уньинского Урала, поражает резкими контрастами рельефа: мягко очерченный Колвинский Камень, обширная низина, высокий массив Ялпинг-нера производят совершенно иное впечатление, нежели однообразные возвышенности Мань и Яны-Емти-нера или коренного Урала в пределах бассейна Уньи. С ровного центрального плато Мань-Емти-нера открывается прекрасный вид на север, на вершины, находящиеся за Елмой и Печорой. Здесь, среди сравнительно невысоких возвышенностей, резко выделяется хребет Анкрип-нера, круто обрывающийся к западу, к долине Большой Порожной, и конусообразный, величественный Койп. Гряда коренного Урала, к востоку от Койпа, сохраняет тот же характер, что и в верховьях Уньи.

В ясные дни можно видеть и еще более далекие, северные вершины Ылычского Урала, среди которых резко выделяются высокие зубчатые хребты на западе и на востоке, а в центральной части над всеми вершинами господствует величественный конус Сотгем-иоль-иза.

Гладкие, поросшие травой высоты уньинских „камней“ являются удобными стоянками для оленщиков. Правда, здесь уже не осталось ягелевых пастбищ, когда-то покрывавших вершины Мань и Яны-Емти-нера. Ягель растет очень медленно. Кустик в 5—6 сантиметров высотой насчитывает 15—20 лет. При ежегодной пастьбе оленей на одной и той же вершине ягель гибнет. Частью его объедают олени, частью же они топчут и ломают его в сухое время. Отсутствие ягеля — общий недостаток уральских пастбищ. Однако обширные травянистые пространства над границею леса хорошо могут быть использованы для оленей.

В верховьях Уньи кочуют исключительно манси. К северу, в верховьях Печоры, есть стоянки ижемцев, так же, как и к югу, у Мойвинского Камня.

Манси приходят на вершины Урала ранней весной, когда еще не стаял снег, и остаются здесь до глубокой осени. Зи-

му они проводят в Сибири, в бассейне Сосьвы. Здесь у них имеются юрты — деревянные избы без печи, в которых живут зимою женщины и дети. Мужчины охотничают, пасут оленей и постоянно отлучаются на более или менее долгий срок.

В более теплые годы они остаются здесь несколько дольше. Летом живут в чумах из вареной бересты. Зимних чумов из оленьих шкур у них не имеется. Такие чумы встречаются лишь у оленщиков севера.

Вершины Урала как бы поделены между отдельными представителями манси. У каждого оленщика имеется своя вершина, свои стоянки, которые переходят из рода в род, от отца к сыну. В прежние времена, по словам манси, новый человек, который хотел бы притти на эти вершины, не мог поставить там свой чум без разрешения „хозяина“ горы. Но за последнее время это старинное право нарушается, и вновь приходящие из Сибири оленщики начинают самовольно селиться на уральских вершинах, не считаясь с мнением их исконных владельцев.

Жутко бывает на Северном Урале в период осенней непогоды. Уральские вершины прекрасны в ясные и теплые дни. Хороши они весною, когда в глубоких логах и древних карах еще лежит снег, а на склонах цветут заросли белых анемонов и розовые подушки азалий. Хороши и летом, когда луга покрываются высокою травой с яркими цветами, и осенью, когда ягодники и заросли карликовой березы окрашиваются в золотые и багровые тона, а на ягелевых пастбищах красными коврами расстилаются кусты толокнянки и четко вырисовываются в синем небе седые каменистые вершины.

Не даром говорят русские охотники, переваливающие осенью за Урал ловить сибирских куниц и соболей: „кто на море да на Урале не бывал, тот горя не видал“. Страшна бывает осенняя непогода в горах, когда ревуший ветер почти срывает чум с его устоев, дождь и снег с силой бьют о берестяную крышу, и густые, серые облака несутся через вершины, окутывая их непроглядным туманом. Даже привычные ко всему манси по несколько дней не выходят тогда из чума собирать оленей.

Зимою Урал пустеет. Слишком холодные и резкие зимние ветры, а особенно отсутствие достаточного количества мха, не позволяют манси кочевать по хребту в зимнее время.

Мы последовательно познакомились с разными отделами течения Уньи, протекающей в области горной и западной ува-

листой полосы Урала. Мы видели, как изменяется характер долины реки в зависимости от геологического строения тех областей, по которым она протекает.

Унья является сложной рекою. Характер ее долины многократно изменяется в зависимости от изменения петрографического состава тех пород, которые встречаются на ее пути. Это и создает ту прелесть контрастов и перемен ландшафта, которые очаровывают путника при подъеме по Унье.

Кроме того, Унья представляет собою реку, еще не выработавшую профиля равновесия, благодаря чему мы видим чередование быстрых, порожистых плесов со спокойными, тихими ямами, где вода дремлет, как в озере.

Все эти особенности геологического строения долины Уньи определяют возможность ее заселения. Удобными для заселения являются нижний участок и верхний отдел среднего течения, благодаря развитию здесь ледниковых отложений, в которых река роет себе широкую долину. Расчистка лесов на аллювиальных террасах этих расширенных участков речной долины дает возможность использовать аллювий под луга.

Нижний отдел реки первый был захвачен колонизацией, и здесь возникли три первые и наиболее значительные поселка на Унье.

Заселение верховьев задерживается благодаря мелководью в порогах, которое препятствует продвижению лодок в меженное время. Мелководье является результатом невыработанности профиля равновесия.

Можно смело сказать, что Унья — один из наиболее живописных притоков Печоры, так как течение ее захватывает только горную и увалистую полосу, не заходя в область Печорской равнины, где обычно речные долины принимают скучный, однообразный характер, извиваясь в низких аллювиальных берегах.

Такие дикие уголки, сохранившиеся еще во многих местах Урала, представляют большой научный интерес и большую ценность. Мы можем изучать здесь еще совсем девственную природу и открыть не мало новых полезных ископаемых.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ХРЕБТУ САБЛЯ

Сабля представляет величественный и еще очень мало исследованный хребет Северного Урала, к тому же наиболее доступный из уральских хребтов со стороны Печоры. Южный

конец ее находится всего в 50 километрах от деревни Аранец, до которой можно доехать на пароходе.

Сабля лежит почти под 65° северной широты и 59° восточной долготы. Свое название этот хребет получил от наиболее высокой, недоступной вершины, находящейся в южной части его, образующей отвесный, даже нависающий к востоку пик саблевидной формы.

Гофман, первый крупный исследователь Полярного Урала, следующим образом описывает Саблю в капитальной работе „Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой“, вышедшей в 1856 г.

„Сабля не составляет отдельного от Урала изолированного хребта, каким он кажется с Печоры, а только западную его отрасль, соединенную стремя пройденными нами грядками гор, которые однако же со стороны Печоры закрыты высотой Сабли. Ее четырнадцать зубчатых вершин не были покрыты снегом, но он одевал всю остальную ее часть (16 июня 1850 г.). Высочайший шпиц похож на острый гвоздь и не представляет никакой возможности для восхождения“.

Первыми исследователями Сабли являются Кейзерлинг и Гофман. Первый поднимался на Саблю с Печоры. Это самый легкий и короткий путь, ведущий к южному концу массива. Сюда из деревни Аранец идет тропа по болотистой равнинной местности. По ней прошло значительное число различных путешественников и туристов.

Гофман избрал в 1850 г. другой путь к Сабле — по реке Щугору и по его притоку Б. Патоку, верховья которых (река Сед-ю) близко подходят к этому массиву. Этот путь хотя и красивый, но дорогой и трудный, так как Б. Паток течет в глубоком ущелье, а в ряде мест скалы падают так обрывисто, что рабочим не оставалось никакой тропинки для бечевы. На самый хребет Сабли Гофман не поднимался, а обошел его лишь с восточной стороны.

В 1908 г. восхождение на северную Саблю совершил А. В. Журавский — один из неутомимых исследователей Печорского края.

В последние годы на Сабле из геологов были Т. А. Добролюбова в 1925 г. и А. Н. Алешков в 1929 г. Первая поднялась на южный конец Сабли с юга, по долине реки Сед-ю (Черной), притока Б. Патока. Алешков пришел к Сабле с востока, и им был открыт небольшой ледник — первый ледник на Урале, названный им в честь Гофмана его именем.

В 1926 г. с северной стороны, по р. Б. Сыне и ее южному вожу, так называемому Лунь-вожу, к средней части массива поднялся на лодке А. А. Чернов. Из-за неблагоприятной погоды ему удалось подняться лишь до крутых скал, все время окутанных облаками.

Этот путь по Б. Сыне хотя и представляет интерес для туристов, но долог и тяжел. Б. Сыня прорезает до Сабли Гряды Чернышева, образуя так называемые Нижние и Верхние ворота — красивые ущелья, но имеет много порогов.

В этом направлении удобнее совершить такой маршрут: завести легкие лодки по тропе из Аранца на Лунь-вож и затем, совершив экскурсию на Саблю, спускаться на этих лодках по Лунь-вожу и Сыне. Но езда в лодках по Сыне требует большой сноровки — в порогах много валунов, на которые лодка может налететь и опрокинуться.

Массив Сабли представляет хребет, вытянутый километров на 20 в меридиональном направлении. На широком, до 10 километров, пьедестале поднимается крутой гребень с торчащими на нем острыми вершинами. Особенно крутыми, часто отвесными, стенами гребень обрывается к востоку, с запада же он полуприкрыт большими осыпями. Наиболее высокая, недоступная вершина хребта находится в южной его части и образует отвесный, даже нависающий к востоку пик. Высота этого пика достигает 1680 метров и по видимому превышает высоту другого гиганта Северного Урала — Тельпос-иза, вершина которого хорошо видна с Сабли.

В хребте много каров, особенно на восточной стороне, где вблизи главного пика и был открыт ледник Гофмана, а кроме того еще два ледника, значительно меньших размеров, фирновых. Ледник Гофмана находится на высоте от 720 метров (конец языка) до 900 метров (верхняя часть фирновых снегов). Диаметр кара около 600 метров, общая длина ледника 950—1000 метров и длина языка около 200 метров. Внизу, за языком ледника, следует моренный вал, за которым в 60—70 метрах от языка находится ледниковое озеро.

Кроме ледников, в ущельях Сабли все лето лежит снег. Журавский встретил снежники 16 июня при подъеме на северную Саблю, А. А. Чернов 10 августа, поднимаясь по ручью, дошел до снежника, имевшего 260 метров длины и 15 метров ширины. Толщина плотного фирнового снега превышала 1 метр.

Сабля сложена из кристаллических сланцев, прорезанных древними основными изверженными породами. Среди кристаллических сланцев еще Кейзерлинг описывал кремнистый сла-

нец и серпентиновую брекчию. Добролюбовой среди осыпей были встречены куски длиноволокнистого асбеста, преимущественно с зернами кварца.

Экскурсия школьников из г. Нарьян-Мара, предпринятая в 1935 г. на Саблю, привезла несколько интереснейших образцов кварца зеленоватого цвета, проросших волокнами зеленоватого асбеста.

Возможно на Сабле и нахождение прозрачного кварца, который идет для оптической промышленности и ценится весьма высоко.

С севера к Сабле подходит своими верховьями Б. Сыня, где она образуется из двух вожей, которые вилообразно охватывают массив Сабли с востока и с запада.

По рассказам одного охотника из д. Аранец, который много раз бывал в массиве Сабли, Вой-вож охватывает северную Саблю и своей вершиной сходится с рекой Б. Сед-ю (Б. Черной). Эти реки будто бы берут начало из одного общего озера.

Подъем с Лунь-вожа на Саблю сначала идет среди смешанного (елового и березового) леса, который в 200 метрах над уровнем воды сменяется лиственничным и тянется еще метров на 50.

С южной стороны к Сабле своими вершинами очень близко подходит Б. Сед-ю, которая является правым притоком Б. Патока. С вершин Сабли должен открыться чудесный вид на Уральский хребет.

При исследовании Сабли можно поставить следующие задачи:

1) произвести маршрутную съемку части хребта, поднимающейся над лесом, особенно западного склона хребта, наиболее доступного для экскурсий;

2) собрать образцы встреченных при маршрутах пород с указанием пунктов местонахождения на карте;

3) при исследовании восточного склона желательна съемка Вой-вожа, недоступного для лодочного движения.

Л. Первухина.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ ЫЛЫЧ

Река Ылыч, или, как неправильно называют ее русские, Илыч, впадает в Печору в ее верхнем течении и является ее первым крупным правым притоком.

Путешествие на Ылыч представляет многосторонний интерес. Во-первых, сам Ылыч очень красив, он в ряде мест про-

текает среди живописнейших ущелий. Во-вторых, поднявшись по Ылычу до впадения в него Ичед-Ляги и Ыджид-Ляги, можно не только начать совершать экскурсии в горы, но и пересечь Уральский хребет по очень доступному низкому перевалу и достичь далеко расстилающейся Сибирской равнины.

Попасть на Ылыч можно несколькими путями. Первый путь — подъем по самой реке Печоре парохомом до Троицко-Печорска, а оттуда до устья Ылыча всего 40 километров.

Выбирая этот путь, надо помнить, что летом Печора сильно мелеет, и бывают случаи, когда пароходы до Троицко-Печорска не доходят.

Другой путь — по р. Вычегде парохомом до Усть-Кулома. От Усть-Кулома до Троицко-Печорска идет тракт длиной около 200 километров.

Наконец, третий путь — парохомом по Каме и Вишере до Чердыни. От Чердыни также идет тракт длиной около 200 километров на Якшу, находящуюся на Печоре. Первые 140 километров тракт идет параллельно р. Колве, а остальные 60 километров — так называемым „волоком“, то-есть водоразделом между Колвой и Печорой. От Якши можно спуститься лодками по Печоре до устья Ылыча.

Путешествие по самому Ылычу производится на лодках, но подъем на них требует очень большой сноровки и умения.

Ылыч — порожистая, бурная река, не позволяющая ехать на веслах, а лишь итти бечевой, а где нет бечевника — на шестах. Лодки можно достать в сравнительно большом селе-нии Усть-Ылыч, находящемся при впадении Ылыча в Печору.

Ылыч берет начало из болот, расположенных у подножья вершин Тима-из, и первые 250 километров течет меридионально, параллельно Уральскому хребту. Далее он резко меняет свое течение на широтное и режет западные предгорья Урала, носящие названия: на правом его берегу Валган-Чугра, а на левом — Ляга-Чугра, и далее пересекает уже менее значительную возвышенность — Большую Парму. Последние 95 километров Ылыч течет по Печорской низменности.

Широтная часть течения Ылыча представляет еще тот интерес, что он здесь является северной границей большого заповедника, занимающего площадь в 1 миллион гектаров, расположенного между ним и Верхней Печорой.

Заповедник преимущественно соболиный, но в нем разводятся также белка, куница, кидус (помесь куницы и соболя), горностаи, выдра. Есть лисицы, в том числе и чернобурые.

азвелось масса дичи. Встречаются лоси, вероятно есть и дикие олени.

Граница заповедника дает путешественникам возможность аниматься охотой по правому берегу Ылыча, так как дичи там, естественно, не меньше, чем в самом заповеднике. Кроме того, Ылыч изобилует рыбой — лохом и хариусом.

Первыми исследователями Ылыча являются Кейзерлинг, офман и Регули — выдающиеся исследователи полярного Урала середины прошлого столетия.

Следующие исследования бассейна реки Ылыча мы имеем лишь в 1921 и в 1923 гг. геологической экспедицией проф. Л. А. Чернова. После этой экспедиции, в которой принимала участие и проф. В. А. Варсонофьева, начинается уже под ее руководством систематическое исследование этого района.

Наиболее интересным является среднее течение Ылыча, верховья же его от истоков до впадения в него реки Верхней Кось-ю проходят в области низины, среди топких и торфянистых берегов.

В своем среднемеридиональном течении Ылыч еще часто имеет большие плеса и „ваджеги“, а в широтном он уже имеет самое бурное и скорое течение и красивейшие скалистые берега, часто обрывающиеся отвесно в реку и сложенные древними (палеозойскими) отложениями.

Поднимаясь от устья Ылыча, мы достигаем первого бурного порога у мыса Из-ныр, образованного пластами пермского песчаника и конгломерата. Твердые пласты вдаются в реку с правой стороны двумя живописными мысами, получившими название Ичед и Ыджыд Из-ныр, то-есть Малый и Большой каменный нос.

От деревни Когил-дин (в 3 километрах выше порога) до деревни Сарь-ю-дин, на расстоянии 50 километров, самый зеленый участок Ылыча — 5 деревень. С деревни Сарь-ю-дин начинаются уже живописные высокие обнажения, вначале еще среди пермских отложений (песчаники и конгломераты), а далее на восток — среди более древних — в известняках. Так как палеозойские отложения сильно перемяты, путешественник может наблюдать в обнажениях прекрасно видимую складчатость, часто очень сложную и причудливую. Первые скалы известняков начинаются от устья бурной речки Исперед, где они поднимаются уже до высоты 60 метров по обеим берегам реки.

Одним из наиболее красивых обнажений в известняках является скала Лек-из (Дурной камень). Это оригинальное

обнажение расположено в крутой излучине, на правом берегу реки. С полкилометра выше Лек-иза шумит бурный порог Молеб-Кост, а ниже находятся быстрины Лек-из-вомын-беж-коста.

Обнажение имеет вид четырех узких, вертикально стоящих стен, разделенных глубокими ущельями. Эти сумрачные, прохладные ущелья завалены мшистыми глыбами камня и заросли травой и молодыми деревьями. По ним легко подняться вверх к высоким крутым стенам. Смельчаки доходят до самого конца этих узких, нависших над водою стен и взбираются на венчающие их, причудливо выветренные пики.

С так называемого плеса Патрак-рьем-вомын открывается впервые вид на первую возвышенность — Большую Парму, всю поросшую лесом. Прорезая эту парму, Ылыч дает обнажения среди кварцитов. Далее, за Большой Пармой, опять идут обнажения среди известняков и доломитов, но более древнего возраста — силурийские. Известняки мраморовидные и дают не менее высокие и красивые обнажения. Затем Ылыч опять врезается в кварциты, прорезая уже более высокий хребет, чем Большая Парма, носящий название на север — Валган-Чугра с вершиной Эбель-из высотой 500 метров над уровнем Ылыча, и на юг — Ляга-Чугра.

Отсюда уже открывается чудесный вид на Уральский хребет. Выдающиеся вершины, прячась одна за другой, уходят в бесконечные дали.

Но уральские вершины не представляют здесь остроконечных пиков или недоступных отвесных скал. Время наложило на них свой отпечаток, и они сильно разрушены, принижены, превращены в колоссальные каменные россыпи, лишь причудливыми фигурами возвышаются отдельные останцы, еще удерживающиеся от бурь и непогод. Например, вершина Терре-Порре-из напоминает развалины какого-то громадного города, на вершине Болвана-из, имеющей округлую форму, стоят в ряд семь каменных столбов — по древнему преданию семь окаменевших разбойников.

Если путешественнику хочется увидеть еще большие красоты, то он может достигнуть этого, поднявшись на легко доступный Эбель-из, к которому довольно близко подходит Ылыч. Сотчем-иоль-из достигает высоты 800 метров над уровнем Ылыча, он сложен из диоритов и габбро. Все хребты от Нерим-иза до Кожим-иза сложены из кварцитов и из серицитокварцитовых сланцев. Кожим-из поднимается на высоту 1000 метров над уровнем Ылыча и господствует над всеми остальными вершинами.

Кроме исследования уральских вершин, самого Ылыча, перевала в Сибирскую равнину, для путешественников и исследователей может представить интерес и посещение месторождения цветных металлов — Шантым-Прилука, находящегося в 12 километрах от Усть-Ляги вверх по Ылычу.

Река Сотчем-иоль, впадающая выше Шантым-Прилука, не исследована хорошо до настоящего времени, и ее исследование также может дать открытие цветных металлов, так как она пересекает те же породы, которые выходят и на Шантым-Прилуке.

Кроме интересных сборов по геологии, большой интерес представляют ботанические и зоологические сборы, так как с этой точки зрения этот район изучен крайне слабо.

Геолог, ботаник, зоолог и просто турист, совершив экскурсию в эти далекие и дикие края Северного Урала, получают большое удовлетворение и на всю жизнь запечатлеют в памяти незабываемые красоты этих мест.

Л. Первухина.

ПО РЕКАМ СРЕДНЕГО УРАЛА

ДРЕВНИМИ РЕЧНЫМИ ПУТЯМИ

Кама-река

Есть что-то торжественное в весеннем пробуждении большой реки. Уже за месяц люди ждут вскрытия льда. Часами толпы простаивают на берегах, наблюдая, как синеет и разрыхляется лед, как начинает потом его поднимать в средней части реки. Наступает день, и лед покрывается множеством трещин. Потом он подвинется на несколько метров, как будто готовый уйти совсем, но вновь остановится. И вот он рушится, ломается. В городах, поселках, селах, деревнях люди бегут на берег. Они кричат:

— Идет!.. Пошел!..

И всем понятно, кто это „идет“, кто „пошел“. Огромные льдины напирают друг на друга. Некоторые из них поднимают высоко над водой свои борта, и тогда видна нежнейшей раскраски голубая кайма. Над рекой слышится грохот. Льдины рассыпаются на мелкие куски. И вдруг... все остановилось! Еще несколько потрескиваний — и наступила тишина, влажная, прохладная тишина. Но люди не уходят. Они ждут... Затор все равно прорвет.

Затем где-то далеко слышен гул и сильный удар, словно выстрел из артиллерийского орудия. За первым ударом следует второй... третий... Начинается нечто похожее на канонаду. Лед вздрагивает. На горизонте видно вращательное движение льда. Еще минута — и огромные массы льдин с шумом и грохотом срываются с места. Лед смешивается, разламывается. Люди наблюдают зрелище восхищенными глазами. В такие минуты нет охоты говорить и хочется только слушать, как учащенно и радостно бьется сердце и как стремительно течет в жилах кровь.

Прекрасные, никогда незабываемые часы!

В 1929 г. мы наблюдали ледоход в Перми, на Каме. Бульвары были переполнены гуляющей публикой. По реке еще плыли одинокие льдины. Солнце добросовестно делало свое дело: льдины таяли на глазах. Но временами север посылал большие скопления льда. Тогда лед плыл по реке красочной мозаикой. Быстро прибывающая вода плескалась о берега.

Еще несколько дней — и Кама огласится гудками пароходов. Рассекая воду, поднимая белые гребни волн, пароходы уйдут вверх и вниз по реке. Они пойдут, гордо подняв к солнцу сине-красный речной советский флаг. Парусники поплывут важно и спокойно. Застрекочат по-воробьиному катера и моторные лодки. Рыбаки расставят снасти и закинут сети, и люди получат в пищу чудесную рыбу. Косяки птиц закружат над рекой, и утки заведут любовные хороводы. И уставший за несколько дней работы трудящийся человек сядет в лодку, тихо ударит по воде веслами и будет слушать плеск волн у бортов. Потом самому ему захочется петь, и он запоеет громко, во всю ширь реки и во всю мощь легких. Радость прольется и смешается с солнечными потоками. Человек будет сидеть с удочкой на обрыве, в чаще прибрежных кустарников. Косматый костер протянет к небу свои золотые языки. И до чего же вкусна будет пахнувшая дымом уха!

До чего же хорошо, когда стайки ребятишек начнут плескаться в воде на песчаных отмелях и, подставив тельца солнышку, станут покрываться солнечным загаром.

Пока север еще посылал по реке лед и пароходы стояли в затонах. Но пристань уже шумела и гомонила. В этом году она представляла необычное зрелище. Тысячи людей со всей страны съехались в Пермь. Тут были костромские и вятские, харьковские и кубанские люди.

Они ехали затем, чтобы переделывать камские берега и пейзаж. Начиналась первая пятилетка. Строились Березники, Соликамск, Красновишерск, переделывались и строились заново мелкие заводы. Человеческая лавина устремилась на камский север. Эти люди могли бы уехать туда по железной дороге, но они не хотели упустить случая полюбоваться прославленной рекой, ибо знали, что несколько дней поездки на пароходе прибавят им немало сил для труда в дальнейшем. Как огромный кочующий табор, они заполнили берег, принесли суету, шумный говор, смех. Великое передвижение людей было в тот год по Каме!

Мы с группой товарищей тоже ждали возможности отплыть на север. Мы хотели это сделать первыми во что бы то ни стало, ибо нам надо было уплыть дальше всех в верховья Камы, за Кайгород, туда, где в обычное время пароходы не появляются.

В отдаленных таежных местах за Кайгородом тысячи лесорубов всю зиму валили лес, и его нужно было сплавить по весенней воде. Огромные, никогда ранее не виданные здесь количества леса. Он нужен был стране для новых заводов. Его ждали в новых строящихся городах и на берегу Черного моря, и на равнинах Полтавщины, и в знойных степях Астрахани и Каспия. Мы должны были по большой воде доставить на север такелаж — оборудование, необходимое для сплава: якоря, лоты, стальные тросы, цепи.

И вот капитан в расшитом золотыми галунами кителе встает на командный мостик. Он нагибается над медной, до блеска начищенной, переговорной трубкой. Его команда звучит приглушенно. Причальные канаты падают в воду. Лоцман поворачивает рулевое колесо, и пароход, вздрагивая, отходит от дебаркадера, поворачивается, и солнце описывает над ним круг. Канат натягивается, и следом за пароходом движется огромная, грузно осевшая в воду баржа — на нее можно было бы погрузить четыре таких парохода, на каком мы едем.

И плывут мимо живописные зеленые камские берега. Природа справляет там свое весеннее пиршество, и, кажется, слышишь, как взрываются на деревьях почки и как травы рвутся к солнцу. Как она широка и как многоводна, Кама!

Тихий, сиреневый приходит вечер, темнеют ели, белее делаются березы, и осколок луны повисает над бескрайними лесами. Более пряными делаются запахи, и с берегов доносит их до парохода. А гладь реки становится тихой и блестящей, — она гладка, как огромная пластина вороненой стали.

Так опускается ночь и расстилает в небе звездные ковры. Большая Медведица наклонила над рекой свой сказочный ковш, словно готовая вот сейчас зачерпнуть им играющей черными бриллиантами воды и пролить на землю освежающий, душистый дождь. И на берегах зажигается иллюминация, с которой неспособен конкурировать никакой электротехник: пылают десятки костров, и в бликах, отбрасываемых ими, бродят человеческие тени.

И в темноте уже не видно ни парохода, ни реки, ни берега. Похоже: костры висят в воздухе и поднимаются к небу, к звездам. Это уже не пароход мерно всплескивает воду колесами.

Нет, это невидимая огромная птица бьет крыльями. И тогда я верю в сказки и легенды. Их сочиняют в такие вот ночи, когда все чудесно и не в чем упрекнуть природу: она отдала этой ночи лучшее, что имела в своем распоряжении, — воздух, краски, запахи, шумы. И даже старый лоцман, выцветшими глазами вглядывающийся в черную темень впереди, — он что-то видит там, умудренный в речном деле старик; он безошибочно ведет пароход там, где другой человек не сделал бы двадцати шагов, не заплутавшись. Хочется подойти к нему, взять его шершавую, покрытую бороздами времени руку и сказать:

— Здорово, старина! В этот час ты похож на волшебника и, может быть, мы с тобой в самом деле сядем сейчас на ковер-самолет и полетим между звезд и отопьем хмельного напитка в гостях у небесной Медведицы...

По узким, чуть влажным мосткам я спускаюсь вниз, иду мимо машин в общую каюту. Электрические молочного цвета лампы льют там мягкий свет. Красный бархат кресел красочен и приветлив, и книга лежит раскрытой на курительном столике. Она раскрыта как раз на фотографии: фотограф изобразил вечерний час и резко очерченные контуры деревьев. Девушка сидит на берегу, склонив голову над водой. Поплавок удочки тихо плавает в заводи. Волосы девушки ниспадают на плечи. Хорошо! Но в жизни бывает лучше. Ни один художник не изобразит воздуха, которым дышит сегодня земля.

И тогда я вновь думаю о Кама...

Кама! Это слово узнают люди всего земного шара, будучи еще на школьных партах. На географических картах тянется извилистая ниточка. Тоненькая вначале, она становится потом толще. 2707 километров — длина этой нитки. У деревеньки Карпушиной, что в 60 километрах от города Глазова, начинается ручеек. Он течет, извиваясь на Север, принимает в себя такие же ручейки, затем сливается с речкой Волосницей, становится шире и резко поворачивает на северо-восток. Десятки ручьев и речек принимает в себя Кама. Они несут свои воды из лесов, с возвышенностей. В Каму вливаются реки Чус, Порош, Нырвич. Кама выглядит уже рекой. Недалеко от селения Гайны в Каму впадают две многоводные реки — Весляна и Лупья. Кама течет на восток. Потом она принимает в себя Вишеру и отсюда собственно и начинается ее слава. Широкая, во всякое время лета и осени доступная для плавания пароходов, она катит свои великие воды к югу, принимает в себя, кроме многочисленных речек, еще три крупных

реки — Чусовую, Белую и Вятку — и ниже Казани впадает в Волгу.

Свыше двух миллионов человек живут по берегам рек, входящих в ее систему. Для целого огромного края Кама является естественным путем сообщения.

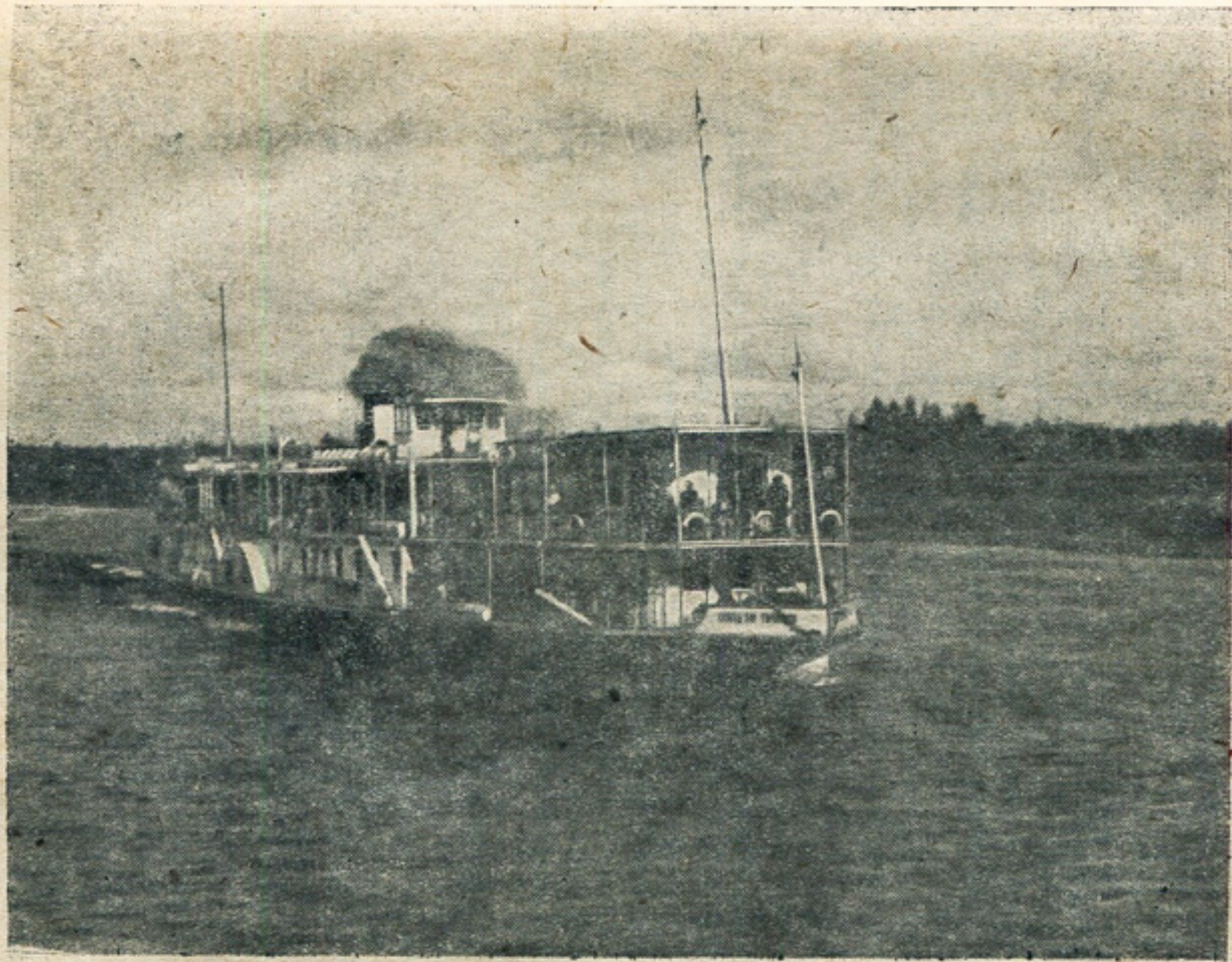
* * *

Кама! История прошла ее фарватером и оставила на берегах свои знаки. Десятки веков обозначились тут, и камские берега можно рассматривать так, словно перелистываешь старую, покрытую пылью веков книгу в большой библиотеке среди современной литературы.

Было время — еще не существовало на русской земле славянских княжеств — и плыли по Каме челны. Они уходили в Волгу, потом волоком их перетаскивали в Дон. Так древние греки получали уральское золото и драгоценные камни. В пятом веке иранские императоры из династии Сассанидов вели по Каме торговлю с Биармией — Пермью Великой — страной, существовавшей в верховьях Камы. И сейчас, — частенько, в деревеньках, расположенных на Каме и Вишере, находят серебряные сассанидские сосуды чудеснейшей отделки и мастерства. И бывает: колхозные ребяташки играючи находят клад древнейших серебряных монет, а потом ученые перебирают эти монеты дрожащими от радости руками, ибо каждая монета из клада — уникал. От тех времен сохранились остатки канала, соединявшего когда-то Каму с Печорой через речку Вогулку (приток Вишеры) и речку Волосницу (приток Печоры).

Великие караванные пути лежали по Каме, — многие сотни лет здесь не было никаких других дорог, кроме как по рекам. А Кама текла и течет так удобно, что лучше нельзя было бы и выдумать. С севера на юг она пересекает всю среднюю часть Предуралья. Она впадает в Волгу, а по Волге пролегли мировые торговые пути — здесь торговали и монголы, и китайцы, и Иран, и Индия. На Волге был центр товарообмена между Европой и Азией. С Волги был „волок“ в Дон, а оттуда открытая дорога к южным морям. На севере Кама почти вплотную своими притоками соприкасается с Печорой. На востоке существовал „волок“ из притока Камы Чусовой в приток Оби — Исеть. На западе „волок“ связывал Каму с Северной Двиной, а по Волге можно было уплыть к рекам, ведущим в Балтику.

История шла извилистыми долинами рек, — просеками, которые прорубила через тайгу сама природа. Именно на Каме

Кама. Скорый пароход линии Пермь — Красновишерск.

все препятствия, истребляя целые народы и нации. Скорбный путь проделала история по рекам северной Евразии: многие народы легли костьми под тяжелой поступью российских государей, желавших завоевать соболей и куниц, серебро и золото, алмазы и рыбу. Нынешние народы Урала — манси, ханты и коми-пермяки — это только осколки того, что было когда-то разбито в щепы.

Позднее, в XVI веке, Иван Грозный пожаловал Строгановым земли по Каме от Чусовой до Лысьвы, но Строгановы прихватили себе еще „кусочек“ вплоть до Усолья. И Кама — ее воды, рыба, берега, — все принадлежало графам Строгановым.

Закурились на берегах Камы солеварни, застонала страна под гнетом соляных налогов. А по реке, прячась от государевых людей, спешили тысячи и десятки тысяч беглых из России людей, чаявших найти на Каме волю и доброе житье. Они гребли веслами, а устав, разводили костры и, отхлебав „ушицы“ из камской рыбы или отведав жаркого из жирных, непуганных уток, восхищались рекой и изобилием.

Кама слышала русские проголосные песни, занесенные сюда издали: из-под Москвы и из Владимира, из великого когда-то Новгорода и из богомольного Суздаля. Но беглецов ждали строгановские солеварни и каторжный труд...

Тогда, измотав душу и тело, сбив шапки набекрень, выходили на реку атаманы и чинили разбой и свою волю. Хоть день, да наш! Забубенная разбойная голова и матушка Кама — помогайте! Русский человек изливал горе, тоску и обиды. Так лети же прочь купецкая голова! Будем жечь там, где можно жечь. Будем хлебать мед пригоршнями, если попадут медовые бочки. Пенную чару поднимем высоко и грянем песню так, чтобы услышала вся русская земля:

Стоят леса темные от земли да до неба, —
И стиглому и сбеглому прохода нет,
Ни удаю добру молодцу проезда нет.

И Ермак в красном полукафтаныи стоит озаренный отблесками костров. Тучи комаров и мошки разъедают в кровь затвердевшую казачью кожу. Мошкара заваливает костры серым пеплом своих тел. Но сегодня есть еще в бочках водка, а в пороховницах — порох. А завтра?

Они думали думушку все единую:
Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам зимовать будет?

На Яик нам иттить — переход велик,
На Волге жить — всем ворами слыть,
Под Казань иттить — грозный царь стоит,
Как грозный-то царь Иван Васильевич:
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А казакам быть переловленным,
Да по крепким по тюрьмам порассаженным.

И плыли струги, развевал ветер концы ковров персидских, мотал казачьи чубы, и вольно было вольнице. Графы Строгановы встречали Ермака и его казаков в столице своей Орелгородок. Парились казаки в баньках вениками из берез, выросших на далекой камской земле, пировали за столами, обильно питиями и яствами заставленными, а попарившись, попирав, отдохнув и починив струги, двинулись в новый путь.

В Сибирь! Московия мечтала об Азии. Разбойничьи дружины Ермака были ее оружием. И пенились реки от крови, портилась вода Тобола и Иртыша от трупов, раздольно и сытно было воронам и дикому зверю — на всех хватало битой человечины. Налимы в те годы ходили жирные и толстые...

Так было.

Большие пути истории скрестились на Каме.

Хаживал на Каму в XVII веке крестьянский бунтарь Болотников.

До города Осы бывал и чинил суд и расправу Емельян Пугачев.

Десятки тысяч крепостных людей, изнывая в труде, подтягивая животы от голода, выстроили заводы — Чермоз, Добрянку, Пожву, Майкор.

Академик Паллас мечтал о великом водном пути в Азию — о канале, соединяющем бассейны Камы и Оби через Чусовую и Исеть.

Императрица Екатерина в XVIII веке распорядилась построить канал, соединяющий Каму с Северной Двиной, соединив речки Северную Кельтму (приток Северной Двины) и Южную Кельтму (речка в системе Камы). Канал строили 37 лет, но просуществовал он только 16 лет.

Курились выстроенные крепостными заводы. Они были крохотны по нашим сегодняшним понятиям, но для своего времени представляли основную промышленную базу государства.

В 1817 г. заводчик Всеволожский выстроил в Пожве два первых в России парохода — один с машиной в 6 сил, другой — 36 сил. Затея не удалась. Зато шли понуро и тянули на лямках барки армии бурлаков. Одни из них падали без-

дыханно на прибрежный песок, в лямку на их место впрягались новые, и барка Российского государства тяжело двигалась вперед. Россия хвасталась тем, что она победила самую просвещенную страну мира — Францию, а на Каме плыли плоты, и бурлаки молились божку Амбору, чтобы тот помог им. Остановившись против села Пянтег, бурлаки пели:

— Спаси, Пянтег праведный!

И был у бурлаков еще один бог, у бога этого была собачья голова.

Но видела Кама и другое: любовались ею Радищев и Герцен, на берегах притока Камы — Вятки писал полные гнева строки Салтыков-Щедрин. На Каме бывали рабочие маевки — приглушенно звучал страстный голос, призывавший к борьбе. В водах Камы нашел могилу последний, процарствовавший одни сутки, царь Михаил Романов. Его тело спустили в прорубь мотовилихинские рабочие.

Над Камой прозвучал „Интернационал“ — то красногвардейцы ехали на пароходах защищать только что рожденную советскую власть. Бороздили, вспенивали камскую воду красные миноносцы под командованием Раскольниково. Потом колчаковцы устроили зрелище, достойное и Нерона: убегая из Прикамья, они приказали пустить по реке нефть, вывели пароходы, а нефть подожгли. То-то был костер! Сгорели 61 пароход, 43 баржи, 10 дебаркадеров; потоплено 10 пароходов, 9 баржей, 4 дебаркадера; выброшено на берег и посажено на мель 13 пароходов, 60 баржей и 17 дебаркадеров. Контрреволюция на Каме сама себе справила поминки.

* * *

...Утро приходит сырое и туманное. Огромное, неестественно багровое солнце прорывается сквозь стену тумана. Пароход покрыт холодной испариной. Время от времени под плицы колес попадают льдины. Тогда похоже, будто колесо сделало холостой поворот. Но из туманов поднимается весенний день, раскидывает по реке золотую россыпь, и лоцман сбрасывает с себя баранью доху.

Остаются за кормой древние исторические места. Работают, живут дряхлые заводи — Майкор, Добрянка, Чермоз. Старики-заводы пережили крепостничество, капитализм, но им довелось поработать и на социализм.

Что ни деревня, что ни пристань здесь, на Каме, — то исторический памятник. О каждой из них можно написать книгу.

Они тянутся по берегу, жмутся к реке, ибо живут рекой. Толпы людей выбегают на пристани, едва слышат гудок парохода. Таким гудком тут привыкли встречать лето. Толпы любят пароходом — они по-особенному, по-своему понимают его, для них он — вестник наступающего летнего оживления.

И чем выше по Каме, тем древнее села и города. Орел! Какие-то особенные чувства испытываешь при виде одного из старейших на Урале поселений — первой столицы Камы и Строгановых. Окруженные садами, почерневшие просторные избы с высокими крышами. Замысловатой архитектуры церковь. Почти четыреста лет существования. А теперь тут только транзитный пункт для сплаваемого с верховьев леса. Но нынче и Орел ожил; он хлопочет и суетится, в нем появились новые люди — Орел готовится к встрече необычайного количества леса. В Орле, после многих десятилетий тишины и покоя, наступал период оживления...

Усолье... Вторая по времени столица Строгановых, потом уездный город. Маковки церквей. Монастырские каменные лабазы, на которых по невыцветшей еще славянописи нарисованы вывески: „Кожсиндикат“, „Уралторг“, „Горпо“. Массивные здания с окнами-бойницами — так строили для себя жильцы когда-то царские вельможи, боявшиеся внезапного нападения „усмирённых инородцев“.

Дедюхин — город, давно не обозначаемый ни на каких географических картах. А ведь был он в свое время соляной столицей. Отсюда развозили соль по всей стране, и славился Дедюхин как крупный город Российского государства. Никто не знает, когда и кем был основан город, но курятся дымки над солеварнями и солеваренные повара утверждают, что другой соли, лучше дедюхинской, на земле не существует.

А рядом Березники... На два добрых километра растянулась ажурная лента строительных лесов, выворочены горы земли, высоко подняли свои хоботы краны. Звуки автомобильных сирен сливаются в общий вой. Облака пыли поднимаются над строительством. Десятки тысяч новых людей пришли на древний берег, чтобы в строительном грохоте начать новую историю Камы...

Соликамск... Город — зачинатель соляного промысла, город — древность, основанный еще в 1430 г., город — страж Московии на Востоке, город, в котором из трех тысяч жителей около двух тысяч носили купеческое звание и было 12 церквей и 9 часовен. Три миллиона пудов соли вывозил Соликамск ежегодно. И писал в книге духовный сочинитель, что

есть в России два богохранимых града: первый — Москва, второй — Соликамск. Прославляя достопримечательности города, сочинитель сообщал путешественникам:

„...Итак, в богохранимом, ныне владычном граде Соликамске все двенадцать храмов полны редких святынь, замечательных своим зодчеством, иконописью, фресками, утварью и звоном...

„Для подробного осмотра города следует пройти по Спасской улице до мужского монастыря, где проживает викарный епископ, содействие которого необходимо при обозрении как монастырских, так и приходских градских храмов. В ризнице обители хранится драгоценный сборник монастырских документов под заглавием: „книги соликамского вознесенского монастыря“. А в них списки великих государей, жалованные грамоты и пр. Хранится в ризнице сборник записей, купчих-кабал и закладных сего монастыря“.

Наш пароход пристал к берегу недалеко от Соликамска. Я последовал совету духовного сочинителя и пошел по Спасской улице до монастыря. В монастырской ограде шипели и фыркали автомобили, а в здании стрекотали арифмометры и в алтаре за столиком сидел председатель первого советского калийного треста. Святые угодники, нарисованные на стенах, словно и сами удивлялись, глядя на эту картину. Остроумец-электромонтер заставил порхавшего под куполом голубя — святого духа — держать в клювике электрическую люстру.

В кельях монастырской братии жили советские служащие. И уже не заливались „знаменитым“ звоном двенадцать храмов, зато в нескольких километрах от города трижды в день гудел заводский гудок. Там прокладывали первую советскую калийную шахту.

Мировой король калия — председатель франко-германского калийного синдиката — приехал в Соликамск специальным поездом, окруженный челядью, разговаривающей на многих языках Европы. Капиталистам некогда было рассматривать церковную экзотику: они интересовались только калием. А в калийном советском тресте сотрудники показывали мне вырезки из германских, французских, польских, английских, американских, испанских, итальянских и других газет. Там писали о Соликамске и о советском калии, писали по-разному, но с тревогой. Калийные короли боялись Соликамска.

...Чем выше мы поднимаемся по Каме, тем она делается уже и безлюднее. Леса стоят хвойные, густые, девственные, на ветвях елей висит мох, и ели тут действительно могут быть названы мохнатыми. Кажется: лес стоит сплошной, неприступ-

ной стеной: он завален колодником, густо порос кустарниками. Тайга!

Начинаются коми-пермяцкие деревушки. Потом Кама становится совсем узкой, несмотря на разлив. Из-под воды видны вершины залитых половодьем кустов. Лоцмана ведут пароход осторожно, точно ощупывая каждый следующий метр пути.

Наконец, от Кайгорода — большого и тоже древнего села в верховьях Камы, — на пароход входит новый, здешний лоцман. А через несколько десятков километров пароход останавливается против какой-то деревеньки и долго гудит, приглашая к себе на борт еще одного лоцмана, знающего дорогу дальше.

И вот ранним утром, едва над землей встает солнце, в каюту врывается песня. Ее поют десятки людей мягко и мелодично. Так умеют петь только на вятских равнинах.

Ну, навалимся еще,
Еще раз!
Ну, бери его еще,
Еще раз!
Эх, немножечко еще,
Еще раз!
Эх, молодцы, еще раз,
Еще раз!
Эх сильнее, братцы, раз,
Эх, да!
Хорошо идет, да раз,
Еще раз!
Эх, последний раз,
Эх, да!
Эх, да! Эх-да! Эх-да! Эх-да!

И высокий чей-то голос ускоряет темп:

Эх-да!
Идет, братцы!
Идет, братцы!
Идет!
Идет!
Сама пошла!
Сама пошла!
Сама пошла!
П-а-а-е-ххала!

По Каме мечутся лодки. Попыхивают бензиновым дымом катера. Речка Чус с шумом вырывается из тайги и, вспененная, вливается в Каму. Сотни людей работают здесь на берегу и на воде. Речка несет молевой лес. Его вылавливают баграми, задерживают в запанях. Тут составляются плоты. Люди работают с песней — песня скрашивает и облегчает нелегкий труд.

Вечером тут же на берегу собираются митинги, развешиваются красные знамена и ораторы говорят о пятилетке, о социализме, о новых заводах и о победе над капиталистами. А утром снова поднимается над лесом песня:

Ну, навалимся еще,
Еще раз!..

Моторные лодки разводят челенья к готовым уже маткам. На матках командуют лоцмана. И сплавщики, собираясь в далекий путь, еще раз проверяют походное снаряжение.

И так на многих речках. Миллионы бревен должны были уйти в тот год самосплавом вниз по Каме. На плотках ждали только сигнала.

И... наконец-то! Старый, худой высокий лоцман Адриан выстраивает на матке команду из двадцати молодых парней. Он поднимает флаг на маленьком древке, говорит простуженным на камских ветрах голосом:

— Слушай меня, бурлаки! Плавание будет до Сталинграда, по-прежнему сказать, — до Царицына. Всем знать свои места. Работать, не отвливать. Помните: Адриан купцам хорошо робил, Адриан первым нынче будет в Сталинграде. Пусть другие лоцманы видят только нашу кичку. И ничего больше.

Перевел дыхание, крикнул:

— По местам!

Команда рассыпалась по матке:

— Отдай концы!

Чалки шлепнулись в воду. Огромный плот задвигался всеми своими частями, и течение понесло его вниз по реке. Адриан встал на своей командной вышке, размахивал флагом, командовал, и окружающие леса подхватывали его команду, и четко звучало эхо.

Удивительно остроумное сооружение этот плот! Сзади идет матка — прочное сооружение из нескольких настилов бревен. На матке стоит самый настоящий двухквартирный домик, с крышей и резными бордюрами.

В Сталинграде этот домик целым перенесут на берег. Сейчас в нем живет команда плота. Над домиком возвышается мостик лоцмана. Посреди матки расположены „вороты“ — рычаги, с помощью которых толстые канаты от лотов наматываются на деревянные, вертикально поставленные валы. Лоты — стопудовые куски чугуна с шипами — опускаются на дно реки с кормы (с „кички“). Там же укреплен и якорь.

Впереди матки идет несколько десятков „челеньев“ — маленьких плотиков, скрепленных друг с другом специальными тро-

сами. На передовых челенях ставится несколько больших весел с длинными ручками. Внешне все сооружение производит впечатление неуклюжести и неповоротливости. Челенья, словно чешуя, находятся в постоянном движении, каждое челено отдельно. Кажется, сейчас все это сооружение, длиною в несколько десятков метров, расплзется по частям. Но нет! С помощью лотов, опуская и поднимая их каждый отдельно, лоцман ловко регулирует ход плота, и плот оказывается способным повернуться на самых крутых изгибах реки. Десятилетиями, на практике, самими сплавщиками разрабатывалась эта конструкция, дающая наиболее дешевый сплав.

Целый день стоит на мостике лоцман Адриан, размахивает флагом, кричит:

- Левый лот на пятку!
- Не заранивай!
- Право наваливайся!
- Отдай левый лот!
- Ударь, ударь, робята, левечко!

И плот идет, послушно поворачивается. Кама тут течет в „трубе“ и оттого кажется еще более узкой. А то бывает, что река на протяжении нескольких километров течет прямо, словно в гигантском зеленом коридоре.

Дни стоят прекрасные. По вечерам зори полыхают яркие и высокие. И когда опускается сумрак, лоцман Адриан дает команду бросить якорь, сходит со своего мостика и говорит оставшей за день команде:

— Не заранивай, бурлаки! Плыть нам впереди — не иначе. Спи крепче, работай лучше...

Но никому не хочется спать в такую ночь. Вкусно дымится в котелках уха. Как прав был академик Паллас еще в XVIII столетии писавший: „Мимотекущая река Кама доставляет живущим по берегам оныя в рыбах великое изобилие, кои здесь почти самые вкусные по всей России. По крайней мере здешняя белая рыба, осетры и стерляди далеко волжских превосходят“.

Хорошо слушать на плоту влажной весенней ночью рассказы бывалых речных людей. Сзади сооружаются новые плоты. Ватем наваливается мелюзга — так называемые „самосуды“ — плоты маленьких размеров, управляемые одним человеком. На берегу пылают десятки костров. Оранжевое их пламя ольщется, и искры поднимаются высоко в небо. Потом кто-то затягивает песню:

Ах, доселева Усов и слухом не слышать,
А слухом не слышать и видом не видеть.

На соседних плотках подхватывают:

А как нынче Усы появились на Руси
А и в новом Усолье у Строганова.

И плывет в воздухе хоровая древняя песня:

Они шепотко по городу прохаживают.
А кораблики бобровые, верхи бархатные.
На них смурые кафтаны со подпушечками,
Со подпушечками, со комчатными...

Лоцман Адриан выходит из избушки. Он сердится и отдает безоговорочную команду:

— Кончай, будя! Ложись спать!

И песня угасает медленно, словно нехотя. Тишина...

Только дневальные ходят на плотках или сидят с удочками.

Но сизое приходит утро, и лоцман Адриан, открыв один глаз, кричит:

— Поднимайся, бурлаки! В Сталинград плыть будем!

И снова тянется панорама берегов Камы. И плещется над избушкой на матке полотнище с надписью:

„СТРОИТЕЛЯМ СТАЛИНГРАДСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА
— ОТ СПЛАВЩИКОВ СЕВЕРА — ПРИВЕТ“

В тот 1929 г.— первый год первой пятилетки — начиналась новая страница камской истории.

Вишера¹

Того, кто хоть раз побывал на Каме, потянет туда еще и еще. И если даже человек и не сможет вторично побывать на этой реке, то все-таки он сохранит о Каме самые лучшие впечатления и воспоминания. Такова уж эта великая река с ее мощью, раздольем, своеобразием. Таковы уж ее берега, поросшие хвойными лесами, застланные цветными коврами роскошных лугов.

На следующий год после поездки на плотках я поехал на Вишеру — приток Камы.

И, может быть, притоки интереснее самой Камы. Каждый приток хранит свои прелести, свои пейзажи. Вот Весляна — спокойная и глубокая, она катит свои воды сквозь глухие, густые леса. И когда тихим солнечным днем едешь в лодке

¹ *Примеч. ред.* Вишеру нельзя причислить к рекам Среднего Урала, но ввиду того, что описание ее представляет собою в очерке А. Маленького органическое целое с описанием Камы, редакция условно относит описание Вишеры в этот раздел.

по Весляне, то видишь чудеснейшую картину: в почти черном зеркале воды отражается лес, небо. Это похоже на гигантскую картину, написанную несравненным художником, и как-то не хочется ударить по воде веслом — жалко разрушить то, что видишь. Тогда поднимаешь весла, и лодка плывет тихо в мире отражений. Такова спокойная Весляна.

Но ни минуты созерцательного покоя не даст путешественнику Чусовая, прославленная тысячами туристов, ежегодно ее посещающими. Каждую минуту перед глазами возникает новый пейзаж: то порог, то скала, то выдавшийся из воды камень. Насколько Весляна спокойна, настолько шумна Чусовая. На Весляне можно опустить весла и тихо плыть, читая книгу. Чусовая требует постоянного внимания — того и гляди, бросит лодку на камень и разобьет ее в щепки, и путешественник, в лучшем случае, неожиданно выкупается.

Но ни один приток Камы не может сравниться с Вишерой. Природа делала тут свое дело с таким художественным мастерством, с таким старанием, что не знаешь, с чем это можно сравнить. Чусовая? Нет! Чусовая выглядит не больше, чем посредственной копией. На востоке СССР есть только одна река, которую можно сравнить с Вишерой. Это — Ангара. Правда, Вишера и меньше протяжением, и беднее водой, но есть у нее с Ангарой много общих черт: какое-то особенное буйствование воды в стесненном скалами русле. Хрустальная чистота и прозрачность, частая смена тихих плесов на шустрые перекаты и пенистые пороги. Река живет, движется, спешит, и нет на всем ее протяжении такого уголка, где бы глаз уставал от однообразия картины. За каждым изгибом, за каждым поворотом Вишера готовит путнику все новые и новые впечатления. Не скупясь, щедро она раздает свои дары людям. Если бы Вишера не текла в столь отдаленных местах, и если бы мы умели по-настоящему организовать туризм, на Вишере возникли бы туристские станции, гостиницы, дома отдыха, курорты, и тысячи людей получили бы прекрасный отдых.

На шестидесятой параллели северной широты Вишера вонзает голубой клин своих вод в Каму. Но начинается Вишера в Уральском хребте, на полтора градуса севернее. Там, на уральском водоразделе, текут две речки — Малая и Большая Вишеры. Малая начинается в хребте Яны-емти и Вишерском Камне, Большая — на горе Поримонгит-Ур (Пурминский Камень). Речки сливаются вместе у горы Армии или по-вогульски Муни-Ньер.

Свыше 500 километров пробегают воды Вишеры от Пурминского Камня до устья и на этом пути насчитывается 104 переката и порога. На каждые 5 километров — перекат или порог!

В верховьях сжатая скалами Вишера мечется меж камней и пенится.

Самые злые из всех имеющихся на реке пять порогов Яхтель-я преграждают путь лодкам. Средняя скорость течения Вишеры в верховьях — семь с половиной километров в час, а весной — 11 километров. Только в средней части и в низовьях средняя скорость течения понижается до 5—8 километров в час. А на порогах и перекатах река мчится с такой быстротой, что кажется, будто лодку бешено крутит на одном месте, и все горы, лес, небо, камни понеслись куда-то в диком хороводе. Только опытный, хорошо натренированный человек может управлять лодкой на таком перекате или пороге.

Вот почему судоходство так слабо развито на Вишере. Камские пароходы доходят до Красновишерска, а средняя часть Вишеры видит пароходы только в весеннюю пору, когда уровень воды стоит высоко. Тогда пароходы успевают сделать один-два рейса до устья реки Велс. В мелкую воду даже моторные лодки не в состоянии подняться вверх по реке на сколько-нибудь далекое от Красновишерска расстояние. Ни о каком судоходстве в верховьях реки нечего и думать. Да и в среднем течении основным средством передвижения остается „вишерка“ — осиновая лодка-душегубка, верткая, как рыба. На ней можно проехать через любой перекат или порог. Ее двигательная сила — человек с шестом. На ней ездят в командировки, в гости, возят почту, перевозят грузы в кооперативные лавки. И бывает зрелище, которого нельзя увидеть больше нигде: свадебный караван из душегубок. Разряженные молодожены на передней лодке, за ней пять-шесть, а то и десять лодок с гостями. И заливаются, захлебываются над рекой гармошка...

Неповторима Вишера в ее своеобразии. И история этой небольшой реки вмещает в себе столько событий и фактов, что если бы когда-нибудь об этом была написана книга, она читалась бы с неослабным интересом.

Было время, и Вишера называлась иначе: Пассер-я, что по-вогульски значит „большая вода“. Вишерой реку называли выходцы из Великого Новгорода, потому что у них на родине тоже текла река Вишера. Так получилось две Вишеры: одна — на Евразийском водоразделе и другая — в Балтике.

Пролегли по Вишере великие магистральные пути. Серебряной ниткой Вишеры северная Европа впервые перебралась через Уральский хребет в северную Азию. От тех, полных кровью времен, остались проржавевшие кольчуги, которые время от времени находят здесь то в реке, то в земле, да живут в деревеньках по берегам Вишеры потомки древних выходцев из Великого Новгорода, кое-что и по сей день сохранившие от своих предков: особую одежду, надеваемую через голову с завязками под рукавами, — одежду, по форме похожую на кольчугу. Да еще ботинки с особой шнуровкой, — подобную обувь нашивали когда-то новгородские воины.

Шли по Вишере новгородцы, потом москвичи. Вогульманси — мощное когда-то племя — отступали все дальше на Восток, и сейчас на Вишере нет ни одного вогульского пауля (селения). Остатки мансийского народа кочуют в Азии по берегам Оби, Сосьвы и Лозьвы.

С 1581 по 1596 год по Вишере лежала „государева дорога“ в Азию, и на азиатской стороне существовал город Лозьвинск — перевальный пункт. Но в 1596 году соликамский житель Артемий Бабинов отыскал более удобный и краткий путь: из Соликамска на реку Туру. Лозьвинск было приказано сжечь, а на Туре выстроить Верхотурье.

Вишера стала тупиком. Позднее по Каме поплыли пароходы, через хребет была протянута нитка железной дороги. Вишерская душегубка не могла состязаться ни с парходом, ни с паровозом. Остались деревни со странными названиями: Акчим, Колчим, Щугор, Велгур, Воронья, Заговоруха...

Люди жили, плодились. Кто имел возможность уехать — уезжал, оставшиеся промышляли зверем, рыбой, возили на душегубках грузы и пассажиров. Зверя было достаточно — сразу за селами начиналась тайга, и на многие десятки верст уже нельзя было встретить человеческого жилья.

Белка в иные годы ходила стаями по деревенским улицам. Соболь гнезился в камнях. Северный красавец-лось давал великолепное мясо и шкуры. Река кишела рыбой. Вишерские хариусы пользовались славой далеко за пределами Вишеры. Тучные, жирные ходили в омутах налимы. Водились подкаменщик, ерш, окунь, судак, язь, щука, „лень“ (разновидность тайменя). Тайга давала дерево и бересту для посуды. По берегам лежали цветистые, сочные луга — их хватило бы прокормить в тысячу раз больше скота, нежели имелось на Вишере. Пробовали еще вишерцы сеять хлеб, выращивать овощи — получалось это плохо: душили заморозки и каменистая почва. Так жили...

...На пароходе мы приехали в Красновишерск. Такого города не знал дореволюционный Урал. Его еще только нанесли на географические карты. Город еще только освобождался от строительных лесов. На том месте, где три года назад была глухая тайга, протянулись улицы, и на изгибе Вишеры, напротив Полюд-Камня, выстроились корпуса нового бумажно-целлюлозного комбината.

В Красновишерске в те дни много думали о Вишере. Там хотели увенчать реку славой: ученые люди учитывали количество воды, которое дает река, быстроту течения. Они мечтали об электрических гидростанциях, о пароходах, которые пойдут по Вишере до Усть-Улса, о миллионах бревен леса, которые понесет река к бумажному комбинату, и о лучшей в мире бумаге, которую комбинат будет вырабатывать. Красновишерск оттеснял тогда древнюю Чердынь — город церковных маковок и купеческих особняков.

В тот год вишерским жителям было много работы на душегубках. Геологические партии забирались по Вишере все дальше и дальше. Они нашли уголь, железо, серный колчедан и многие другие ископаемые. Разведочные станки постукивали на берегах. Гидрологические партии плыли на специально построенных судах, изучая реку. Вишера, как и Кама, начинала новый круг своей истории.

...Была уже осень. Движимая напором шеста душегубка скользила по воде. Осень окрасила берега и горы в яркие — желтые, красные, зеленые тона. На плесе лодка шла тихо, спокойно. На перекатах вода катилась быстро, с силой била о борта, и лодочник должен был с сильным напряжением налегать на шест. На порогах вода пенилась на камнях, и казалось, что сейчас, вот в эту секунду, сумасшедший поток подхватит душегубку, бросит ее, разобьет. Но опытная рука кормчего проводила душегубку сквозь яростный вой и пену порогов. И когда, миновав последний выдавшийся из воды камень, душегубка выходила на сравнительно тихий и гладкий плес, — оставалось приятное ощущение пережитых минут. Еще полчаса — и издали снова слышно журчание нового переката и на-глаз можно заметить, как постепенно убыстряется бег воды.

А вишерские камни! С нетерпением ждешь каждый из них. На несколько десятков метров поднимается над водой красно-серый Ветлан, похожий на полуразрушенную древнюю крепость.

Чего только не изготовила художница-природа из вишерских камней! Отвесной стеной стоит над рекой камень Говорливый. Скажешь слово — и камень повторит его громко, ясно, раздельно. А рядом камень Заговоруха — вы можете кричать сколько угодно — камень ничего не ответит. На километр тянется камень Писанный, сохранивший остатки „писанцев“, в глубокой древности кем-то нарисованных. Изъеденный водой и ветрами, изглоданный пещерами висит над водой камень Дыроватый. Чуть-чуть жутко плыть под этим камнем по огромной и глубокой яме. Думается, что камень в любую секунду может обрушиться в реку. Но нет! Дыроватый камень — итог работы тысячелетий, и он простоит еще тысячи лет, если не будет снесен человеческой рукой. И так камень за камнем: Колчимский, Велгурский, Столбы, Гостиный, Ветряный. И если бы Вишеру украсить скульптурой, это не было бы так красиво, как украшают ее эти камни.

Мы плывем километр за километром. Мы избегаем деревень и ищем ночлега под густыми старыми елями. Мы обедаем на прибрежных, омытых водой и согретых солнцем, камнях. Обязательно мы отыскиваем камень с ровной, как стол, поверхностью.

А пища! У нас нет недостатка в пище. Вишера предоставляет нам большое и разнообразное меню. Мы можем выбирать. Вот они, плещутся и блестят в реке хариусы. Или: лодочник уходит на 15—20 минут в лес, свистит там в особенную свистульку и приносит пару рябчиков. Но можно добыть и утку, и тетерева. Топливо лежит тут же, на берегу. Не надо нам и спичек: мы высекаем огонь охотничьим ножом из кремня. Каждый раз мы готовим разные кушанья, варим, жарим, печем, упражняемся в кулинарной изобретательности. Правда, все это припахивает дымом и иной раз захрустит на зубах уголек, но никогда в жизни не ел я такого вкусного хлеба, как ржаные сухари, которые мы везли с собой по Вишере.

Ночи были уже холодные, но ели спасали нас от дождя, пихтовые ветви служили постелью, а умело разложенный по-вишерски костер — „нодья“ давал достаточно тепла. И лодочник так интересно рассказывал вишерские сказки и побасенки, а иной раз и быль, похожую на сказку. Помешивая угли в костре, он мечтал о времени, когда по Говорливому камню пройдет железная дорога, а в Усть-Улсе выстроят большой завод.

Чем выше поднимались мы по реке, тем она делалась уже

и порожистее. После деревни Акчим уже нет больше селений на протяжении 50 километров до селения Усть-Улс. Тишина... Редкая встретится душегубка, плывущая с севера.

На полпути гостеприимные вишерцы устроили приют для путешественников — поставили избу с печью, рядом положили запас дров. Тут путник может отдохнуть, поесть, выспаться. Но мы проехали этот приют мимо. Избе мы предпочли густые ели, а печи — нодью. Еще одну ночь мы провели под вишерским небом, пекли рыбу в золе.

И вот... Усть-Улс — маленькое селение — центр огромного края. Отсюда Вишера круто поворачивает на север. Вишера тут мелководна — ее переходят вброд. У Усть-Улсовского сельсовета около миллиона гектаров земли, но только 318 человек населения. Всех дворов в сельсовете — 63, из них 51 находятся в самом Усть-Улсе. Тут буквально еще не открытая, новая земля. И как заманчиво было двинуться дальше на север или через хребет. Как хотелось пройти древними путями, которыми хаживали новгородцы. Но — что поделаешь! На землю уже падали инеи, приближалась зима, и нужно было возвращаться обратно. Через несколько дней нашу лодку несло течением к югу. Мы спешили. Но тогда же я решил: когда-нибудь обязательно пойду дальше за Усть-Улс, пока не узнаю этот край полностью..

Через четыре года

Прошло четыре года. Они были наполнены для страны великим содержанием. Завершена была первая пятилетка. Успешно выполнялась вторая. Изменилось лицо страны: ее города, поселки, деревни. Там, где несколько лет назад был пустырь или тайга, теперь действовали заводы, фабрики. Новые линии железных дорог пересекли страну. Целые области окутались проводами линий высоковольтных электрических передач. Изменилась география: заново переделывались географические карты. Маленькие до этого городки становились крупнейшими центрами, на карты наносились новые каналы, новые железные дороги, новые авиолинии. Колхозы переделали пейзаж страны: канула в вечность знаменитая, воспетая поэтами, русская полоса. Тракторы и комбайны, как корабли, плыли по бескрайним полям колхозов и совхозов.

Был 1935 год. И снова я ехал по Каме. Снова развертывалась перед глазами та же, но каждый раз новая, картина великой реки. Но уже на пермской пристани чувствовалось,

что на Каме произошло в эти годы что-то особенно важное.

Иной была панорама пристани.

Наряднее выглядели пароходы.

Реку во всех направлениях бороздили речные трамваи.

У билетной кассы можно было заметить изменение потока пассажиров — в расписании пароходов бывшие знаменитые места: Чермоз, Добрянка, Пожва значились мелкими пристанями.

Возникли новые узловые центры: Березники, Соликамск, Красновишерск. Туда теперь устремлялись человеческие потоки.

У Камы была новая география.

И как изменились берега! Пермь обросла стройками, заводами. Строилась бумажная фабрика, фабрика Гознак. Нет, берега Камы уже не пустыни! Старые справочники никуда теперь не годятся.

Одни Березники давали теперь за месяц больше нужных человеку вещей, нежели десять старых заводиков за целый год. В Березниках овладели сложными химическими производствами и каждый центнер березниковской продукции являлся драгоценностью. Соликамск посылал стране по Каме десятки и сотни тысяч тонн калийных солей-удобрений, столь необходимых колхозным полям.

Красновишерск вырабатывал великолепную бумагу, и на лучших книгах можно было прочитать: „Отпечатано на вишерской бумаге“. А совсем близко у истоков Камы добывали фосфориты. Чусовая давала нефть.

Пароходы и баржи шли глубоко осевшие в воду. Никогда столько грузов не знала Кама. И каких грузов! Тонна груза, перевозившегося пять-шесть лет назад, и тонна груза, перевозимого теперь, — несравнимы.

Кама стала рекой современной химии и лучшей в стране бумаги.

А впереди? Началось строительство еще одной бумажной фабрики близ Соликамска. Строилась грандиозная камская гидростанция. Пройдет несколько лет, и высокая плотина перегородит реку недалеко от Перми. Кама даст краю и электричество. Изменится и сама река. Она станет глубже на всем своем протяжении до устья Вишеры. По ней смогут плавать глубоко сидящие пароходы. Наполнятся водой мелкие реки — притоки Камы, такие, как Сылва и Чусовая. И там пойдут пароходы. Урал получит новые и удобные пути сообщения. Так будет...

Но и сейчас... Как сильно изменилась Кама! Пароход идет на север мимо древних мест, и многого вы уже не можете узнать. Цвет свежего дерева ворвался в древние камские поселения. Древние заводы еще живут и работают. Но на месте Пыскорского монастыря работает артель, выделяющая гончарные изделия и черепицу, а в Пожевы вырабатывают хозяйственную домашнюю утварь из чугуна. Стоят на берегу заново выстроенные поселки. В Орле теперь существует большой сплавной центр. Но из Орла за несколько десятков километров видны дымы Березников.

В Березники пароход приходит ночью. И никто на пароходе не может остаться безучастным перед величием картины, которая разворачивается. Почти на три километра по берегу реки тянется иллюминированная электрическая стена. Электричество отражается на темной глади реки, и похоже: это течет не вода, а колоссальные массы расплавленного металла. Березниковский химический комбинат действует. Усолье и Дедюхин стали пригородами Березников. Они ничего при этом не потеряли. Наоборот: выиграли. Многие солевары переучились на химиков. Березники вдохнули жизнь в обреченные, казалось, на прозябание поселки. Усолье и Дедюхин соревнуются в озеленении улиц. В Дедюхине выстроили новый лесопильный завод, а в Усолье — курорт с соляными ваннами. В Соликамске никого не интересовали „кабалы“ знаменитого монастыря. Путешественники предпочитали осматривать калийные шахты, и только редкие любители старины находили время осмотреть знаменитый „дом воеводы XVII столетия“.

Все так же, как и четыре года назад выглядело вишерское устье, но Красновишерск стал городом с парком, стадионом, в бумажной фабрике в отделе готовой продукции можно было видеть стопы бумаги с ярлыками: „экспорт — Лондон“, „экспорт — Тегеран“, „экспорт — Анкара“, „экспорт — Токио“. Новая слава Вишеры стала мировой славой.

До Красновишерска теперь регулярно ходили пароходы, и тут возник большой и оживленный речной порт.

Рядом с древними деревушками на Вишере возникли новые поселки, сплавные гавани, лес густо шел по реке — Вишера работала на социализм. Камни стояли, как они были, но полыхали на берегах костры, — то отдыхали сплавные рабочие. На безлюдном ранее пространстве между Акчимом и Усть-Улсом выстроен новый поселок „Гостиный Остров“ с правильно спланированными улицами, просторной школой, магазином, телефоном.

Все такое же почерневшее жалось к реке селение Щугор, но на противоположном берегу реки стоял только что выстроенный новый Щугор. Там жили рабочие сплава. А в Щугоре детишки играли в капитанов и летчиков: они мечтали о времени, когда и родной их Щугор станет большой пристанью.

И когда плывешь по реке, то замечаешь: как будто и скалы знакомы, и луга, и перекаты, но есть на берегах нечто такое, что вносит новую черту в картину. Раньше тайга начиналась сразу от последнего дома деревни. Теперь вокруг деревень лес раскорчеван, земля распахана. На Вишере научились выращивать в северных условиях пшеницу и рожь, картофель и капусту.

Вишера была так же прекрасна, интересна, но тупика здесь уже не существовало. Стояло изумительное время вечерних зорь, когда хариусы устраивали на перекатах свои игрища. Для хариусов мало что изменилось. Но рядом можно было купить в пловучем магазине любой продукт. Социализм вывел Вишеру из тупика на широкий путь экономического и культурного возрождения. И тогда верилось: приближается день, когда Вишера станет любимым местом отдыха трудящихся нашей страны и на Писаном камне будет выстроен санаторий.

Ведь даже Усть-Улс — и он какой-то новый. Там работал леспромхоз. Он организовал сельскохозяйственную ферму, и впервые за многие века существования люди здесь ели овощи местного происхождения. На месте бывшего охотничьего кооператива теперь стояла промысловая охотничья станция, а при ней племенной рассадник вишерских охотничьих собак ценнейшей промысловой породы. Далеко в верховьях Вишеры — на Мойве для охотников организован пункт с запасом продовольствия. И в тайге охотники не спали уже больше зимой на снегу. Там были выстроены многочисленные охотничьи избушки, и охотиться стало удобнее и прибыльнее.

Через несколько дней наша группа пешком вышла из Усть-Улса, чтобы перевалить через хребет и Евразийский водораздел.

Мы шли сперва берегом реки Улс, потом берегом Кутима. Кутим метался в берегах, ревел, со стремительной скоростью, весь в пене, спешил к своему устью. Кругом стояла вековая тайга, камни, болота, трава в человеческий рост. Потом мы повернули на восток. Через три дня перед нами развернулась красочная панорама Денежкина Камня и речка Сольва. Мы были в Азии, в системе реки Оби. Дальнейший путь лежал по Лозьве и Сосьве...

А. Маленький.

РОЖДЕНИЕ КАМЫ

...Я вышел на палубу. Встречный свежий ветер вырвал из моих рук каютную дверь и яростно прихлопнул ее.

Река беспокойно билась могучими вспененными волнами в пароходные борта. На правом высоком берегу показались уже строения села Богородского.

И вдруг Волга начала терять свои очертания. Берега ее отодвинулись от пароходных бортов, ушли вдаль.

Перед нами расстиралось безбрежное море!

Здесь Волга принимала в себя свой могучий приток. Здесь Кама впадала в Волгу...

— А я вам говорю, что Волга впадает в Каму!..

Я обернулся удивленный. На палубе никого не было. Голос долетел до меня из полузакрытого от солнца жалюзи каютного окна.

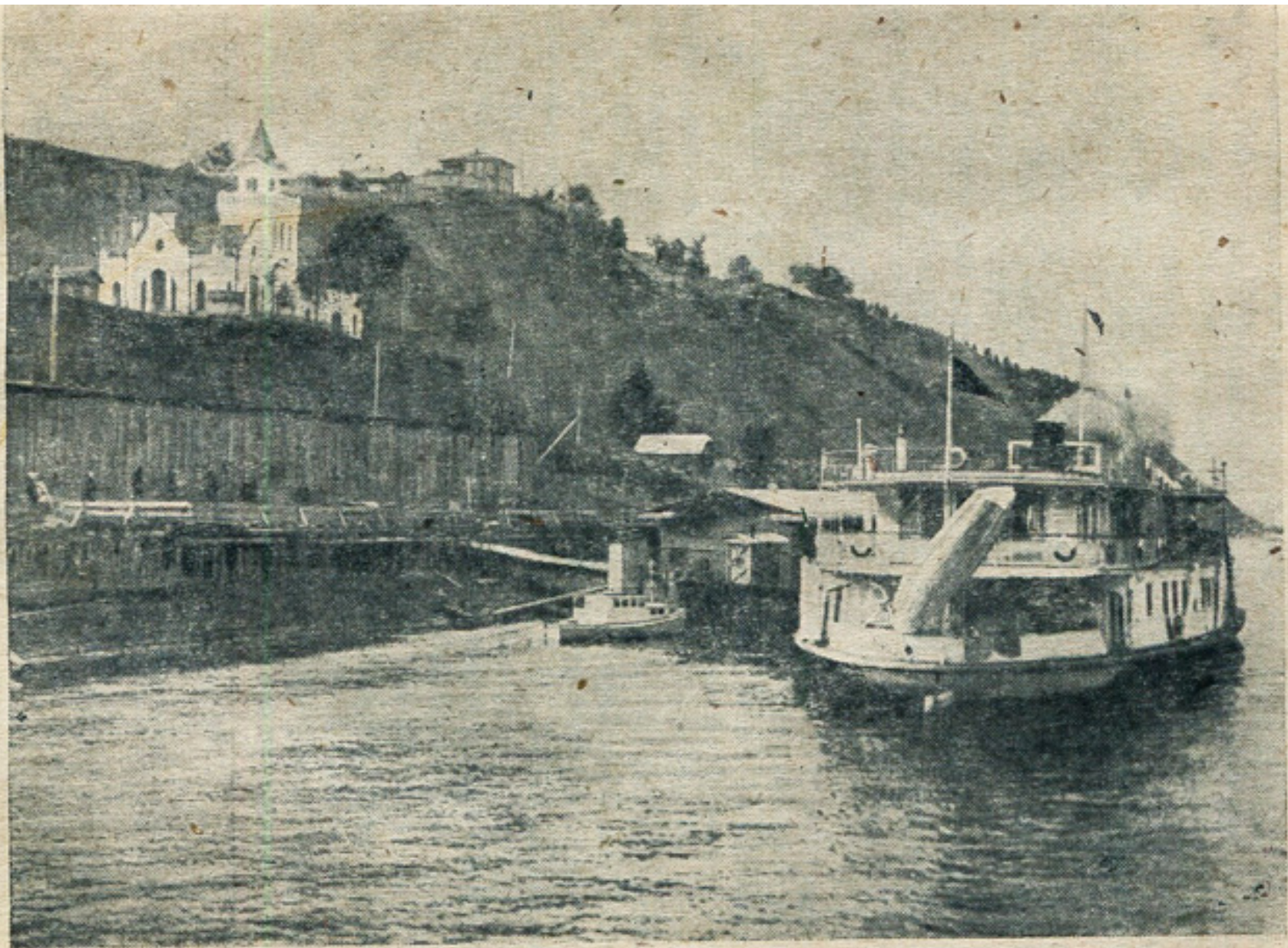
— Но позвольте,— возразил второй голос,— как же так? Значит, в Каспийское море впадает не Волга, а Кама? Значит, врут учебники географии всего мира, лгут географы всех пяти стран света? Для всех нас непреложная истина, что „Волга впадает в Каспийское море“.

— Кама впадает в Каспийское море!— энергично возразил первый.— А географы не врут, зачем так резко, но ошибаются. Если взять бассейн Камы, то он по площади и по количеству притоков превзойдет бассейн Волги. Объем воды Камы с притоками также превышает объем воды Волги и ее притоков. Недаром говорят— „Кама многоводная“. Что же во что впадает?..

Этот, невольно подслушанный на палубе волжского парохода разговор и многие последующие споры о том, что произошла „великая географическая ошибка“, что Волга впадает в Каму, а не наоборот, что величайшая река Европы—Кама, ярко припомнились мне, когда я, выйдя за деревню Карпушину, остановился на скате невысокого холма.

Четыре небольших ключа сбегали по скату и по деревянным желобам падали в небольшой пруд, выложенный бревнами. Берега пруда густо заросли черемухой, рябиной, березой и липой. Здесь тень, прохлада и веселое журчание водяных струй, первых камских струй, ибо эти четыре ключа и есть начало великой реки—„Камы многоводной“.

Из пруда Кама вытекает снова по длинному желобу и попадает в большую деревянную колоду. Здесь она впервые служит человеку. Из этой колоды поят скот и в ней же полощут белье. А когда полоскальщиц из деревни Карпушиной

Кама, Пристань в Сарапуле,

РАЗРУШИТЕЛЬНИЦА ГОР

Едва ли в нашей стране найдется хоть один турист, который не мечтал бы, наряду с посещением Крыма, Кавказа или Алтая, проехать на лодке по уральской реке Чусовой.

Исключительная красота ее берегов, капризность течения, причудливость извивов и петель, которые делает река, обегая неприступные каменные утесы, заслуженно дали ей славу одной из красивейших рек нашей необъятной страны.

Проезжая по Чусовой, путешественник проникает в самое сердце Уральских гор, наблюдает такие места и явления, какие не видит даже во сне засидевшийся городской житель.

Могучие девственные леса, взлетающие на головокружительную высоту береговых скал, нетронутая природа гор развертывается здесь перед глазами ошеломленного туриста, как в калейдоскопе. А близость Чусовой в нескольких местах своего течения к железнодорожным пунктам делает ее вполне доступной для речного туризма.

Но не только туристу интересна Чусовая. Геолог найдет здесь широчайшее поле для наблюдения над процессом разрушения гор, изучения их строения, разрешения тайн рождения их и медленного умирания.

Художник встретит нескончаемый выбор сюжетов для картин и этюдов. Неврастеничный городской житель, уставший от сутолоки большого города, укрепит свои развинтившиеся нервы и расслабшее тело.

Чусовая многогранна, многолика. Ее трудно описать и невозможно понять, не побывав на ней.

Предлагаемый читателю очерк является лишь робкой попыткой возбудить интерес к этой изумительной реке, вызвать в читателе желание самому промчаться по ее бурливой воде, через глубокие ущелья, пенистые перекаты, мимо коварных подводных камней и угрюмых береговых бойцов, сквозь самое сердце Уральских гор...

Осуществить это путешествие очень не трудно. В Свердловском областном совете общества пролетарского туризма и экскурсий можно закупить лодку-плоскодонку, получить все необходимое: палатку, посуду, топор, продукты и выехать с дачным поездом до станции Коуровка. Там, на берегу Чусовой, расположена база ОПТЭ. Лодку получаете здесь, загружаете ее провиантом, снаряжением и, оттолкнувшись от берега, отдаетесь на волю стремительного течения...

Путешествие началось!

Желающие обследовать Чусовую еще выше, могут начать свое плавание от Ревды или даже деревни Макаровой, но тогда о лодке придется договариваться с местными жителями.

Если плыть по Чусовой до Перми, то путешествие займет недели три; если только до Чусовского завода — не более двух, включая две-три дневки.

* * *

Вторые сутки мы сидим на Коуровской базе ОПТЭ и вторые сутки непрерывно льет дождь, вгоняя нас в безысходную тоску.

Внизу, у подножия скал Собачьи Ребра, где расположен дом базы, плещется Чусовая. На противоположном пологом берегу разбросала свои ветхие домишки Уткинская слобода — одно из самых старых селений на Чусовой.

Основание ее относится к 1652 г., но еще задолго до того здесь существовало становище остяков. Русские поселенцы вытеснили коренных хозяев с насиженного места, но прошло еще много времени, прежде чем удалось им закрепиться здесь, отражая многократные набеги остяков.

...На востоке всплывает солнце, на небе ни облачка! Торопливо укладываемся, стаскиваем все снаряжение вниз, в лодку, и отчаливаем от берега. Быстрины Чусовой подхватывают нашу плоскодонку и выносят ее на середину реки, туда, где течение сильнее и промыло себе более глубокое русло. Но вдруг... резкий скрип, под дном хрустит речная галька, корму внезапно выбрасывает вперед, и наш „корабль“, накренившись резко останавливается поперек реки. Сели на мель!

Вода хлещет в борт, обдавая нас брызгами. Поспешно выскакиваем в воду. Лодка всплывает. Двигаемся дальше.

Путешествие явно сулит быть нескучным. Озорная Чусовая швыряет лодку то к одному берегу, то к другому. Приходится повиноваться ее капризам, чтобы не сесть на мель. Но и это зачастую не помогает.

Чусовая — типичная горная река. Если весной она бурлит и яростно хлещет мутными волнами о прибрежные скалы, то летом, в межень, она затихает, мелеет, так что местами еле проходит плоскодонка. Русло завалено камнями, засыпано галькой. Масса мелей, перекатов, тем более страшных для нашего утлого суденышка, что все они каменистые — песчаных нет совершенно.

Камень Георгиевский остался позади. Проплываем камни Чусовой, Бабинский, Левинский... Камни непрерывно следуют

один за другим. Не мало пришлось поработать реке, чтобы проложить себе дорогу среди этих могучих утесов!

Первое время все наше внимание устремлено на движение по реке и состояние ее фарватера. Но через несколько часов плавания у нас уже начал появляться опыт. По извилинам реки, по высоте берегов, по ряби на воде мы стали догадываться, где большая глубина, куда направлять лодку.

Подводными камнями усеяно русло Чусовой на всем ее протяжении. Они чрезвычайно опасны для плавания, но опытный рулевой легко заметит их издалека. Вода над ними бьет ключом, иногда кипит, как в котле. И всегда на воде видна рябь в виде небольшой струи. Когда подплываешь к „ташу“,¹ то кажется, что навстречу, вверх по течению, плывет какой-то неведомый водяной зверь, чуть подняв голову над водой и извиваясь всем телом. Это впечатление настолько реально, что первое время ждешь, что вот-вот он высунет голову из воды. Но подплываешь ближе и видишь, как под водой, в тени лодки, быстро проносится мимо силуэт подводного камня. А иногда и действительно „таш“ высунет „голову“ на поверхность воды.

Но есть на Чусовой и еще более опасный враг лодки, чем „таш“. Это — „топляк“ — бревно, оставшееся от сплава и замытое илом. Одним концом оно всегда лежит на дне, а другим торчит из воды. Иногда этот наружный конец топляка то погружается в воду, то выглядывает из нее в ритм течению реки. В момент погружения он незаметен, но может вынырнуть совершенно неожиданно, когда лодка уже подойдет к нему вплотную. А удариться с быстрого хода о конец бревна — это полная гарантия катастрофы.

Но к концу первого дня путешествия привыкаем и к „переборам“ и к „ташам“ и к „топлякам“. Теперь мы уже более или менее спокойно любимся берегами.

А берега хороши! Все скалы, скалы и скалы. Река вьется между ними, как удав, бросается то вправо, то влево, порой свивается почти в петлю, порой идет прямо, как натянутая струна, и, ударившись с разбегу в грудь какого-нибудь каменного великана, с сердитым ворчанием отскакивает в сторону, чтобы сделать новый поворот.

Порой берега наступают, стискивают реку с обеих сторон, и тогда она с ревом и шумом мчится по узкому каменистому руслу.

¹ „Таш“ — подводный камень.

В таких местах рулевой следит в оба. Лодка мчится со скоростью курьерского поезда так, что дух замирает, прыгает с волны на волну, и нужно большое умение, чтобы не стукнуться бортом о береговые скалы при крутом повороте или не сесть с разбегу на подводные камни.

Иногда русло реки настолько мелеет, что приходится, выйдя из лодки, вести ее, как лошадь, на поводу и, уцепившись за борта руками, сдерживать ее стремительный бег, едва не падая под ударами волн.

Местами же берега раздвигаются, скалы уходят далеко к коренным берегам, и тогда река сразу затихает, разливаясь во всю ширь и величаво несет свои воды, набираясь сил к своей бешеной скачке на очередном переборе.

Удивление берет, когда подумаешь о том, какую силу должна была иметь река, чтобы пробить себе дорогу через эти каменные барьеры. „Камни“ чередуются один за другим непрерывно. Какое разнообразие форм, строения, цветов!

Одни из них — просто бесформенные нагромождения камня, корявые, обкрошившиеся, густо заросшие наверху лесом.

Другие взметнулись в голубую высь острыми зубцами, напоминая разрушенные башни средневекового замка.

Третьи грозным каменным уступом выдались в реку, нависли титанической тяжестью над водой.

Четвертые — гладкие, отшлифованные водой стены, словно их обстрогали гигантским рубанком. Таков камень Заплотный. Сплошным каменным заплотом вытянулся он вдоль левого берега Чусовой метров на двести. Впечатление такое, что плывешь по крепостному рву под исполинской, мрачной крепостной стеной.

Пятые как будто сложены из громадных плит, перевернуты и поставлены на ребро.

Шестые как будто разрезанные слоеные пироги с разноцветной начинкой.

Здесь положительно гигантская геологическая лаборатория природы. Как наглядно можно здесь проследить всю историю горообразования Уральского хребта: его рождения, одряхления и медленного умирания. Едва ли где-нибудь в другом месте геолог найдет столь необозримое поле для исследований, как здесь, на Чусовой.

Уральские горы — одни из самых старых на земле. Но только здесь, на Чусовой, в самом сердце этих гор, начинаешь понимать эту их старость.

В десяти километрах на север от станции Уфалей Челябинской линии железной дороги имени Кагановича расположена Шаронова гора. На восток от нее раскинулось обширное, заросшее осокой и жидким лесочком болото. Среди болота затерялось несколько небольших озер. Из одного из них — Большого Чусовского — вытекает речка Полдневая-Чусовая.

На 45-м километре своего течения речка сливается с другим небольшим ручьем — Западной Чусовой. Место слияния этих двух речек и принято считать за начало реки Чусовой.

Мало чем напоминает этот ручей ту бурную горную реку, какой привыкли мы видеть Чусовую. Мелкая, узкая, скромно она струится в низких, густо заросших травой, заболоченных берегах. Но с каждым километром быстро растет, ширится, набирается сил. Много речек вливается в нее с обеих сторон, берега раздвигаются, болото исчезает, появляются горки, первые перекаты и подводные камни.

Мимо Свердловска (в 20 километрах по прямому направлению) Чусовая проходит уже речкой средней величины.

Здесь, на берегах ее, стоит целый ряд больших и малых заводов: Ревдинский чугуноплавильный, железоделательный и механический завод, основанный в 1734 г. Акинфием Демидовым.

Селение Ревдинского завода широко раскинулось по склонам гор и берегам узкого и длинного заводского пруда, образованного плотиной через реку Ревду.

Здесь, около Ревды, на Чусовой встает первый береговой камень — „боец“ Ершик. Недалеко от Ревды лежит Дегтярское месторождение меди — крупнейшее на Урале. От Чусовой к Дегтярскому руднику прорыт канал глубиной в 3 метра и шириной до 30 метров. За Ревдой расположился Первоуральский трубный завод, основанный в 1731 г. Никитой Демидовым. На заводе, так же, как и в Ревде, работали крепостные. Жуткая жизнь была у этих первых уральских промышленных рабочих. Получая гроши, работали по 18—20 часов в сутки. За малейшую провинность следовало жестокое наказание — железная рогулька на голову, тяжелые кандалы — на ноги, двухсаженная цепь с пудовой гирей — на шею.

Розгами, плетью или просто палками зачастую засекали до смерти.

Для наказания женщин существовали особые клетки с

острыми железными гвоздями внутри. Ни тяжелая болезнь, ни грудные дети не спасали провинившуюся от наказания.

Зачастую, в виде наказания, рабочих отдавали в рекруты, конторских служащих посылали с бумагой пешком в Петербург.

Не даром впоследствии рабочие завода принимали активное участие в пугачевском восстании.

Сейчас рядом со старым заводишком вырос новый, построенный по последнему слову техники, Первоуральский завод цельнотянутых труб, крупнейший не только у нас в Союзе, но и в Европе.

За Первоуральском береговые утесы начинают встречаться на Чусовой все чаще и чаще. За Билимбаевским чугуноплавильным заводом они уже чередуются почти непрерывно, и Чусовая окончательно принимает вид типичной горной реки.

Сердито скачет она по каменным переборам, разбиваясь в пену о береговые скалы, мчит свои воды с той скоростью, которая и дала ей название Чус-ва,— что по-пермяцки значит „быстрая вода“. Пробивая себе дорогу в толще осадочных пород, река делает множество поворотов и длинных, порой очень замысловатых, петель, обнажает скалистые породы, образуя причудливые острозубые береговые утесы.

В старое время эти утесы-бойцы были жестокими врагами проходивших по Чусовой судов, барок, на которых сплавлялись изделия уральских заводов.

Уральские горнопромышленники некогда хвастались:

„Двести лет вся Россия пахала и жала, ковала, копала и рубила изделиями уральских заводов. Она ездила на уральских осях, стреляла из ружей уральской стали, пекла блины на уральских сковородках, брэнчала уральскими пятаками в кармане...“

Урал был золотым дном для России. Но не было путей сообщения. Пятьдесят горных заводов выплавляли пять миллионов пудов металла, который нужно было вывезти, да купеческих грузов перевозилось ежегодно до трех миллионов пудов. И всю эту восьмимиллионную тяжесть поднимала на себе Чусовая!

Каждую весну, по высокой воде, сплавлялись вниз караваны барок. Двадцатипятитысячная бурлацкая армия обслуживала сплав.

Местных бурлаков не хватало, и ежегодно к сплаву стекались целыми артелями тысячи чердынцев, кунгурцев, казанцев, уфим-

ских башкир, вологодских зырян, паншевских татар. Шагали за 500—700, а то и за тысячу километров. Нужда и оброки гнали за рублем. Тяжел был этот рубль, ох, тяжел! Тяжело давила нищета, обсчитывали заводские приказчики, жульничали артельщики, и за свой каторжный труд бурлак, по окончании сплава, получал самое большее 2—3 рубля, а нередко и несколько десятков копеек.

Много барок гибло, разбиваясь о береговые утесы, а с ними гибли и люди, а те, что оставались живы, в одних рубахах, без копейки денег, без хлеба брели с Чусовой по уральским трущобам, собираясь милостыней.

Единственным утешением для бурлака от его „пропащей“ жизни был государев кабак, в котором он спускал последнее, что у него оставалось.

Сплав металлов производился на барках — „коломенках“, поднимавших до 200 тонн груза. На каждую коломенку для управления ею с помощью огромных „потесей“ ставилось 30—40 человек бурлаков. В большую воду, когда уровень реки поднимался на 3—4 метра, плавание по ней было чрезвычайно опасно: быстрота течения воды бывала так значительна, что поставленные на барку 40 человек зачастую оказывались бессильными предупредить крушение.

Бывали годы, когда барки гибли десятками в течение нескольких часов.

В особенности крепко запомнили на Чусовой сплав 1873 года, когда погибло 64 барки, обмелело 37, утонуло более сотни человек.

Один сильный удар о камень — и барка моментально разлеталась вдребезги. Снасти, крыша, чугун — все летело в бурлящую воду вперемешку с людьми. Треск, крики погибающих, грохот падающего чугуна, рев воды — дополняли картину.

Сплаву много помогали заводские пруды, при помощи которых регулировался уровень воды в реке. К их помощи прибегали и для взлома льда тогда, когда надо было отправлять караван. Вода обычно выпускалась из прудов дважды: в первый раз для взлома льда и очистки от него реки и во второй раз — спустя 4 дня для отправки караванов.

Существовал еще особый вид сплава, когда караван спускался не до Перми, как обычно, а шел с Чусовой на Каму и дальше по Волге, по Мариинской системе до Петербурга.

На эти барки ставились самые опытные сплавщики. Были лоцмана, которые работали исключительно на таких караванах.

ских башкир, вологодских зырян, паншевских татар. Шагали за 500—700, а то и за тысячу километров. Нужда и оброки гнали за рублем. Тяжел был этот рубль, ох, тяжел! Тяжело давила нищета, обсчитывали заводские приказчики, жульничали артельщики, и за свой каторжный труд бурлак, по окончании сплава, получал самое большее 2—3 рубля, а нередко и несколько десятков копеек.

Много барок гибло, разбиваясь о береговые утесы, а с ними гибли и люди, а те, что оставались живы, в одних рубашках, без копейки денег, без хлеба брели с Чусовой по уральским тущобам, побираясь милостыней.

Единственным утешением для бурлака от его „пропащей“ жизни был государев кабак, в котором он спускал последнее, что у него оставалось.

Сплав металлов производился на барках — „коломенках“, поднимавших до 200 тонн груза. На каждую коломенку для управления ею с помощью огромных „потесей“ ставилось 30—40 человек бурлаков. В большую воду, когда уровень реки поднимался на 3—4 метра, плавание по ней было чрезвычайно опасно: быстрота течения воды бывала так значительна, что поставленные на барку 40 человек зачастую оказывались бессильными предупредить крушение.

Бывали годы, когда барки гибли десятками в течение нескольких часов.

В особенности крепко запомнили на Чусовой сплав 1873 года, когда погибло 64 барки, обмелело 37, утонуло более сотни человек.

Один сильный удар о камень — и барка моментально разлеталась вдребезги. Снасти, крыша, чугун — все летело в бурлящую воду вперемешку с людьми. Треск, крики погибающих, грохот падающего чугуна, рев воды — дополняли картину.

Сплаву много помогали заводские пруды, при помощи которых регулировался уровень воды в реке. К их помощи прибегали и для взлома льда тогда, когда надо было отправлять караван. Вода обычно выпускалась из прудов дважды: в первый раз для взлома льда и очистки от него реки и во второй раз — спустя 4 дня для отправки караванов.

Существовал еще особый вид сплава, когда караван спускался не до Перми, как обычно, а шел с Чусовой на Каму и дальше по Волге, по Мариинской системе до Петербурга.

На эти барки ставились самые опытные сплавщики. Были лоцмана, которые работали исключительно на таких караванах.

Река, как змея, непрерывно извивается, то влево, то вправо. И на каждом повороте обязательно камень.

У красно-желтого Боярина останавливаемся на обед. Под камнем обширные пещеры — гроты, в которые можно попасть только с воды. На лодке подплыли под камень, забрались в холодные каменные ниши. С влажных, источенных рекою стен обильно стекает вода. После яркой солнечной Чусовой чувствуешь себя, как в склепе.

За Боярином начался тихий спокойный плес Волчник. Положили весла и отдались медленному течению, наслаждаясь теплом, благоухающим воздухом и прекрасной панорамой берегов. Течения реки совершенно не слышно. По бездонному синему небу бесшумно несутся кудрявые облачка. Лишь рулевой на корме чуть слышно всплескивает веслом. В конце плеса, на правом берегу встала над рекой угрюмая, но прекрасная своей величавой дикостью Сташкова гора. Красно-бурые, словно окровавленные, ее склоны поросли хмурым сосновым лесом.

Так, разомлев под жарким солнышком,плыли до самого вечера, палатку разбивать поленились и на ночевку заехали в уютную одинокую избушку — Митин хутор. Спать забрались на сеновал, набитый доверху душистым теплым сеном.

* * *

На шестой день путешествия обеденный привал мы разбили у небольшого плоского камня — Палатка. Здесь у этого камня лежало начало пятикилометровой дуги, пробежав которую, Чусовая приходила снова почти к этому же месту. На другом конце этой дуги стоял камень Переволочный, и перешеек, отделявший эти камни, имел не более 60—70 метров ширины. Но, видимо, прочность его была такова, что река не могла его проточить и вынуждена была пуститься в обходный путь. Об этом говорила и небольшая пещера, выбитая водой в Палатке, немного выше теперешнего уровня реки.

Здесь экипаж нашего судна разделился: я пошел пешком к камню Переволочному, остальные же спутники пустились дальше на лодке преодолевать пять километров речной петли.

Камень Переволочный — один из красивейших камней на Чусовой. Длинной стеной древнего замка, высотой в добрый десятиэтажный дом, выстроился он вдоль берега. Глаз различает карнизы, арки, башни. Вот массивные колонны, зубцы, бойницы, в которых так и ждешь появления закованных в

латы воинов. Красноватый кирпичный цвет камня усиливает это сходство с замком, и только зеленый лес наверху несколько нарушает эту архитектурную иллюзию.

В ожидании лодки с товарищами я принялся рассматривать куски камней. Это был известняк. И в нем я нашел много окаменелостей морских животных. Он мог образоваться в свое время только на дне моря.

Пласты этого камня ясно говорили о том, что когда-то морская гладь покрывала эти места. Не было Чусовой, не было этих красивых гор, лесов. Плескалось необозримое море. В течение долгого времени на дне его мощными пластами отлагались осадки, послужившие впоследствии главным материалом для образования горных цепей.

У камня Высокого решили сделать дневку. Немного не рассчитали дневной переход и к камню добрались только поздно вечером. В потемках пристали к высокому берегу и у подножия суровой каменной стены разбили лагерь.

Спящий берег проснулся от бивуачного шума, треска сухих сосновых сучьев на жарких языках костра, осветился его багровыми отблесками. Под могучей сосной разбили палатку. Лодку вытянули на берег.

На следующее утро я взобрался на вершину камня Высокого. Несмотря на то, что солнце палило невероятно, здесь, на вершине, гулял довольно свежий ветерок. Чусовая ровной серебристой лентой лежала глубоко внизу. Плывущее по реке бревно казалось не больше спички, а рыбачившие под камнем товарищи — еле различимыми фигурками.

В полукилометре выше по реке я заметил еще людей, копошившихся посредине русла. Видимо, это были старатели, которых мы не заметили вчера ночью. Спустившись с камня, я пошел к ним.

Стоя по колено в воде, двое мыли золото. Третий добывал прямо со дна реки гальку и песок. Перемытая порода сваливалась обратно в реку, образуя целую отмель. На берегу — примитивный берестяной шалашик. Вот и весь золотоискательский стан, сооруженный из бересты.

Старатели оказались приветливыми: они объяснили, как промывают, продемонстрировали „доводку“ золота ртутью в ковше, протянув мне потом пустой ковш.

— А где же золото? — спросил я удивленно, не видя даже следов его, пока закорузлый палец старателя не указал мне на несколько едва видимых желтых порошинок, притаившихся на шероховатом дне ковша.

Сколько же надо терпения и тяжелого труда, чтобы намыть и собрать из этих золотых пылинок хотя бы грамм золота!

Мое изумление столь откровенно, что старатели весело смеются. Терпеливо объясняют, что для того, чтобы получить 25 грамм золота — их 15-дневная норма добычи, — нужно промыть целую гору песка и речного гравия.

* * *

...С каждым днем мы забираемся все дальше и дальше в чусовскую глушь.

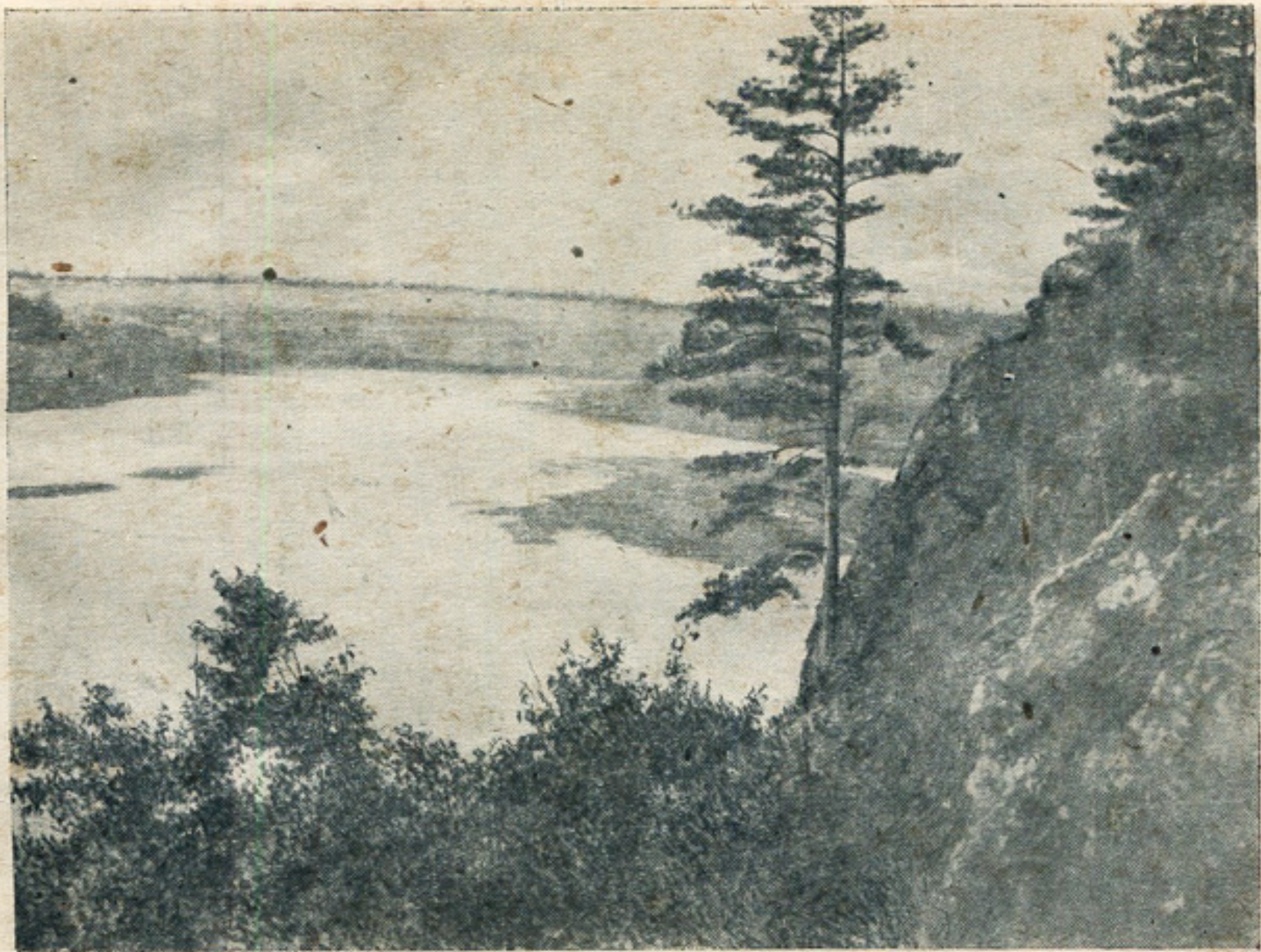
И вдруг... что это? Выстрел... другой... третий прорезали таежную тишь. Мы все встрепнулись. Кого бьют? Медведя, наверное. Кого же больше можно встретить в такой трущобе? Опустив весла, ждем, что будет дальше. Река поворачивает круто влево, открыв широкую береговую поляну. И по ней, навстречу нам, медленно шествует прекрасное колхозное стадо, сопровождаемое пастухом. Это он „стрелял“ своим длинным кнутом.

Вот она — чусовская „трущоба“ сегодняшнего дня!

Проходим знаменитый Кашкинский перебор у деревни Кашки. Река бешено несется в узком коридоре прибрежных скал, русло ее суживается до сорока метров. Падение реки здесь, на протяжении полукилометра, достигает почти трех метров. Даже на-глаз видно, как река катится под гору. Вода несется так стремительно, что лодка скачет по волнам, как мячик, и проносится мимо нависших утесов Голубчиков так быстро, что не успеваешь и рассмотреть, что это за Голубчики...

А через несколько поворотов яростного бега река внезапно притихает и входит в глубокую тишину камня Омутного. Гладкой отшлифованной стеной поднимается камень прямо из воды на правом берегу на высоту более 50 метров. Более величественного камня нет на Чусовой. Удивление берет, когда подумаешь о том, как могла образоваться такая гладкая стена в столь мощном каменном массиве. Приходит мысль, что когда-то Чусовая несла свои воды много выше теперешнего уровня. Но с веками врезалась все глубже и глубже в сердце гор, пока не легла серебристой лентой у подножия этой стены.

Тишина у камня стоит невозмутимая. Легкий плеск весел отдается звонким эхом. Скажешь слово — и через секунду слышишь, как кто-то гулко повторяет его наверху. Хочется сложить весла, замереть и слушать, слушать эту тишину...

Долина Чусовой у Уткинской слободы. Вид со скалы, где находится туристская база.

Казачи Ермака немало потешались над этим сбродом и ее повадками. Сядут лапотники сообща щи варить, а каждый свой кусок мяса держит в котле привязанным на мочалку.

В поход завоеватели пустились 1 сентября 1580 года и двинулись вначале по реке Сылве, но, не найдя перевала в Сибирь, зазимовали на этой реке. Через год в это же время пошли снова, на этот раз уже по Чусовой, поздней осенью свернули на Серебрянку. Поднимались по ней с большим трудом. Тяжелые суда пришлось бросить и идти только на легких, но вскоре река стала так мелка, что и эти суда застревали.

Тогда с берега на берег парусами запруживали речку, поднимая этим уровень воды в ней, и кое-как опять двигались вперед.

В верховьях Серебрянки, на высоком мысу, Ермак заложил Кукуй-городок и там зазимовал.

Весной 1582 г. казаки перетащили суда через 25-километровый волок на водоразделе между европейскими и сибирскими реками на речку Журавлик, спустились на реку Тагил и по ней в реку Туру, где начиналось уже Сибирское царство.

* * *

...Вчера нас целый день настигали грозы. Небо обложило черными тучами, так что стало темно. Дождь хлестал тропическим ливнем, сопровождаемый непрерывными громовыми раскатами.

А сегодня гроза превратилась в мелкий, надоедливый моросящий дождь, наводящий тоску и уныние. Но все же есть своя прелесть плыть и по нахмурившейся Чусовой.

Горы затянуты туманной завесой. Лес стоит темный, безрадостный, без жизни и красок. С берегов в реку стремительно несутся пенистые, мутные потоки дождевой воды, наполняя воздух своим журчанием и шумом. Береговые утесы встают из мглы призрачными расплывчатыми силуэтами.

Мутные холодные воды реки глухо плещутся за бортом. Кажется, что и не увидеть больше ни голубого неба, ни яркого солнышка, ни жаркого, напоенного ароматом цветов и смолистой хвои, летнего дня.

Поздно вечером подплываем к Кыну.

Стремительно пронеслись мимо, камня Печка, до смешного похожего на открытую русскую печь. Быстрые воды Чусовой пробуравили здесь в отвесной стене большие углубления — подобия пещер. Круто обогнув Печку, лодка вынеслась на быстрину. Впереди темной массой на правом берегу встает

камень Высокий, самый грандиозный на Чусовой, более 100 метров высоты.

Безмолвно проплываем под этим титаном. Темный цвет камня, сумерки, непогода окрашивают весь пейзаж в темный, безысходно мрачный колорит. Вершины камня не видно — затянута туманом и облаками.

Когда проплыли Высокий, внезапно мгла разорвалась, и тогда мы увидели незабываемое зрелище.

Горы курились! Белые струйки тумана, как дым от невидимых костров, поднимались отовсюду из леса отвесно, как поднимается дым из трубы в морозный день. Тягучие молочные ленты тумана всплывали в вышину и там сливались вместе, образуя облака, опоясавшие горы.

На наших глазах из испарений напоенной дождем земли рождались новые облака, новые дождевые тучи. Кын встречает нас суровостью и холодом, лишний раз оправдывая свое название. Кын на коми-пермяцком языке означает — мерзлый, студеный.

На ночевку остановились в Кыну. Не захотелось разбивать палатку на сырой и холодной земле. Наш хозяин — потомственный чусовлянин. Он хорошо помнит караванный сплав. До постройки железной дороги на Урале Чусовая являлась единственным караванным путем, связывавшим Азию с Европой. Лес, руда, металл, хлеб, пушнина — все шло по реке. Река являлась основным жизненным нервом края, его полицейей и кормилицей. Прибрежные селения занимались рубкой плотов, барок, поставляли опытных сплавщиков, лоцманов. Но были промысла и другого сорта.

Кыновский наш хозяин рассказал нам о речном пиратстве, существовавшем на Чусовой лет полтора назад. Были целые деревни, занимавшиеся исключительно этим „промыслом“.

Нападения производились обычно на барки с таким грузом, как хлеб, мука.

...После обильных дождей уровень воды в реке повышается прямо-таки на глазах. За одну последнюю ночь прибыло не меньше метра. Чусовая вздулась, вода замутилась, несет массы ила, от мелей и перекатов не осталось и следа. Мчимся без всяких задержек.

Сегодня проводим последнюю ночь в палатке. Завтра встречаем Чусовской завод, где должен прерваться наш маршрут.

Поздно вечером разбиваем свой последний лагерь на устье речки Поньш. После дождей земля обильно насыщена влагой. К ночи все вокруг затянулось густым непроницаемым туманом.

Свет костров едва пробивает эту мглу. Кажется, что весь мир погрузился в какую-то молочную вязкую массу. Иногда порывы ветра разрывают завесу, и тогда видно, как горы курятся облаками. Их белесые полотнища спускаются так низко, что порой касаются воды. Они свиваются в чудовищные сплетения, плывут и клубятся, как какие-то бредовые видения, а в редкие разрывы мутно проступают темные горы с гребнями, поросшими лесом.

Ночь притаилась тихая, безмолвная, лишь снизу от воды доносится легкий всплеск набежавшей на берег волны. Высокая густая трава и кустарник стеной обступили наш лагерь.

Утром туман рассеялся лишь к одиннадцати часам, уже когда солнышко стояло высоко. Только при свете солнечного дня выяснилось, в каком живописном месте разбили мы свой лагерь.

Наши палатки стояли на высоком бугре, на густом травянистом ковре, сплошь усыпанном цветущей ромашкой. Внизу мерно плескалась Чусовая и журчал по каменистому руслу прозрачный Поныш. Высокая отвесная скала, заросшая у подножья пихтарником, вздымалась над лагерем. На противоположном берегу Поныша стояла такая же скала, и речка текла, как меж двух отвесных каменных стен, вытекая в Чусовую, как из каменных ворот.

Русло ее было сплошь завалено камнями и сплавленным лесом, оставшимся от весеннего сплава.

Поныш, кроме этого открытого устья, имеет еще один подводный выход в Чусовую, несколькими километрами выше. Но дурная погода последних дней помешала нам обследовать это подводное устье.

На Чусовой есть несколько таких подземных речек: под камнем Пещера в Чусовую вливается двумя шумными протоками безымянная речка, которая в полукилометре до этого скрывается под землю, ныряя в отверстие метров до десяти в диаметре.

Путешествие наше по Чусовой близится к концу. Позади остались сотни километров бурливой реки, сотни переборов и мелей, сотни живописных прибрежных утесов. Не верится, что наш рейд закончен, что все это осталось уже позади и мы опять возвращаемся к культурной городской жизни. Хочется еще и еще пережить ощущения виденного, мчаться дальше по быстрой воде, с замирающим сердцем проноситься мимо грозных „бойцов“, сидеть ночью у костра вблизи палатки в клубах седого тумана и с аппетитом есть подгоревшую кашу...

Перед заходом солнца вдали всплывают домны Чусовского завода.

Здесь конец нашего маршрута.

Путешествие сквозь недра уральских гор окончено.

Б. Рябинин.

РЕКА ИСЕТЬ

Десятка за два километров от Свердловска на северо-запад раскинулось типичное горное озеро Исетское. На южном берегу его лежит деревня Коптяки.

Как раз на запад от этой деревни, недалеко от ее околицы из Исетского озера вытекает небольшая речушка. Это и есть начало той Исети, на которой стоит г. Свердловск и которая затем целых 750 километров пробегает к юговостоку и впадает 22 километрами выше от г. Ялуторовска в р. Тобол.

Если взглянуть на географическую карту Урала, то можно заметить, как стекающие с западного склона хребта реки и речки, прихотливо извиваясь, нередко сперва текут на север, а затем круто поворачивают на юг или вдруг бросаются в сторону, проявляя большое непостоянство. На восточном склоне Уральского хребта реки не делают таких резких поворотов, а направляются на восток, чтобы затем слиться в одну могучую струю Оби.

Из значительных рек, с которыми впервые познакомились русские по своему приходе на Урал, были Тура, Тобол, а также небольшой кусочек Иртыша. Знали они также и Обь. По этим рекам в 16-м и начале 17-го столетий и селились первые русские поселенцы, в их водах ловили рыбу, по ним плавали, на их берегах и на воде охотились на дичь.

Осваивая край, русские потянулись на юг Среднего Зауралья, и в середине 17-го столетия положили начало всем тем многочисленным селам и деревням, которые густо усеяли долины рек Пышмы и Исети.

Эти две сестры-близнички родились в одном почти месте и текут рядышком в одном и том же направлении. Только одна из них, Исеть, направилась в Тобол, а другая, Пышма, выбрала его дочь Туру.

В них они впадают, одинаково пробежав на своем пути около 750 километров расстояния.

Однако, Исеть берет верх над Пышмой. Она и полноводнее, так как принимает в себя ряд таких значительных притоков, как Синара, Теча, Миас. Эти притоки собирают в Исеть не

только половину восточно-уральских речных вод, но и частично берут ее у рек Южного Урала.

Берега Исети густо заселены. На ней стоит ряд таких городов и крупных селений, как Свердловск с его полумиллионным населением, затем один из родоначальников уральской металлургии (с 1682 г.) Каменск, дальше — древние крепости Катайск и Далматов, за ними г. Шадринск, а ниже — села Маслянка и Кресты, в которых больше полувека находилась соперница Ирбитской ярмарки — Крестовская. Ниже по ее берегам раскинулись большие села Мехонка, Исетское и бесконечное Кодское.

В 1914 г. по Исети насчитывалось свыше полутора сот селений, т. е. на каждые три километра по селению, из коих очень многие тянулись на три километра, а такие, как Далматов, не говоря уже о городах, — не менее пяти километров.

К востоку от Урала до самого Тихого океана нет больше такой приречной густоты населения, как то, которое живет по берегам Исети.

* * *

Выбравшись из Исетского озера, река вскоре же ныряет под мост Горнозаводской ж.-д. линии, впадает в озеро Мелкое, проходит его, появляется вновь, снова ныряет под железнодорожный мост Московско-Казанской железной дороги, и у деревни Палкиной впадает в Верх-Исетский пруд. До него от Исетского озера она уже успела пробежать девять километров.

Здесь долина реки представляет широкую заболоченную котловину, круто опускающуюся в южном направлении, уклоном 0,5 метра на один километр.

Длина Верх-Исетского пруда от деревни Палкиной до створа пруда 13 километров. Итого река успела уже пройти 22 километра пути.

Пройдя этот пруд, она опять делается маленькой речушкой, которая, однако, вскоре же все больше и больше расширяется, так как ее воды подперты уже городской плотиной, которая 214 лет назад была построена для екатеринбургского завода, а теперь является плотиной городского пруда, придающего большую красоту Свердловску.

После городской плотины Исеть опять становится маленькой речушкой, протекает под тремя городскими мостами и несет свои загрязненные масляными пятнами и всяким му-

сором воды дальше за город. Тут ее вновь перегораживает небольшая плотинка Исетского пивоваренного завода, что создает здесь большой разлив воды, пришедшийся так кстати для свердловского центрального парка культуры и отдыха.

Перед Нижне-Исетским заводом Исеть получает новую, более мощную, чем городская, плотину.

Ниже река перегорожена рядом более мелких плотин, обслуживающих мукомольные мельницы, текстильные и бумажную фабрики, а также небольшую электростанцию на месте теперь бездействующего Каменского чугунолитейного завода (основан в 1701 г.).

От Верх-Исетского пруда до устья Синары, впадающей в Исеть десятком километров выше с. Катайского — большого районного центра, — участок Исети имеет 217 километров длины, при общем падении горизонта в 165,6 метра. Ширина русла не превышает здесь 30—50 метров. Меженные расходы воды на этом участке ничтожны и составляют от 10 до 12 кубометров в секунду.

От устья Синары до большого села, б. города Далматова, река постепенно превращается из горной в равнинную. Долина расширяется, и ширина ее меженного русла составляет 40—70 метров.

Верхняя часть течения Исети, где река сжата между крутыми берегами, характеризуется высоким горизонтом воды, весной доходящим до 5 метров. Но по мере расширения долины, амплитуда понижается до 3 метров.

Под Далматовым Исеть принимает второй свой по величине приток — реку Течу.

Средняя Исеть, как и верхняя, т. е. от впадения в нее Синары до впадения Течи, на всем своем протяжении также запружена мельничными плотинами, близ которых, в сущности, и сосредоточивается все падение реки, так как падение в бьефах между плотинами ничтожно. Это обстоятельство вызывает уменьшение естественных скоростей ее течения, что, в свою очередь, сказывается на ледоходе, — он обыкновенно задерживается, а иногда его и совсем не бывает, и в последнем случае высокие воды проходят или поверх льда или подо льдом.

К нижнему течению Исети относится участок реки от Далматова и до ее впадения в Тобол. Возле Шадринска она километров на 50, если не больше, идет почти в широтном направлении, а потом вновь начинает забирать на север, делая в конце концов по отношению к шадринскому направлению угол до 45 градусов.

Перед тем, как влиться в Тобол 22 километрами выше г. Ялуторовска, Исеть делает более уклон к северу. Таким образом исток и устье оказываются почти на одной широте, с небольшой уступкой к югу в пользу устья.

Длина нижнего течения Исети равна 380 километрам при среднем падении на 1 километр до 0,08 метра. После впадения нового крупного притока — Миаса, у села Мехонского, долина Исети еще больше расширяется, и минимальная ширина ее поймы здесь равна 2,5—3 километрам.

В нижней части Исети есть поймы, покрытые такой сложной сетью протоков, рукавов и староречий, что даже местные жители затрудняются отличить главный проток от побочного.

Подъем горизонта воды в весеннее половодье не превышает 4 метров и только в исключительные годы, как в 1854, 1888 и 1914, подъем достигал 7—7,5 метра.

* * *

Геологическая карта Урала производит сильное впечатление на всякого вдумчивого человека. Посредине ее, с севера на юг, тянется яркая многоцветная полоса. Она красноречиво говорит о бурных геологических событиях в жизни Урала в периоды его молодости.

Среди этой полосы особенно много малинового и бирюзово-зеленого цвета. Первым окрашены места обнажения глубинных пород, излившихся когда то и медленно, под высоким давлением, остывших под мощными покровами осадочных пород в виде гранитов, гнейсов и др. Это своего рода земные кровоподтеки. Сколько золота, руд редких элементов и камней-самоцветов заключено в каменных жилах этих кровоподтеков!

Бирюзово-зеленый цвет указывает на присутствие так называемых основных вулканических пород, отличающихся своим темным цветом, — диабазы, порфиры и др.

И среди этой пестроты кое-где разбросаны то ярко-красные, как ягоды красной смородины, пятна, то темнозеленые, напоминающие минерал волконскоит. Первые — это так называемые порфиры, тоже вулканическая порода, излившаяся на поверхность земли и быстро остывшая. Она своим видом напоминает густо нашпигованную колбасу: шпиг — это кристаллы минералов, успевших образоваться и встунуть в расплавленной массе. А темнозеленые пятна — другие изверженные породы — диориты, габбро-диориты и габбро.

Исетское озеро и первые шаги Исети следуют по поверхности обнаженного за миллионы лет гранитоподтека, называемого батолитом. Но уже на территории Свердловска граниты стыкаются с диоритами и змеевиками, за которыми идет опять гранитное поле. Его язык пересекает Исеть, не доходя до Арамили, где река вновь вступает в полосу основных вулканических пород, чтобы около селений Колюткино и Камышевки вновь попасть на два языка кислых пород (гранит и его сородичи).

Около районного села Покровского начинают встречаться уже осадочные мощные горные породы в виде девонских и каменноугольных известняков. Они также языками, но темного или серого цвета, вытянулись по карте все в том же меридиональном направлении.

Около Свердловска и вслед за ним долина Исети идет среди округлых холмов. Дальше на юго-восток, подходя к Покровскому, Исеть оставляет далеко позади себя горный ландшафт. Он весь смыт когда-то бушевавшим здесь морем. Оно за миллионы лет сгладило горы и во впадинах между ними отложило известняки.

Если для проложения речной долины среди изверженных пород надо было выбирать наиболее неустойчивые места, делать постоянные обходы, то с известняками Исеть не очень церемонилась. Она брала их в лоб и смело прорубала себе долину-коридор. В ряде случаев в таких местах можно подойти на километр и даже ближе к реке и не подозревать ни о какой глубокой речной долине, которая около Каменска, например, имеет ширину до 30 метров.

Прорезав языки известняков, Исеть обрушивается опять на встретившиеся ей изверженные породы и не менее решительно прокладывает в них свой коридор-долину. Но эти породы все же далеко не так податливы, река не может глубоко врезаться в жесткое ложе и принуждена перепрыгивать через него, образуя пороги. Это место Исети здешнее население назвало Перебором. Имеется здесь и деревушка того же названия. Когда-то здесь на протяжении одного километра стояло семь переборских мельниц.

Такой порожистый характер долины позволяет высоко перегородить реку и выстроить мощную гидростанцию для питания током Уральского алюминиевого комбината, выстроенного под Каменском.

Известняки — легко размываемая водой порода. Вследствие этого в ряде мест можно встретить в исетских берегах

пещеры и пещерки. Особенной известностью пользуются пещеры около с. Смолинского, на левом берегу Исети, в 20 километрах выше Каменска.

За Каменском Исеть пробивает перемежающиеся с основными породами четыре меридионально идущие полосы порфиров. Впрочем, и те и другие обнажаются только в разрезе речной долины, а поверхность покрыта совсем молодыми по возрасту третичными отложениями. Перед селом Колчедан все изверженные породы исчезают с глаз.

Миновав их, Исеть уже окончательно прощается с каменными породами огненного и осадочного происхождения, стеснявшими ее, и за Колчеданом, ворвавшись в мягкие осадочные песчаники, пески, глины и трепела, она беспощадно разрывает и растаскивает их, и вместо коридора делает себе настолько широкую долину, что около Шадринска, например, от одного берега до другого река имеет не меньше десятка километров ширины.

Между селами Мехонкой и Исетским долина Исети и впавшего в нее Миаса становится еще шире. За Исетским берега долины постепенно отступают все дальше и дальше, делаются пологими и низкими и, в конце концов, лишь незначительно выступают над речной поймой.

Бурно текущая около Перебора и Каменска, река, приняв в себя Синару, словно устав воевать с камнем, начинает течь все медленнее и медленнее. К Шадринску она подходит совсем одряхлевшей походкой. Борьба тут не с чем, — все давным давно и без особого труда размыто и смыто, и река поневоле начинает разбредаться по „рукавам“, делать старицы, заводи и т. д. За селом Барневским, 12 километрами ниже Шадринска, Исеть идет двумя рукавами и так почти до встречи с Миасом, не доходя до Мехонки. Миас подкрепляет исетские воды, и объединенные реки до самого устья идут уже вместе и доносят свои воды до самого Тобола.

* * *

Геологическое строение речной долины, с одной стороны, и почвенно-климатические условия, с другой, создали и соответствующую прибрежную растительность Исети. От истока из Исетского озера до с. Колчедан, где преобладают почвы каменистые, берега ее покрыты сосняком, к которому на вырубках примешивается береза. За Колчеданом, с расширением долины и речной поймы, растительность делается разно-

образнее. Кое-где появляется ольха, осина, черемуха, ива, а под пологом их иной раз бурно разрослись ягодники: черная и редко красная смородина-кислица, калина, а на сухих местах — заросли боярки, шиповника и даже дикой вишни. Кое-где ко всему этому, как например под Шадринском, подмешивается рябина.

Там, где Исеть начинает течь в берегах из рыхлых пород, пойменные и припойменные заросли густо опутаны северными лианами — хмелем. Особенно много его в междуречьи Исети и Течи и ниже по Исети. В Далматовском районе до „Успеньева дня“ рвать хмель на этих местах было строго запрещено. Он принадлежал всем селениям, какие только находились вблизи этих зарослей. И вот, вечером на „Успенье“ сюда начинали собираться со всех концов стар и млад — кто пешком, кто на подводах.

Заросли оглашались множеством голосов. Всяк уже заранее облюбовывал себе участок для „хмелевья“, располагаясь поблизости. По данному сигналу, все бросались к хмелю и рвали его, кто сколько мог. Рвали прямо с хмелевиной и, спеша, набивали им мешки. Делалось это почти ночью, при свете костров. На утро, когда большинство спешило уехать домой, оказывалось, что осталось еще много несорванного хмеля. Но после „Успеньева дня“ его мог итти добирать всякий желающий.

Позже хмеля поспевала калина. Она также не трогалась, пока не поспеет, да еще не дернет ее морозцом. Под Далматовым, наподобие „хмелевья“, устраивалось в свое время и „калиновье“, носившее тот же характер, что и „хмелевье“.

Если за Колчеданом исетская долина поросла главным образом лиственным лесом, то и сосняк не покидает ее до самого впадения в Тобол. Только для этого существуют особые условия. Когда река была еще по-молодому бурлива, она наделала ряд террас. На припойменные террасы ветер навевал много песка, который создал здесь дюнные образования. Постепенно дюны поросли сперва травой, а потом и соснами.

Краеведы-лесоведы, изучая лесостепи, приходят к заключению, что колки лиственного леса появились в Среднем Зауралье не так-то уж давно, заселив чисто степные пространства. Но припойменные террасы образовались много раньше и, надо думать, что с давних же пор они стали заселяться сосной.

В тех местах, где эту сосну берегут, как в Шадринской городской даче, получается великолепный строевой лес.

Надо полагать, что в этих древнейших сосняках по берегам реки Исети и жили те исседоны, о которых говорит греческий историк — географ Геродот, повествуя о жителях за Тиберборейскими горами, под которыми надо разуметь наш Урал. Этими исседонами повидимому была та югра, потомки которой в лице современных хантов (остяков) и манси (вогул) и посейчас живут на Северном Урале и Северном Зауралье.

Когда пришли русские на Урал, они, будучи оседлыми, стали вырубать сосновый лес для своих построек и постепенно обнажать песчаные дюны. Ветер начал раздувать пески и обнажать скрытые в них различные остатки материальной культуры древнейших обитателей края. После сильного ветра можно идти по этим пескам с мешком или рюкзаком и собирать орнаментированные черепки, поделки из кремня и шлифованного камня, медные наконечники стрел и другие археологические предметы, и таким образом можно постепенно создать целый музей по дорусским культурам Зауралья, не затрачивая на раскопки ни одной копейки. Археологический материал здесь, можно сказать, сам лезет в руки.

Конечно, тут была не одна „исседонская культура“. Их было несколько. И каждая оставила свои следы в прибрежных исетских дюнах.

* * *

Кто не борется, тот засыпает, дряхлеет. Так одряхла Исеть, когда стала врезываться в рыхлые породы. Этой дряхлости еще больше способствовали многочисленные мельничные пруды, которые создают благоприятные условия для появления болотно-озерного планктона и других споровых и высших цветковых растений.

Среди этих последних вы встретите в воде вблизи берегов Исети заросли камыша, тростников, осок, рогоза (черные или чертовы палки). На более глубоких местах — желтые и белые кувшинки, водяной огурец, рдеста, водяные сосенки-ежеголовки, водокрасы, пузырчатка. Есть даже ряски. В довершение ко всему этому, встретится и недавний эмигрант из канадских вод — элодея. Она разрастается настолько густо, что делает реку в иных мелких местах непроходимой, если кто вздумает перейти ее вброд.

Помимо планктона и высоко организованных растений, озерно-прудовой характер приобретает и водяная фауна Исети. Между прочим, около Шадринска в Исети в большом количе-

стве водится рачок-бокоплав или мормыш. То и дело видишь, как шадринские рыболовы-удильщики вытаскивают на исетские отмели тряпичей или бредешком вороха всяких водорослей, а вместе с ними вылавливают и груды рачков-мормышей, чтобы затем использовать их в качестве наживки на удочку.

В многочисленных озерах, разбросанных по исетской пойме среднего и нижнего течения реки, а также в тихих заводях самой реки постоянно встречаются караси всех оттенков: золотистые, серебристые, темносерые.

Остальное рыбное население Исети не так уж разнообразно: налим, щука, окунь, ерш, лещ, язь и подъязок, красноглазый чебак, елец, пескарь, линь, щиповка, а ниже Шадринска иногда можно встретить и нельму, которая заходит сюда из Тобола.

Еще в первой половине 17-го столетия за исетской рыбой ездили жители тогда еще молодых поселений Ирбита и Невьянска. Так, между прочим, Далмат в 1644 году встретил хозяйничавших на реке Исети ирбитцев и невянцев, ловивших тут не только рыбу, но выдр и бобров, от которых теперь здесь и помина не осталось.

В начале прошлого столетия шадринский купец Фетисов, очевидно, большой любитель раков, распорядился наловить их в Чусовой и перевезти несколько коробов для пуска в Исеть. И раки действительно сильно расплодились в Исети. Потом они несколько раз вымирали от рачьей чумы и вновь размножались. Окончательному вымиранию раков, очевидно, препятствовали мельничные плотины, между которыми раки, не соприкасаясь друг с другом, выживали.

Исетская пойма была богата водоплавающей дичью и куликами. Теперь, в связи с густотой населения, дичь исчезла. Однако охотник, приехавший в низовья Исети, редко когда вернется с пустыми руками. Та или иная дичь всегда там попадется.

* * *

Начавшись в Свердловской области, Исеть кончается в Омской, отдав все среднее и часть нижнего течения области Челябинской. При такой значительной длине, как 750 километров, естественно спросить, а как же воды ее используются для судоходства.

История дает нам ряд примеров, когда исетские воды и даже воды его притока Миаса служили этим целям. В конце

17-го и в начале 18-го столетия монахи Далматовского монастыря отправляли по Исети, а затем по Тоболу в митрополичий дом ежегодно по нескольку барок с мукой, крупой, хмелем, брагой и другими припасами, а также сплавляли туда из монастырской вотчины строевой лес.

В начале 18-го столетия из Тобольска в Екатеринбург для заводского ведомства водным путем была направлена соль. Она успела дойти по Исети только чуть повыше Далматова, как ее принуждены были выгрузить из-за невозможности продолжать дальнейший путь, ибо Исеть стала мелкой. Соль затем зимним путем на подводах была доставлена по назначению.

Около того же времени, по заказу сибирских губернских властей, в Шадринске были выстроены три барки, но они не могли двинуться вниз по Исети за ее мелководьем в летнее время, и тогда пришлось просить сибирского генерал-губернатора воздействовать на далматовских монахов, чтобы они спустили воду из пруда монастырской мукомольной и „пильной“ мельниц.¹

Известно также, что у деревни Долгой, теперь с. Долговского, Каргопольского района, т. е. 40 километрами выше впадения Миаса в Исеть, в середине 18-го столетия строились барки.

И еще факт более близкого к нам времени. В 1875 г. шадринский купец Юнышев провел по Исети с Тобола баржу с солью и тесом до деревни Бархатовой, теперь Шатровского района. Дальше она идти не могла за мелководьем.

Жаль, что до сих пор наша Исеть не запряжена хотя бы для перевозки небольших грузов. Между прочим, на страницах Шадринской газеты около 1930 г. уже поднимался вопрос о том, чтобы использовать Исеть и ее притоки, как Синара, для перевозки с уральских предгорий строительного камня, в котором так нуждаются более отдаленные местности Зауралья и Западной Сибири.

Да мало ли еще что можно перевозить для удовлетворения межрайонных и просто внутрирайонных потребностей края, страдающего от неблагоустроенных грунтовых путей. Мысль об использовании Исети для более ответственных перевозок — давняя мысль. Еще в Петровскую пору она занимала казну, которая проектировала проведение канала между верховьями реки Чусовой и Исети.

¹ Устройство для распиловки леса движущей силой воды.

Столетием позже предприимчивый управляющий ревдинскими заводами промышленника Яковлева, Зотов, решает, с дозволения владельцев заводов, практически подойти к этому вопросу. По его распоряжению начали рыть канал между рекой Чусовой и речкой Решеткой, впадающей в Верх-Исетский пруд. Уже было прорыто несколько километров, как правительство запретило вести дальнейшие работы, испугавшись, что по каналу вода Чусовой будет уходить в Исеть и Чусовая станет малопригодна для судоходства.

Если уж дело доходило до практического разрешения вопроса о трансуральском водном пути, то сколько таких решений на бумаге, в виде проектов, составлялось и хранится теперь в разных архивах.

Наиболее серьезно разработанный проект был сделан накануне империалистической войны инженером Фридманом. Он предусматривал устройство канала протяжением до 10 километров, с использованием так называемой зотовской канавы, затем по речке Решетке до Верх-Исетского пруда. Отсюда, не трогая прудовой плотины и заводских сооружений, канал должен был сделать полукруг около города и впасть в Исеть ниже Свердловска 3 километрами, используя долину речки Черемшанки.

Когда этот проект был уже готов осуществиться, вокруг него разгорелась борьба. С одной стороны, Вологодское земство и промышленники севера начали настаивать на проведении канала через Северный Урал, а с другой — дворянско-помещичьи круги испугались, что дешевый сибирский хлеб будет конкурировать с их хлебом и стали всячески тормозить осуществление проекта. Так царская Россия и не могла воплотить в жизнь выношенную ею же 200-летнюю мысль о соединении Сибири и Европейской части непрерывным водным путем.

В советское время эта мысль не только была воспринята, как одно из важнейших решений вопросов транспорта, но и приступлено Водстроем Наркомвода к осуществлению некоторых проектировочных работ, а также частичному выполнению известных участков проекта, который целиком осуществится в третьей пятилетке.

Приведение Тобола и Исети в судоходное состояние, отвечающее требованиям грузооборота урало-кузбасской водной магистрали, требует, во-первых, увеличения естественной глубины на перекатах. Во-вторых, в ряде мест естественная ширина должна быть увеличена для перехода судов и удлинения радиусов закруглений, которые равнялись бы минимум 750 мет-

рам до устья реки Синары и 400 метрам от этого устья до города Свердловска.

На этих участках нельзя будет ограничиться только одним шлюзованием, а придется произвести значительные земляные работы, чтобы увеличить радиусы закруглений и спрямить крутые излучины. Всего на этом участке пути проектируется соорудить 23 шлюза: на Тоболе 5 и на Исети до устья Синары 18. Напор воды на отдельные шлюзы здесь не будет превышать 3 метров, и только в виде исключения на двух сооружениях он будет равняться 4,27 метра.

На среднем участке Исети, от устья Синары до Свердловска, в скалистой части реки, будет построено 9 шлюзов при среднем напоре 8 метров, при чем наибольший из них, как и надо было ждать, — у деревни Перебор, — 32 метра и наименьший — выше устья Синары, — 3 метра.

Спрявление русла и увеличение радиусов закруглений требуют производства больших земляных работ, исчисляемых, примерно, в 62,5 миллиона кубометров. По участкам эти работы распределяются так: на Тоболе — 20,8 млн. куб. м., на Исети от устья до впадения в нее Синары — 33,2 млн. куб. м. и на верхнем участке от устья Синары до Свердловска — 2,7 млн. куб. м. в мягких грунтах и 5,8 млн. куб. м. — в скалистых.

Между прочим, нужно отметить, что у деревни Перебор и г. Каменска предполагается устройство гидростанции мощностью в 12—15 тыс. квт. По последним сведениям, каменская гидростанция намечается мощностью до 17 тыс. квт.

* * *

Как известно, русское заселение Урала началось с севера, и только в начале 17-го столетия новые пришельцы стали постепенно рассасываться по средней, именно исетской части Зауралья. На Урал пришли охотники, а больше всего хлеборобы. Они завели первое земледелие на берегах Туры и ее притоков. И в 17-м столетии теперешняя житница Урала, — Исетский край, — снабжалась хлебом из-под Верхотурья.

Русский человек, пришедший, главным образом из бывших губерний Архангельской, Вологодской, Костромской и Олонецкой, увидав благодатную черноземную почву Зауралья, был, конечно, до крайности рад встретить такое богатство. И в какие-нибудь полстолетия все лучшие зауральские земли были уже довольно-таки густо заселены. Сначала сеялась, конечно,

рожь, а к ней в придачу ячмень и овес, а потом вскоре убедились, что такие земли годны не только для ржи, но и для пшеницы. И постепенно Среднее Зауралье сделалось пшеничным краем, в котором если и сеют рожь, то на случай недорода пшеницы. А если здесь и едят ржаной хлеб, то скрепя сердце, и говорят: „с аржаного хлеба пяты колются“.

На ряду с полеводством, вскоре же по Исети развилось и скотоводство всех видов, а также птицеводство. Особенно почастливилось гусеводству. Известно, что шадринский гусь задолго до и некоторое время после революции путешествовал на английский рынок.

Необходимо отметить еще вот какую черту в истории исетского хозяйства. Средняя и нижняя часть Исети явилась в первое время естественной границей русских и кочевнических поселений. Если в первых преобладало земледелие, то у вторых форма хозяйства была скотоводческой, чему так способствовала степь. Она у русских долгое время носила общее название Орды.

— Куды ты издил?

— Да в Орду.

Население Орды состояло из теперешних казахов, в то время народа темного, малокультурного, но доверчивого, чем пользовались русские купцы и промышленники. Они ездили в степь закупать скот, а прежде всего баранов, а затем пригоняли их огромными стадами в Шадринск, а потом в село Кресты, в 27 километрах от Шадринска по Ялуторовскому тракту, где в середине 19-го столетия стала вырастать очень крупная Крестовская ярмарка.

В Шадринске и его окрестных многочисленных селениях появился ряд кустарей и промышленных заведений по обработке животного сырья: клееварение, выделка роговых гребней, валяние обуви или пимов, выделка шкур, кожи и сыромяти пошив обуви, сбруи, шуб, производство шерстяных тканей в том числе ковров и половиков и мн. др.

Русские купцы в сношениях с ордынцами не брезговали ничем, вплоть до сбыта им грубо сделанных фальшивых денег. А мастеров на такое производство у шадринских предпринимателей было не занимать. Прочитайте только у Мамина-Сибиряка „Летных“ и „Счастье Ивана Непомнящего“, и вы ясно представите себе картину, что шадринский край, всегда обильный хлебом, был местом пристанища бесчисленных бродяг — беглых с каторги, с „вольного“ сибирского поселения. Среди этих беглецов было много больших мастеров

на все руки, в том числе и на фальшивую монету из всякого материала и всех достоинств. Вот денежными-то изделиями этих мастеров широко орудовали шадринские купцы, покупая на них прежде всего овец, так называемый шубный товар, так как овца прежде всего ценна, как поставщица мехового, шубного товара. Отсюда по всему Зауралью пошли выражения: „шубные деньги“, „шубный товар“, „шубная посуда“, т. е. нечто грубо, плохо сделанное, фальшивое, не настоящее.

Проведение Великого Сибирского пути в 1890-х годах положило конец всей этой шубной истории, а империалистическая война — и конец Крестовской ярмарке, которая уже в 1917 г. больше не открылась, а ее городок из каменных корпусов, настроенных местными и московскими купцами, был занят под лагерь военнопленных.

В виду того, что русские колонисты пришли из северного неплодородного края, благодатный для садоводства зауральский пшеничный край до самого последнего времени почти не имел фруктовых садов, если не считать единиц. В настоящее время долина Исети начинает превращаться в садово-огородную полосу. Вот село Колчедан, в 18 километрах к востоку от г. Каменска. Здесь живут капустники, а на ж.-д. станции — капустно-засоляющая фабрика.

Дальше идет Далматов. Тут, на месте бывшего монастырского сада и огорода, развернуто большое садово-огородное хозяйство коопхоза, а в самом Далматове помещается садово-огородный техникум.

Наконец, Шадринск. Здесь 10 лет назад, по инициативе врача, а потом окончившего мичуринский плодородный вуз, А. П. Бирюкова, сперва в его собственном саду был развернут опорный пункт научно-исследовательского института северного плодородства, а теперь этот пункт превращен в научно-исследовательскую станцию. Сейчас станция располагает чуть ли не 150 га земли, которая уже частично дает урожай яблок.

Помимо внутренней работы, станция, в частности сам основатель ее, ведет усиленную работу по внедрению плодородства в колхозах и совхозах своего и ближайших пяти-шести районов. И работа эта не проходит бесследно. В скором времени плодово-ягодных садов в шадринском Приисетьи будет насчитываться уже тысячи гектар.

А если кто спросит, как обстоит теперь дело с гусями, то можно ответить, что и им уделено внимание. Между Кайтагским и Далматовым организовано большое гусеводческое советское хозяйство.

Птице в районе нижней и средней Исети вообще уделяется большое внимание. Так, в ряде колхозов заведено гусеводное и куроводное дело. Есть два куроводных совхоза. В самом Шадринске имеется инкубаторий и так называемый птицекомбинат, где производится не только выведение, но и откорм, убой и разделка битой птицы. Тут же есть холодильник, где битая птица хранится перед отправкой.

К этому еще надо добавить, что в окрестных Шадринску многочисленных совхозах ведется разведение свиней. А несколько ниже Шадринска, частично и выше вообще по реке Исети, еще с начала 1900-х годов в широких размерах ведется производство сливочного масла. В этих целях в Шадринске существует особая молочно-испытательная лаборатория, обслуживающая многочисленные маслодельные заводы, из коих значительное количество, как Мехонский и др., механизированы по последнему слову техники. Обычно стоят эти заводы на берегах Исети.

* * *

Но не одно сельское хозяйство развито на берегах Исети. Тут есть и значительная фабрично-заводская промышленность. Первыми предшественниками ее были многочисленные мельницы как по самой Исети, так по ее притокам. Сперва, конечно, это были чисто кустарные предприятия, потом они стали все больше и больше расширяться, а в конце 19-го века переделываться на паровые мельницы, выпускавшие прежде всего высокие сорта муки.

Но и горнозаводское дело на берегах Исети имеет старую историю. Уже в 1682 г. около устья речки Железенки, теперь Каменки, впадающей в Исеть, в окрестностях г. Каменска, монахами Далматовского монастыря была найдена железная руда, и тогда же было открыто производство чугуна и железа. В 1701 году монастырский завод был отобран в казну, расширен и пущен как один из первенцов уральской металлургии.

В 1702 и последующих годах были открыты заводы Верхне и Нижне-Уктусский и некоторые другие, использовавшие рудники, найденные в верховьях реки Исети.

В 1722 г. строится екатеринбургский завод, а вслед за ним в 1726 г. и Верх-Исетский. В конце 18-го столетия, именно в 1796 г., строится новый завод — Нижне-Исетский:

Помимо этого, с середины 18-го столетия в окрестностях б. Екатеринбурга существовала добыча золота, то стара-

тельская, то бывшая за казной и частными крупными предпринимателями. В настоящее время она имеет сильное развитие в ближайшем к Свердловску большом населенном пункте — Березовском заводе, где существует ряд фабрик, обслуживающих многочисленные шахты и старательскую добычу.

До конца 19-го и начала 20-го столетий новых чисто фабрично заводских производств, не говоря о мельницах, больше на Исети не возникало. Но потом идет появление ряда текстильных фабрик, то полотняно-мешечных, то суконных. Первые мы видим в Свердловске, с. Черноусовском и Шадринске, а вторые в Арамили и с. Камышевском, но последняя ко времени революции прекратила свое существование.

К тому же времени относится появление небольшого чугуно-литейного завода Ятес в б. Екатеринбурге, разросшегося потом при советской власти в большой завод, именуемый „Металлист“.

Вообще за время советской власти существующие на Урале старые заводы либо капитально реконструируются, либо получают новую специализацию. Так, Верх-Исетский завод, раньше выделывавший кровельное железо, стал вырабатывать трансформаторную сталь, снабжая ею все электрозаводы СССР.

Появившийся незадолго перед революцией в самом Екатеринбурге завод стальных каватов „Сталькан“ начал, помимо своей основной продукции, вырабатывать такие тонкие принадлежности ширпотреба, как машинки для стрижки волос и др.

Каменский завод ко времени революции прекратил свое существование. Зато неподалеку от него теперь вырастает новый завод-гигант, в будущем немногим меньше, чем Магнитогорский, известный под именем Синарстроя, а в 6 километрах вниз по Исети — Уральский алюминиевый комбинат.

За время революции выросли совершенно новые мощные заводы, как Уралмашстрой, с ним рядом Инструментальстрой, Электрострой, а ниже Свердловска будет создан настоящий гигант химического машиностроения — Химмашстрой. Наряду с этим, в окрестностях Свердловска возник целый ряд заводов по выделке строительных материалов и мн. др. Даже если взять столицу пшеничного зауралья Шадринск, то и тут, на месте ничтожной мастерской по ремонту с. х. орудий, теперь возник ремонтно-тракторный завод имени Второй пятилетки, имеющий не одну сотню рабочих.

„Исетский исток“—верховье реки Исети, вытекающей из оз. Шиты.

Берега речки Каменки, действительно, сплошь каменные: то конгломераты, то углекислые сланцы, а все больше известняки, которые в иных местах причудливыми скалами нависли над речкой, жутко-таинственно отражаясь в ее заводях. Таков, например, Утячий камень, Тесаный камень и др.

А в одном месте известняк торчит столбом и напоминает голову богатыря в шлеме. Камень так и прозван Богатырьком.

Река Каменка километрах в пяти от города впадает в Исеть. Берега Каменки ниже города поросли прекрасным хвойным лесом, который теперь сильно разрежен.

Между Каменкой и Исетью образовался мысок. От середины города на запад до Исети не больше двух километров, — это по дороге в деревню Брод. Только выйдешь из города на дорогу, как очутишься среди совершенно ровной местности, которая затем круто, как в глубокую канаву или ров, обрывается к Исети.

Если взять немного влево от бродовской дороги, то с обрывистого левого берега можно осмотреть громадную известковую скалу на правом исетском берегу, называемую Каменными воротами. Действительно, высятся два каменных стояка, а на них лежит перекладина. В прогале между столбами и перекладиной виднеется зеленеющая на берегу травка и деревья.

А этот, левый берег Исети — сплошная скала, поросшая лишайниками. Если спуститься ниже, то можно заметить близко у воды в скале небольшую пещеру.

Вообще, окрестности Каменска очень интересны. Здесь есть где поэкскурсировать.

В Каменске мне с малых лет приходилось бывать очень часто. Между прочим, вспоминаю, как в половине октября 1932 г. мне было поручено проехать от Каменска до вольфрамитовых разработок на реке Синаре, около села Юго-Коневского. Я мог бы уехать с какой-либо колхозной подводой, возившей хлеб на сдачу. Поехал бы бродовской дорогой мимо каменноугольных отвалов, затем по глубокому оврагу спустился бы на исетский мост у деревни Брод. Места этого спуска и затем подъема на гористый берег, где стоит деревня, все очень интересно: скалы, сосновый лес, река в глубоком ущелье.

Вместо того, чтобы трястись в телеге, мне выпала удача поехать на грузовике до самого вольфрамитового рудника. К сожалению, бродовской мост был не в порядке, и нам пришлось колесить через деревню Байнову, которая стоит на Исети же, только ниже впадения Каменки.

Вблизи этого же пешеходного моста находится мост железнодорожный. По нему идет ветка на ст. Багаряк, у которой расположились знаменитые Синарские рудники. Скоро ветка от Багаряка будет продолжена к югу от самого Челябинска, и тогда Восточноуральская линия совершенно замкнется, давая возможность ехать без пересадки от Челябинска до Н.-Тагила.

Между Бродом и Байновой по склонам берегов Исети лежит несколько железных рудников: Токаревский, Мартюшевский и др. В то время здесь шли оживленные разведки, стояли буровые вышки и то тут, то там пофыркивали двигатели буровых станков.

Миновав Байнову, мы малыми дорожками выехали на тракт, идущий через Брод на Багаряк. Местность пошла ровная. Только кое-где ложбинка, спускающая снеговые и дождевые воды в Исеть.

Километров через 12 попалась несколько в стороне маленькая деревушка Грачева, за которой лежит приозерная деревня Евсюкова.

Километра через 2 — большая деревня Богатенкова, хотя никогда она не бывала богатой, а всегда выглядела какой-то особенно бедной.

Богатенкова стоит на берегу большого озера Сунгул, на берегу которого лежит и следующее за Богатенковой село Рыбниковское. Расстояние между ними не больше километра.

Как все приозерные селения, деревня и село раскинулись полукругом.

В промежутке между Богатенковой и Рыбниковским на берегу озера выступают скалы известняка. Берег немного приподнят над остальной местностью, а перед этой приподнятостью хороший пляж. Когда, бывало, проходишь здесь летом, то всегда тянет выкупаться.

Отсюда видно все озеро, в окружности не меньше как километров 12—15.

За Рыбниковским озеро оканчивается, а рядом с ним, через небольшой промежуток, опять небольшое блюдцевидное озеро Червяное.

За Червяным дорога раздваивается — влево в село Шаблиш, а вправо — через деревни Б. и М. Скоринову — на Багаряк. Наш грузовик сворачивает направо. Слева остается громадное озеро Шаблиш, едва ли не больше 25 километров в окружности.

Мне вспоминаются частые мои посещения этого озера. Помню, как в 1913 г., работая по обследованию скотоводства, я натолкнулся у северных берегов озера, в самом селении, на многочисленные остатки древней стоянки: узорчатые черепки, наконечники стрел из кремня, точильные камни, на которых человек шлифовал свои каменные орудия. Сейчас эта коллекция хранится в Шадринском музее.

Берег, на котором стоит село Шаблиш, очень плоский, а противоположный, где обе Скориновы, приподнят над уровнем озера не менее как метров на 7—8. При общей плоскости этой местности такое поднятие кажется значительным, и со скориновского берега открывается прекрасный вид как на озеро, так и на его окрестности.

Между Скориновыми течет небольшая речка, выносящая воду из сильно зарастающего и когда-то очень рыбного озера Кривошеинского. На нем всегда масса дичи.

Когда мы проезжали Скориновыми, то солнце уже село, сумерки сгущались. За деревней над нашим грузовиком пронеслись в воздухе три диких гуся, перелетавших с Кривошеинского озера на Шаблишское.

Наша дорога идет вправо от озера, на село Багаряк — районный центр. Если бы захотелось пойти вдоль берегов озера, то тут можно было бы понаблюдать много интересного. Прежде всего, голый песчаный берег за Скориновой становится покрытым кустарником, а в воде близ берега растет камыш.

Мне вспоминается конец июля 1928 г., когда я исходил пешком весь Багарякский район. Тогда, миновав Скоринову, я шел вдоль озера. Тут и там на его склонах я встречал косябу высокой травы. А над озерными зарослями стоял сплошной гул птичьих голосов. Из камышей вылетали шумные стаи скворцов. Когда я впервые увидел их, то недоумевал, что это за птица, а опознав, удивлялся, зачем они летают над камышами. Впоследствии я узнал, что камыши — основное место, где живут скворцы, когда они выведут птенцов.

Южный берег озера приподнят еще больше, чем западный. За этой приподнятостью начинается долина реки Багаряк, — внука Исети, впадающего в Синару около Синарских рудников.

По селу Багаряк, раскинувшемуся на левом берегу одноименной реки, мы ехали уже в потёмках. Прежде чем въехать в село, ненадолго остановились на поскотине села, развели здесь костер, погрелись, закусили и тронулись дальше.

Берега реки Багаряка вообще очень живописны, особенно ниже села, там, где они сложены то известняками, то извер-

женными породами. Река журчит в узком, но глубоком ущелье. За полкилометра до него не подумаешь, что тут река и весь ландшафт ее берегов — настоящая горная страна.

На правом берегу реки, в полуторах-двух километрах от него, — другое большое озеро — Б. Куяш или Огневское, на котором стоят три села и несколько деревень. Озеро немногим меньше Шаблиша.

Восточный берег Куяша замечателен тем, что здесь на несколько километров в длину по нему тянется вал гравия — скопище разноцветных кремневых и кварцевых галек. Высота его не меньше трех метров, а ширина до десятка и больше. Этот вал — работа озера, при чем он имеет некоторое движение к востоку, судя по тому, что уже засыпал нижние части стволов нескольких старых сосен, стоящих на берегу.

От села Багаряк наша дорога идет на село Юго-Коневское. Озеро Б. Куяш остается влево от нас километрах в полуторах-двух, но его близость чувствуется уже тем, что мы едем по тракту, усыпанному озерным гравием.

Если бы от обоих озер — Шаблиш и Б. Куяша — прокопать канаву к Багаряку, то вода озер быстро ушла бы в реку, спадая в нее шумным каскадом.

Вид больших озер с деревушками на берегах, с перелесками приятно ласкает глаз. Водная озерная гладь, уходящая далеко, манит и заставляет чего-то ждать за ней.

Уже в ночной темноте мчимся мы по тракту дальше. По сторонам его — леса и пашни. Километра за два до Юго-Коневского въезжаем в деревню Игиш, раскинувшуюся на берегах небольшого одноименного озерка. Оно почти со всех сторон окружено лесом.

Юго-Коневское сильно растянулось по обоим берегам реки Синары. Берега ее здесь пологи, частично поросли сосновым лесом. Особенно хорош лес по левому берегу.

На утро я отправился на разведки вольфрамита, ведущиеся на правом берегу Синары, ниже селения. Здесь есть выходы гранитов, в кварцевых жилах которого вкраплен драгоценный минерал.

Полого поднявшийся правый берег опять переходит в равнину, на которой затем раскинулись многочисленные зауральские лесостепные озера. Ближайшее из них — Пороховое, по которому проходит граница между Багарякским районом и б. Аргаяшским кантоном Башреспублики.

ПЫШМА — ЗОЛОТАЯ РЕКА

Недалеко от Свердловска, совсем рядом с уральским гигантом тяжелого машиностроения, лежит небольшое озеро Шувакиш.

Неприглядные берега его поросли мелким тщедушным кустарником и чахлым березняком с многочисленными пнями, напоминающими о тех временах, когда озеро было скрыто в густом могучем лесу.

Озеро медленно зарастает. Берега затягивает кочкарником и осокой; живучие болотные травы, переплетаясь корнями, образовали прочный зеленый ковер, опоясавший озеро широкой лентой.

Хочешь подойти к открытой воде. Путаясь в осоке, перескакивая с кочки на кочку, пробираешься к кромке воды. И вдруг... что это? Кочковатое болото окончилось, ноги уже идут по ровной зеленой полянке. Вода уже близка, до нее не больше пяти метров, четыре... три... внезапно в испуге останавливаешься...

Зеленый ковер под ногами колеблется, пульсируя в такт шагам и выбрасывая через поры струйки воды.

Берешь палку и, расковыряв с усилием зеленую массу, вгоняешь ее без остатка. Дна нет. Твердой почвы нет. Берег давно остался позади, под ногами полумертвый, плавающий на воде, растительный слой.

Внизу — глубина... Становится немного жутко при этой мысли, замираешь на мгновение, а затем робко пробуешь ногой зеленую почву. Но нет, она прочна. И не думает проваливаться, и только струйки воды, да легкое покачивание выдают, что под ногами глубина.

Осторожно двигаешься дальше. Вот и вода, можно подойти к самой кромке без риска провалиться — так крепко сплелись корнями болотные травы, образовав этот пловучий зеленый настил.

Да и не только человека держит он. У самой кромки, в каком-нибудь метре от воды, виднеется хорошо утоптанная тропинка — это коровы ходят на водопой, и зеленый настил свободно выдерживает их тяжесть.

Озеро пустынно, дичи нет — ей негде скрываться здесь. Нет и туристов — озеро не блещет выдающейся красотой. Но будущее его значительно. На дне его залегает ценный ил — сапропелит, из которого путем перегонки добывается нефть, парафин. Уже разрабатывается проект промышленной добычи сапропелита и постройки перегонного завода.

А южный берег озера не сегодня-завтра обогатится водной станцией парка культуры и отдыха Уралмаша, который расцветится флагами, зазвенит молодым счастливым смехом уралмашевской молодежи.

* * *

На северном берегу Шувакиша из озера вытекает небольшой ручей — Шувакишский исток.

Маленькой ничтожной струйкой воды едва слышно журчит он среди высоких камышей и колючей осоки, местами совсем теряясь в непроходимом болоте.

На шестом километре своего течения исток пересекает дорогу, ведущая из Свердловска на Медный Рудник. Здесь, у самой дороги, устроена небольшая плотинка, перебравшись через которую, ручей теряет свое старое название и приобретает новое: Пышма — золотая река.

На первых порах речка эта довольно невзрачна, местами еле видна среди высокой болотной осоки, но прозвище свое золотой реки начинает оправдывать с первых же километров своего течения.

На берегах, зачастую и прямо в русле реки, копошатся старатели. Изрытая, исковерканная земля по обе стороны реки, поросшая хилым кустарником, красноречиво говорит о том, что золото здесь моют с незапамятных времен, снова и снова переминая старые отвалы и вновь намывая желтоватый с тусклым блеском металл.

Золото — вот самое характерное на Пышме. Старательская самодельная бутара¹, ручной вороток на шурфе и копошащиеся около них фигуры старателей, в прошлом искателей „фарта“, в настоящем — рабочих золотопромышленности, — вот типичная сцена для Пышмы.

Но за последние годы начал меняться и этот пейзаж; успехи страны на фронте индустриализации дали знать о себе и здесь. Растущая потребность в золоте для технических и валютных целей заставляет преобразиться и пейзаж Пышмы. И там, где залегание золотоносных песков более мощно и позволяет применить новые способы добычи, там на смену старому изнурительному труду старателя пришла новая техника.

На пятом километре на реке встречается первая деревня — Пышма, и здесь, сразу же на задах усадеб, в береговом бо-

¹ Станок для промывки золотоносных песков.

лоте плещется неуклюжее железное чудовище — драга. Со стоном и скрежетом, захлебываясь в вязком болотистом иле, вгрызается она в землю своими стальными ковшами, поглощая с каждым черпаком новую тонну золотиносной породы.

Драга — это, по сути дела, целая пловучая фабрика, в которой происходят все стадии добычи золота.

Огромный хобот, по которому ползет бесконечная цепь стальных черпаков, напоминая экскаватор для рытья траншей; одним концом он опущен в воду, другим уходит внутрь пловучей фабрики. Черпаки загребают ил и уносят его в прожорливое нутро драги, где промывается по тому же принципу, что и на лотке старателя, но механически, без участия мускульной силы (если не считать подсобных операций), золото „доводится“, а пустая порода, через второй хобот выливается по другую сторону драги.

Превосходство добычи золота посредством драги перед старательскими способами настолько очевидно, что не приходится это и доказывать. Достаточно сказать, что одна драга заменяет целую армию рабочих-старателей.

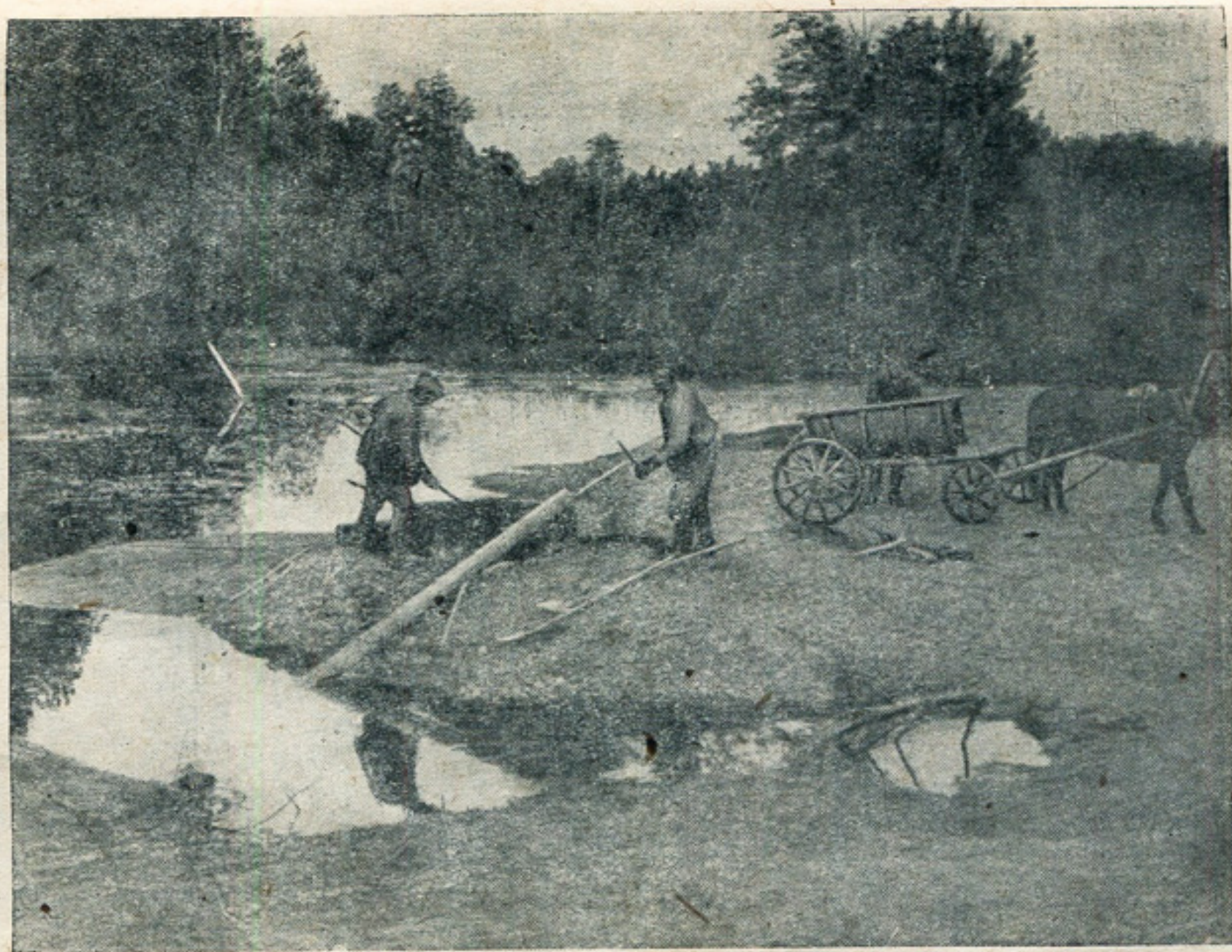
В бассейне Пышмы есть целый ряд мелких золотиносных, незамерзающих речушек. Здесь зиму и лето копошатся старатели, не прерывая работы даже в самые суровые морозы.

За последние годы на Пышме и ее притоках стало появляться все больше и больше шахт.

Здесь, на пышминских шахтах, на обновленной работе золотодобычи, развертывается и новая героика свободного труда. Не стало золотопромышленников, купцов, скупщиков, спекулянтов золотом. И глубоко изменилась психология старателя. Он знает, что работает не на предпринимателя и неудачи в работе шахты — есть и его неудачи.

Был такой случай на шахте. Вышел из строя насос. Сторела изоляция под контактными кольцами. А вода прибывала быстро. Не успели мигнуть, как шахту залило, и насос оказался затопленным на глубине двух метров. Что делать? Необходимо было как можно быстрее спасти насос. Долгое пребывание под водой привело бы его к неминуемой гибели. А как его поднять, когда над ним двухметровый слой ледяной воды, а над водой, как в паровом котле, скопился пар от насоса. Погибнет насос, станет и шахта. Непоправимый прорыв неминуем.

И вдруг один из молодых старателей вызвался добыть насос. Спустился в шахту и, захватив конец веревки, нырнул в ледяную воду. Нырнул раз — безрезультатно... Нырнул два —

Верховья реки Пышмы. Старатели за промывкой золотоносного песка на берегу реки.

и вблизи. Он представляет собою груду серых, гладко обточенных водой камней, которые лежат правильно расположенными грядами.

Красивы Софроновы острова. Они расположены у подножья горы Высокой. От берега их отделяет полоса воды шириной в сотню метров. Их много — целый архипелаг больших и совсем крошечных каменных островков. В центре этого архипелага вытянулись два сравнительно крупных острова. Это собственно и есть Софроны — острова-близнецы. Мохнатые, низкорослые сосны и гибкие березки судорожно вцепились в них корнями. Когда дует западный ветер и гнет деревья в сторону восточного берега, то кажется, что острова эти гонятся за уходящим от них Макаренком и не могут догнать его.

Софроны — любимое место отдыха лесозаводской молодежи и рыболовов.

Горы, окружающие Таватуй-озеро, невысоки. Но, возвышаясь одна над другой, они раскрывают прекрасные панорамы. Вот за горой Высокой синее остроконечная вершина Стожка, на которую набежала тень облака. Тень бежит дальше. Пейзаж преобразуется. Молниеносно меняются цвет и тона горных вершин и хребтов и перед взором мелькают картины одна другой волшебнее и изменчивее.

Вдруг погаснет одна вершина и станет синей-синей. Ярко заблещет стоящая рядом. Потом разом вспыхнут несколько вершин и тотчас же погаснут. Чья-то невидимая рука срывает голубое покрывало и несет его дальше.

Можно часами стоять и любоваться очарованием этих непрерывно меняющихся в своей окраске пейзажей.

Западный берег Таватуя более ровен и менее высок. Почти правильной овальной линией тянется он от самой Шаманихи до перешейка.

Больше двухсот лет назад пришли сюда старцы и старицы, бельцы и белицы — беглецы-раскольники — и в числе десяти дворов поселились в глуши на берегу озера. Так родилось село Таватуй.

Озеро с его рыбными богатствами являлось одним из главнейших источников существования раскольников (после курного промысла). Оно не только кормило их рыбой, но и освобождало от налогов. Все налоги таватуйцы покрывали из доходов, которые приносили два больших общинных невода, ходивших по озеру и зиму и лето.

Чем богат Таватуй? Прежде всего, конечно, рыбой. Рыбы в нем было много. Немало ее и сейчас. Но год от году ее

становится все меньше и меньше. Особенно губительно сказывается на воспроизводстве рыбы нерестовый лов и мережный лов у перешейка, разделяющего озеро от Верхнейвинского пруда. Перешеек этот представляет собою сплошное поле плавней, под которым находится чистая вода в несколько метров глубиной. По существу широкий „подземный“ водный коридор есть продолжение озера, только накрытое сверху плотным плавневым покровом. Вот по этому-то почти километровому „подземному“ озеру и ходят свободно косяки рыб. Весной рыба идет в пруд, изобилующий большим числом крупных и мелких заводей, заросших осоками и камышом, где она мечет икру — и где ее поджидают сотни мережей жителей Верхнейвинска.

Осенью рыба возвращается в озеро на глубинку — тут у прохода ее встречают восьмисотметровые невода.

Надо думать, что рыбную ловлю здесь скоро упорядочат. Черными металлами окрестности Таватуя не богаты, но золота и меди много. Золото здесь на каждом шагу. Правда, добыча его связана с большими затратами труда. Таватуйцы „стараятся“, и довольно успешно.

Особенно много таватуйцев и других старателей работает на речке Шайтанке.

Но самое большое богатство Таватуя — его климат. На берегу озера в Шаманихе можно встретить одного рыбака, который приговорен врачами к смерти. Оба легких его изъязвлены кавернами. А он живет! Сам он уроженец Таватуя, но болезнь захватила его на стороне.

Не надеясь на выздоровление, он вернулся на Таватуй-озеро и стал рыбачить.

У него теперь совершенно здоровый вид. Простое лицо, заглушенное рыжим волосом, заветрено, покрыто здоровым румянцем.

Спросите его, что его держит на этом свете? Он кивнет головой назад и усмехнется:

— А разве не Таватуй? Если б не жил тут, давно поди-ко помер бы.

Первое белое здание, которое вырастет на берегах этого чудесного озера, будет, несомненно, туберкулезный санаторий. Санаторий для тяжело больных. Мы в этом уверены.

С Шаманихи нам удалось проехать через озеро и дальше по Верхнейвинскому пруду на моторном катере, который со-

вершает здесь регулярные рейсы. Он бодро постукивал выхлопной трубой и тащил нас к перешейку. Перешеек этот, представляющий собою сплошной сплывень, прорезан каналом. Берега канала — это обрезанные края сплывня, толщиной около метра. Вдоль берегов канала набиты толстые сваи. Они-то и держат сплывень, не давая срастаться краям канала.

Извиваясь огромным чешуевидным удавом, тянется он на целый километр по сплывню. Направо и налево от него расстилается унылый болотный ландшафт. Летом по сплывню ходить опасно. Он изгибается под ногами, как сетка цирковых акробатов.

Наконец, канал кончился. Мы вышли в Верхнейвинский пруд.

Пруд в этом месте неширок. Катер приближается к тупику. Но, оказывается, это только остров. Он стоит в самом горле узкой части пруда. За ним снова расстилается широкое водное пространство. Остров этот носит название Ельнишного. Правда, елок на нем осталось мало. Их вырубил верхнейвинцы почти начисто. Остров этот известен тем, что на нем найдены были в свое время кости мамонта.

От Ельнишного катер делает новый поворот вправо. Это вторая часть пруда — самая большая. Ее берега еще более живописны, чем берега озера Таватуй. Налево от острова Ельнишного — Нейвинская Курья — место впадения реки Нейвы в пруд, той самой Нейвы, воды которой и создали этот замечательный водоем.

Интересен остров Присталой. Представьте себе огромную зеленую мохнатую шапку с высоким верхом, брошенную на гладкую поверхность пруда. Это и есть остров Присталой — место остановок верхнейвинских рыбаков и немногочисленных пока что еще туристов. Это самый значительный и самый красивый остров из всех виденных нами.

Дальше по пути попались острова: Долгий, составляющий вместе с мысом как бы одно целое и отделенный от берега очень узким проливчиком, и два островка-близнецы — Кедровые горки.

Недалеко от левого берега лежит желтый блин. На нем несколько чахоточных мелких березок. Это пловучий остров. В сильный ветер его поворачивает из стороны в сторону, но он все-таки на чем-то держится — либо на скале, либо на корчажнике, и стоит на одном месте. До сих пор никто не исследовал этого явления. Рыбаки прорубают в нем окошки и „крючат“ рыбу.

Обогнув Черный мыс, катер сделал новый поворот. Новым узким проливом мы въехали в последнюю, северную часть Верхнейвинского гряда. Вот и Верхнейвинск, наконец! А вот и трубы Верхнейвинского механического завода, который стоит за высокой плотиной. Этот-то завод и является виновником возникновения здесь огромного пруда, который, соединив свои воды с водами озера Таватуй, и образовал столь замечательный двадцатипятикилометровый водный путь. А сейчас поднимемся на гору Крутяк, у подножья которой стоит Верхнейвинск.

Мы стояли на вершине Крутяка. День кончался. Тяжелый багряный шар медленно катился по склону далекой горы, из-за хребта которой высоко к небу поднимался черный дым Калаты. Ближе, на отрогах другой горы, блистали крыши домиков Белореченского медного рудника.

Внизу, под нашими ногами, лежала северная часть пруда, прилегающая к самой плотине с двумя заводами (Земляшняя и Бунарка) и пловучими островами Зимняком и Катриным. Став спиной к Верхнейвинску, останавливаем взгляд на Черном мысе, похожем на голову неведомого допотопного ящера, с короткой шеей и круглым черепом, протянувшего свои губы к воде.

Дальше, левее его, лиловая гладь средней широкой части пруда тускло поблескивает в изумрудной оправе берегов. Горы за озером вечером кажутся прозрачными. Нежнозеленые покровы восточного берега пруда, где растет главным образом береза, будто расписаны тонкой росписью из черни. Это по березнику причудливыми завитками идут мелкие группы сосен и елей.

Мы уходили с Крутяка с большой неохотой. Потухала заря. Крупные звезды мерцали задумчиво, роняя на стеклянеющую поверхность пруда свои зыбкие отражения. Белесый свет бродил по вершинам погрузившихся в сумерки гор.

— Какое красивое место!— воскликнул мой приятель,— жаль, что о нем мало знают. Для туристов и экскурсий это целое богатство.

Я уверен, что Таватуй-озеро и Верхнейвинский пруд скоро оживут. Недалеко это время. Не может лежать неиспользованным такое сокровище. Верхнейвинский завод, занятый сейчас производством труб парового отопления и вентиляторов, вырастет. На берегах озера и пруда возникнут новые белые здания санаториев, домов отдыха и дач. На островах появятся мраморные беседки. И веселые, белоснежные моторные лодки

будут курсировать взад и вперед от Верхнейвинска до Софронов, развозя туристов, отдыхающих и санаторных больных.

А пока?..

А пока хорошо бы здесь, в Верхнейвинске, иметь экскурсионную базу с парой моторных ботов и двумя десятками лодок. От Свердловска до Верхнейвинска электропоездом всего час двадцать минут езды. Лучшего же отдыха и лучшей поездки, нам кажется, не найти нигде в другом месте Урала.

М. Кузнецов.

ПО РЕКАМ ЮЖНОГО УРАЛА

РЕКА БЕЛАЯ

Река Белая — башкирская река. Все её прихотливое извилистое течение целиком вмещается на территории Башкирской республики.

Говоря о реке, имеющей такое большое значение для Башкирии, как Белая, нельзя не сказать хотя немного о самой Башкирии, о прошлом и современном положении ее в советской стране.

Немало поэтических и художественных строк, воспевающих этот край, находим мы у С. Т. Аксакова.

„Как хороша была эта дикая, девственная, роскошная природа, — восклицает он, — я знал тебя, благословенный край, еще уфимским наместничеством! И ты все так же прекрасен, обширен, плодоносен и бесконечно разнообразен.

„Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки, то горные, быстро текущие по долинам и ущельям, между отрогами Уральских гор, то чудные степные реки, светло и тихо, незаметно катящиеся по ковылистым степям твоим, подобно яхонтам, нанизанным на нитку.

„Чудесной растительностью блистают твои тучные черноземные роскошные луга и поля, то белеющие весной молочным цветом вишенника, клубничника и дикого персика, то покрытого летом, как красным сукном, ягодами ароматной полевой клубники и мелкой вишни.

„Свежи, зелены и могучи стоят твои разнородные черные леса, и рой диких пчел шумно населяют нерукотворные борти твои, заполняя их душистым липовым медом.

„И уфимская куница и много другого зверя не перевелось еще в верховьях реки Белой“.

Так красочно описывает Аксаков природу „страны башкирцев“, по которой протекает река Белая.

Тихой грустью, теплотой и симпатией проникнуты у Аксакова строки, говорящие о населении этого щедро одаренного природными богатствами края.

Не забывает Аксаков упомянуть и о труде и занятиях полуголодных башкир.

„Мирны и тихи первобытные обитатели и хозяева твои, кочевые башкирские племена...”

„Обильной жатвой награждается невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкой сохой твою плодородную почву.

„Много уменьшились многочисленные конские табуны и коровы и овечьи стада их.

„После жестокой буранной зимы отошальные, исхудалые, как зимние мухи, башкирцы с первым весенним теплом, с первым подножным кормом выгоняют на привольные места наполовину живые от голоду табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними с женами и детьми. Страшный и грустный вид представляют покинутые, будто вымершие, селения“.

Рассказывает Аксаков и о том, как русские помещики, наслышавших об уфимском наместничестве, неизмеримых пространствах земель, угодьях, приволье, неописуемом изобилии дичи и рыбы и всех плодов земных, съезжались жадной толпой в Башкирию и заводили переговоры с тихими и нехитрыми исконными хозяевами ее.

„С помощью ловкости и плутовства можно было легко,— повествует Аксаков,— за самые ничтожные деньги приобрести большие участки земель. Стоило только позвать человек десять башкир и хорошо угостить их: зажарить двух-трех жирных баранов и поставить ведро вина и несколько ведер башкирского меда. Простоватые башкиры после такого угощения называли помещика-покупателя своим другом и уступали землю за бесценок“...

Аксаковские времена давно минули, и все приведенные выдержки интересны лишь как характеристика дореволюционного прошлого Башкирии.

Исторические условия не позволили башкирам подняться в дореволюционное время на более высокий культурный уровень, но все же у них достаточно народных поэтических произведений.

Есть песни и предания, сохранившиеся с далеких времен, чуть ли не со времен Ивана Грозного, когда Башкирия была присоединена к Великой Руси и на четыре столетия потеряла свою независимость. В этих песнях рассказывается о бесчис-

ленных башкирских восстаниях и о тех жестокостях, которыми безжалостно они подавлялись. Деревни сжигались. Скот раздавался помещикам. Наравне с лошадьми и коровами раздавались и жены и дети башкир.

Когда в 1773 г. началось пугачевское восстание, башкиры дружно присоединились к нему.

Во главе восстания стал смелый борец за свободу и счастье родной Башкирии поэт и певец Салават Юлаев. Он погиб в тюрьме, оставив после себя много революционных стихотворений.

Результатом царской политики был голод, нищета, почти полное вымирание башкирских сел.

И только со времени Октябрьской революции угнетенная Башкирия начала новую свободную жизнь.

Теперь башкиры являются равноправными членами братской семьи народов нашей великой страны.

На смену бедных и грязных, крытых вместо теса дерном башкирских лачужек приходят новые деревянные домики, вырастают башкирские колхозы, строятся новые заводы, исследуются прежде заброшенные районы, открываются новые сырьевые богатства, появляются нефтяные промыслы.

На смену „нерукотворным бортям“ (Аксаков) приходят образцовые пасеки. На смену „неумелому ковырянию земли жалкой сохой“ (Аксаков) приходят тракторы. Черноземная почва Башкирии, и без того плодородная, превращается теперь в тучные и хлебородные колхозные поля.

* * *

Река Белая, прежде мало судоходная, приобретает огромное экономическое значение. По спокойному широкому нижнему течению Белой идет хлеб, металл, нефть, сплавляется лес. Сюда заходят даже большие волжские пароходы. Последние годы пассажирские пароходы линии Москва — Уфа доходят до Уфы. Буксирные пароходы доходят и до Стерлитамака.

Между Стерлитамаком и Белорецким заводом река Белая уже не судоходная, а только сплавная река и то в некоторых местах только весной, по большой воде.

Нижнее течение Белой изучено и исследовано, кое-где ведутся работы по углублению фарватера реки.

Верхнее течение является областью мало исследованной и, пожалуй, до сих пор сохранившей дикость и девственность аксаковских времен.

Промышленного значения в этой своей части Белая еще не имеет. Интересна же здесь она главным тем, что дает ряд ярких, редких по своей красоте и живописности картин.

Здесь Белая течет не среди широкой низкой равнины, а среди диких скал, утесов, ущелий, среди густых непроходимых лесов и зарослей дикой вишни, малины, смородины.

Берега ее изобилуют поражающими своим великолепием пещерами, течение не раз загромождается огромными камнями порогов-переборов.

Река бешено мчится через камни, волны шумят, пенятся, брызжут, мелким жемчугом рассыпаются на солнце.

Картина незабываемая, полная дикой красоты, прелести, величия.

* * *

Река Белая берет свое начало в Челябинской области, Златоустовском районе, в Иремельских горах, между хребтами Большой Иремель и Аваляк.

Иремельские горы состоят из нескольких хребтов. Центральная гора называется Большой Иремель, все остальные, стоящие от нее поодаль, носят название Пасынков. Одним из Пасынков и является невысокий, изогнутый в форме подковы хребет Аваляк.

Большой Иремель — очень высок, он достигает 1500 метров вышины. Пораженные грандиозностью, величием и красотой этой горы, башкиры дали ей когда-то название Иремель, что значит „святая гора“.

Вершина Иремеля лишена всякой растительности, плоская, состоит из серых кварцитов, нагроможденных друг на друга. На вершине даже летом постоянно дует холодный ветер, иногда даже выпадает снег, а в котловинах северо-восточных склонов горы снег сохраняется почти все лето.

Ниже — тундровые луга, покрытые мхами и лишайниками. Растут тут карликовые ивы, можжевельник и сравнительно высокие ели, вершины которых обычно сломаны, — зимой на них скапливается снег, во время оттепели он подмерзает, и от тяжести его ветви обламываются.

Еще ниже расстилаются пышные луга с роскошной травой и цветами, чередуясь с густыми сосновыми, еловыми, пихтовыми лесами. Дальше почва становится топкой, приходится прыгать с кочки на кочку, с камня на камень, лошади вязнут по колено...

Между двумя хребтами — Большим Иремелем и Аваляком — находится небольшое болотистое, покрытое лесом, плато, с двумя небольшими озерками. Отсюда, с мало доступной башкирской горы Иремель, берет свое начало и башкирская река Белая, которую башкиры называют красавицей-рекой.

С быстротой и шумом горной речки мчится она среди узкой горной долины, пенится и бьется о выступающие камни и, наконец, скатывается в Тирлянскую равнину у самой станции Тирлянский завод.

Здесь Белая делается заметно шире, медленнее, спокойнее. Кое-где встречаются незначительные переборы и мели. Берега ее здесь низменные — покрыты зарослями ивы, тальника, малины, гигантской крапивы, перепутанных и связанных цепкими зелеными веревками хмеля.

У города Белорецка устроена огромная плотина, и река образует здесь пруд. Вокруг пруда, в живописной котловине, окруженной лесистыми горами, раскинулся город Белорецк. В городе много новых зданий: дворец культуры, фабрика-кухня, театр, новые дома для рабочих...

Город Белорецк вырос из заводского поселка Белорецкого металлургического завода, основанного в 1752 г. купцом Твердышевым. В 1874 г. Белорецкий завод перешел в руки акционерного общества, которому и принадлежал до 1918 г.

С 1918 г. Белорецк делается центральным южно-уральским пунктом гражданской войны с контрреволюционным казачеством. Рабочие красногвардейцы вели упорную борьбу с отрядами генерала Дутова, длившуюся больше месяца.

Летом 1918 г. отдельные советские отряды, разбросанные по разным местам Южного Урала, оказались отрезанными от Красной армии и сосредоточились в Белорецком заводе. Здесь был Троицкий отряд, отряды Каширина, Блюхера; они-то и совершили свой знаменитый героический рейд из Белорецкого завода до Кунгура, где соединились с 3-й Красной армией.

В настоящее время Белорецкий завод является одним из крупнейших южноуральских заводов. Он вырабатывает чугун, сортовое железо, проволоку, гвозди.

За Белорецком Белая опять попадает в узкий коридор гор и стремительно мчится среди них. Над рекой стоят отвесные стены, прорезанные глубокими ущельями, нависают огромные каменные глыбы и утесы. Такие же глыбы торчат и из самой реки и через них бурно, с пеной и шумом, перепрыгивает мчащаяся вперед река.

В этой части Белой особенно много переборов, подводных камней. Жутко и заманчиво проделать здесь экскурсию на лодках. Вот-вот налетишь на камень, и лодка разлетится в мелкие щепы. Еще за поворотом реки не видишь самых порогов, но уже слышишь нарастающий шум. Поворот — и шум делается таким оглушительным, что заглушает голоса вашего спутника, приходится кричать прямо в уши. Из воды торчит целое гнездо огромных черных острых камней. О них с пеной и грохотом разбивается река, делает бешеные скачки, падает белыми каскадами, и тут же, сразу, пенистые струйки делаются прозрачными.

Но люди хитрее реки... Они умело лавируют среди камней и переборов. Опасность минует, и смелые гребцы могут выйти на отлогий берег и спокойно лакомиться лесной клубникой, малиной и смородиной, которые в изобилии растут на полянах и среди камней.

В этой части течения Белой находятся поселки: Узьянский завод и Кагинский завод. Здесь были когда-то казенные, мало усовершенствованные заводы, и они уже давно не существуют. Остались только поселки с названиями бывших заводов.

Жители занимаются сплавом леса по Белой. Одновременно в Белорецке, Узьяне и Каге открываются шлюзы и выпускается вода из прудов. От переборов и мелей не остается и помину. Сплавщики пользуются этим моментом и гонят лес по реке в степные районы.

Ниже впадения в Белую ее правого притока Б. Аваляка селения встречаются значительно реже, и население в них исключительно башкирское. Река протекает по Бурзянскому, самому малонаселенному району Башкирии. Единственным крупным пунктом является районный город Супхангулово.

За Супхангуловом находится самая живописная и интересная часть течения реки Белой. Белая течет между скалистыми, отвесными, высокими, до 200 метров высоты, берегами. Сначала они покрыты сосной и березой, но к югу сосна совсем исчезает, ее сменяют вязы, липы и дубы.

Эта часть реки — самое грандиозное, самое величественное зрелище, какое можно встретить на реке Белой. Здесь Белая своей дикой красотой превосходит реку Чусовую.

На протяжении 150—200 километров тянутся над рекой каменные стены. Река делает множество изгибов и поворотов, и на ней встречается много порогов. А на склонах обрывов и гор — множество зияющих темных отверстий и щелей — это входы в многочисленные пещеры берегов реки Белой.

Особенно интересна так называемая Капова пещера, название которой получилось, как говорят, от того, что в ее гротах и коридорах все время капает вода.

Среди густых зарослей малинника, в крутом выступе скалы — огромное зияющее отверстие в пещеру. Из него вытекает маленькая речушка и впадает с правой стороны в Белую. Даже в жаркий летний день несет из пещеры ледящим холодом.

Пещера начинается высоким, узким и длинным коридором, в самом начале которого расположены два небольших озера с такой же холодной водой, как и в речке.

В коридоре — абсолютная тьма, итти в пещеру можно только со спичками, свечами, факелами. Жуткое безмолвие нарушается только медленным и монотонным „кап-кап, кап-кап“. Пол в коридоре вязкий, глинистый, загроможден в беспорядке лежащими камнями, очевидно упавшими когда-то из стен или потолка. Коридор ведет вверх, имеет множество боковых ходов и пещер. Через 150—200 метров он расширяется в огромный зал с высокими сводами.

С потолка спускаются огромные сталактиты, а навстречу, с пола, тянутся сталагмиты. Грязный глинистый пол сменяется каменными глыбами и плитами.

На высоте десяти-двенадцати метров в стене отверстие. По камням можно забраться на второй этаж пещеры.

Опять низкий и узкий коридор, по которому приходится пробираться на четвереньках, новое отверстие в стене грота, и по подгнившим лестницам (здесь когда-то начала было, да так и не окончила исследовательские работы группа геологов) можно пробраться на третий, а потом и на четвертый этаж Каповой пещеры.

Всюду коридоры, гроты, а в них тьма и сырость, мокро, грязь и разбросанные на полу камни.

Для непривычного человека делается не по себе в этом безмолвном мрачном подземелье. Хочется на воздух, на солнце, хочется увидеть снова бирюзовое небо, изумрудную зелень лесов, голубую ленту реки...

За Каповой пещерой встречается еще не мало пещер, не мало скал самых причудливых форм и очертаний.

В течение долгих тысячелетий солнце, ветры, вода изъели, источили более рыхлую часть горного массива, образовали трещины и отдельные пласты и плиты. Выветривание их происходит неравномерно и образует самые фантастические, самые причудливые скалы в виде каменных фигур животных, птиц, людей...

Река снова делает поворот, которых так много в этой части реки.

С правой стороны Белой, против впадения в нее реки Мелеус, над дубовым лесом высится тонкая и стройная скала, напоминающая башню с остроконечным шпилем. Это гигантская, до 100 метров вышины, скала Кабиз. Эта эффектная скала когда-то составляла одно целое с горным хребтом Кабиз, но вода разрушила более мягкую породу и отделила скалу от всего горного массива.

Дальше по скалистому обрывистому берегу имеется еще несколько небольших пещер.

После впадения в Белую притока Иргизлы река делается более широкой и спокойной. Горы снижаются и в последний раз подходят к реке у селения Биккузино. Здесь Белая выходит на простор уфимских степей, широко разливается среди черноземных колхозных полей и лугов. Куда ни глянешь, всюду беспредельная, иногда чуть холмистая равнина, без кустика, без деревца, уходящая вдаль, сливающаяся на горизонте с небом.

Дня два-три пути на лодке — и среди степи попадаются уже отдельные деревца, берега уже окаймлены осиной, тополем, дальше встречаются уже целые рощицы.

По течению реки расположен целый ряд русских колхозных селений: Хлебодарово, Самородовка, Привольная, Отрада. Самые названия их говорят о пышных хлебах и богатых урожаях.

И в районном городе Мелеусе все говорит о хлебе. На самом берегу Белой — обширные зерновые склады, куда со всех сторон свозят колхозы свои урожаи. Чуть ли не все грузовики, направляющиеся в Мелеус, везут зерно.

Еще два-три дня лодочного пути — и новый центр, но уже не хлебный, а нефтяной — издали видны нефтяные вышки Ишимбаевских нефтяных промыслов.

С 1929 г. начинается здесь пробное бурение нефтяных скважин, а с 1932 г. — добывание нефти. Строится железная дорога между Ишимбаевом и Уфой. Теперь ишимбаевские нефтяные промыслы имеют всесоюзное промышленное значение.

У Ишимбаева берега Белой теряют свой дикий, девственный, нетронутый вид. Вместо гор, непроходимых лесов, беспредельных степей и полей всюду, куда ни глянешь, экскаваторы, тракторы, автомобили. Всяду дым, пар, грохот взрывов, гудки паровозов, сирены машин, ночью — яркое освещение. Всяду люди, поселки, бурный размах работ и промыслов.

Сама Белая изменилась: прозрачные, слегка зеленоватые воды ее покрыты теперь темнобурыми пятнами нефти. На солнце вся река кажется от нефти перламутровой, переливает всеми цветами радуги.

Следующим райоиным центром по реке Белой является город Стерлитамак.

Недалеко от него высятся среди плоской равнины так называемые шиханы — крутые высокие горы с вершиной формы усеченного конуса. Особенно интересен и живописен шихан Тура-Тау, который вырисовывается на горизонте за много десятков километров. Тура-Тау с башкирского значит „башня-гора“. На ней сохранились остатки старого вала, который окружал когда-то городище ногайского хана. Это городище положило начало будущему городу Стерлитамаку, основанному уже в половине XVIII столетия.

Стерлитамак с 1919 по 1921 гг. — столица Башкирии, теперь один из крупнейших хлебных центров Башкирии. В нем много элеваторов, хлебных складов, мельниц.

Район Стерлитамака известен своим кумысом, чудесным уфимским медом, огромными дынями, арбузами, помидорами.

Интересное и красочное зрелище представляет собой осенний колхозный базар в Стерлитамаке с множеством овощей и фруктов, с яркой и пестрой толпой башкир. Колхозники — русские и башкиры — съезжаются на эти базары из самых отдаленных уголков Башкирии.

От Стерлитамака до Уфы течение Белой спокойное и не делает таких изгибов, как раньше. Горы, окружающие реку, невысоки, нет их прежней дикости и неприступности.

Уфа — столица Башкирии — расположена на высоком левом берегу Белой, в которую тут же впадает река Уфа. Против города в Белую впадает река Дема.

Уфа — древний башкирский город. Еще в русских летописях 1508 г. упоминается о князе уфимском, который вел переговоры с московским царем Иваном III.

По преданиям, там, где теперь расположена Уфа, был древний город того же названия, от которого остались полуразрушенные башни — Чортово Городище.

Издавна в Уфу посылались из Москвы воеводы, против которых неоднократно вспыхивали башкирские бунты.

В половине XVIII столетия был издан указ об учреждении Оренбургской губернии, куда было включено и уфимское наместничество.

В половине XIX столетия Уфа преобразуется в губернский город.

В эпоху гражданской войны в районе Белой под Уфой происходили крупные бои между красными войсками и колчаковской армией, которой было нанесено здесь поражение, и Уфа была занята красными.

Теперь Уфа крупный культурный и промышленный центр Башкирии. В ней ряд крупных мукомольных мельниц, лесопильных заводов, фанерная фабрика, канатный завод, чугунолитейный завод, типография с башкирским шрифтом.

Уфа, как и Стерлитамак, издавна славится своим кумысом и уфимским медом.

Последние годы в Уфу совершают рейсы пассажирские пароходы из Москвы по пяти рекам: Москва-река, Ока, Волга, Кама, Белая.

Уфа — последний крупный центр на реке Белой.

За Уфой по Белой много красивых мест: так называемый Вислый камень, Красноярский пережат, Благовещенский остров у Благовещенского завода, изготовляющего сельскохозяйственные машины. Ниже завода — одно из живописнейших мест нижнего течения Белой — воложка (приток) Соловьиное Горло. Пароход с усилием проходит между высоким правым берегом и длинным зеленым островом слева. Остров весь зарос густым кустарником и мелким лесом, заселенных соловьями. Пение их далеко разносится по реке с раннего вечера и до позднего утра.

Пассажиры пароходов Москва — Уфа недоумевают, откуда вдруг среди необъятных водных просторов несутся громкие хоры соловьиных голосов. Но вот начинает вырисовываться Соловьиный остров, пение делается все громче, и, наконец, пароход проходит мимо него под громкие соловьиные трели.

Дальше по Белой ряд хлебных пристаней: Топоркино, Березовка, Бирск, живописные Казанцево и Дюртюли, башкирская деревня Азякуль. Все они очень живописны и славятся своим кумысом. В окрестностях пристани Дюртюли — дачное место, деревня Венеция, красивая узкая воложка Гусиное Горло. Перед и после Азякуля два последние пережата на реке Белой: Золотовский и Казачий. Нередко здесь можно видеть на Белой землечерпалки, углубляющие эти пережаты.

За Казачьим пережатым Белая широко разливается в низких берегах и впадает в Каму. Против устья Белой, на обрывистом правом берегу Камы, много выходов из подземных пещер, — здесь были древние медные копи.

Ильменское озеро в знаменитом минералогическом Ильменском заповеднике близ гор. Миас.

собрать о ней возможно больше сведений — весьма благодарная задача для молодых исследователей Урала.

С. Д.

НА ИСЧЕЗАЮЩЕЙ РЕКЕ СИМ¹

Вдвоем с башкиром-колхозником Ахметом мы собрались в путь на реку Сим, о которой я слышал множество самых диковинных рассказов. Уселись верхами, обложились поклажей и на резвых башкирских лошадках быстрой рысцой выехали из деревни. Миновали деревенские задворки, обставленные скирдами, обстроенные широкими ригами, и выехали в степь. Было раннее утро.

Из-за открывшихся конопляных и просяных полей, из-за кудрявых кустарников в дальней ложбине показались глубокие туманы. Под пригревом утреннего солнца верхушки туманов клубились, курились и подымались вверх. За ними высились синеватые горы. Поднявшись до половины гор, туманы собирались в облако, но до вершин подняться не могли и долго стояли на одном месте облаком, разделявшим горы на две половины — верхнюю и нижнюю. И вся цепь гор, погруженная основанием в белизну тумана, выше черная, потом снова белая, и наверху опять черная, длинной иззубренной грядой шла на протяжении десятка километров, пока не скрывалась из глаз за синевшими лесами. Это Серпиевские высоты. А внизу, у подножия их, течет река Сим.

Берет она начало в этих высотах, расположенных в Южном Урале, на западном склоне его.

На Урале много подобных и даже более красивых рек, но сам по себе Сим все-таки единственная река, потому что она в одном месте исчезает с лица земли. Это интересное явление природы — исчезновение реки — и тянуло меня к себе.

* * *

Миновав глухие перелески, мы въехали по узкой тропе в обширные леса, стелющиеся по берегам Сима. Утреннее солнце ярко окрашивало красные гроздья рябины и огненные листья осины, создавая типичную картину ранней уральской осени. Проблески солнца и длинные тени деревьев на земле чередовались меж собой, и свет спорил с тьмой. Дорожка

¹ По материалам М. Круковского.

извивалась, то опускаясь, то поднимаясь, и, наконец, круто спустившись, привела нас к густым зарослям. Из-за них, сквозь стук лошадиных копыт, слышался говор реки. Неожиданно расступились кусты, и в образовавшемся растворе, среди зеленой декорации, сразу открылась небольшая, но быстрая и шумливая река. В этом месте как раз находился брод через реку Сим.

Ахмет смело въехал в воду. Она была лошадям по колена и, ударяясь о них, яростно бурлила и кипела.

Левый берег Сима низменный. Широкие луговины здесь чередуются с кустарниками, растущими вдоль берега. Дорожка делает бесконечные повороты. А из-за верхушек кустарников грозно поднимаются высокие каменные стены противоположного берега, окрашенные в самые различные цвета. Вот отвесная ярко голубая стена известняка. Дальше идет темно-бурый песчанник, а еще через километр — мрачный, покрытый мхом, потрескавшийся гранит. И потом снова известняк. Наверху этих стен, на самом краю их, над бездной стоят леса. За ними расстилается широкая возвышенная черноземная степь, тянущаяся вплоть до великанов Южного Урала — Таганая, Юрмы и других. Иногда на полувысоте такой стены увидишь одинокое деревцо, неведомо как прилепившееся к голому холодному камню. Очевидно, в расщелину стены попало семя и дало рост. А внизу, под этими отвесами, омывая их и разбиваясь о них, несетя Сим.

Правый горный берег Сима очень мало исследован, но для исследователя он представляет большой интерес. В известняковых породах, из которых, главным образом, состоит этот берег, образовалось множество пустот — пещер. В них-то мне и хотелось побывать.

Делая многочисленные повороты, Сим несколько раз пересекает тропинку. Следуя ей, приходится постоянно переходить с берега на берег и обратно. Картины чередуются. То едешь в чаще зарослей, из-за закругленных верхушек которых подымается к небу цветная каменная стена, то у подошвы самой стены, у ног бурлит Сим, а на другой стороне — низины с кустарниками. Но вот кусты раздвинулись. Обрисовалась на другом берегу высокая стена, а посреди нее, словно глаз горы, показалось черным пятном отверстие — вход в пещеру. Опять пересекаем реку и по крутой тропинке поднимаемся к самому входу.

Расположились отдохнуть.

Хорошо сидеть под аркой пещеры и пить горячий чай, вскипяченный тут же, в чайнике, установленном на двух

камешках. Искусная дорожная закуска кажется вкуснее самых изысканных блюд. Впереди расстилается спокойно-красивый осенний пейзаж, сзади зияет черная, веющая сыростью и холодом пещера, внизу рокошет Сим...

Ахмет нарубил в кустарнике можжевельных кореньев и принес их целую охапку: это для освещения внутренности пещеры, вместо свеч. Корни эти очень смолисты и хорошо горят. Зажгли по пучку и вошли в зияющую пасть пещеры.

Высокий свод пещеры стал постепенно понижаться, и вскоре осталось узкое, метра в полтора, отверстие. В сильно согнутом положении пришлось сделать несколько шагов. Слабые отблески дня едва проникали сюда. Но вот потолок снова начал повышаться, явилась возможность выпрямиться, пол вдруг начал понижаться, и мы вошли в обширную галерею.

Дневной свет исчез. Охватила пронизывающая сырость. Давящий вековечный мрак осветился пламенем наших факелов. Смолистые корни, тихо шипя, плохо светили и дымились. В насыщенном сыростью и известью воздухе дым почти не поднимался вверх и застилал пламя. Но и при этом скудном свете мы увидели чисто сказочную, фантастическую картину.

Громадная галерея была сплошь уставлена чудовищной, небывалой мебелью... И не мебелью, как она называется на человеческом языке, а чем-то неопишваемым, чем-то таким, чего нет в человеческом обиходе. Здесь были какие-то нагромождения, с первого взгляда вызывавшие идею бесполезности. Но величие, дикий хаос форм и очертаний разбросанных кругом предметов, говорили о том, что здесь властвуют свои великие законы природы.

Здесь стоит колонна, подпирающая свод пещеры, наверху она более утолщена, чем внизу. Рядом с ней, на самом своде, над головой висит громадная каменная глыба, и трудно понять, на чем она держится, почему не оборвется, не грохнет всей своей тяжестью на головы смельчаков, проникших в этот подземный заповедник природы. Там, в глубине, меж двух колонн, украшенных причудливыми капителями, виднеется арка, ведущая куда-то вглубь. С высоты потолка, глубокие впадины которого тонут во мраке, спускаются вытянутые воронкообразные сталактиты, а внизу, от пола, навстречу им, поднимаются такие же воронки сталагмитов. Они разбросаны в самом живописном беспорядке, ими уставлена вся галерея. Колонны по бокам, арки меж них, выступы, нависшие скалы, сталактиты и сталагмиты, люстры, канделябры, трещины и

наросты, — все это создает впечатление какой-то чуждой, сказочной красоты.

Свет не достигал отдаленных впадин и глубин, терялся в черных тенях, а на этом черном фоне выступали дикие очертания освещенных ближних скал и сталактитов. В мертвенной вековечной тишине слышалось лишь шипение наших факелов, да изредка сквозь это шипение пробивался звук падающих сверху капель. Всплеснет громко, гулко то в одном конце галлерей, то в другом. Из этих капель, насыщенных известью, и образовались наросты на потолке и полу. И сколько тысячелетий этим сталактитам, если каждая капелька, расплываясь, осаждает самый ничтожный слой извести! Сколько тысячелетий нужно было работать воде, чтобы воздвигнуть эти сталактиты!

Ахмет с жадным любопытством созерцал картину. Его высокая фигура в длинном халате казалась тоже необычайной, словно сюда пришел какой-то жрец, стоит с огнем в руках и вот-вот начнет совершать какой-то религиозный обряд.

Говорить здесь не хочется. Необычайность обстановки подавляет и настраивает на торжественный лад.

Но вот Ахмет двинулся вперед.

— Айда дальше, — воскликнул он: — там есть еще много пещер, красивых пещер!

Мы подошли к самому отдаленному концу галлерей. Здесь было небольшое отверстие внизу стены, вернее — нора. Казалось, дальше хода не было. Но Ахмет стал на четвереньки и пополз в нору.

— Гуляй за мной! — сказал он.

Хорошо было „гулять“ на четвереньках в узкой, темной норе, держа впереди себя факел! Но я пополз. Постепенно нора становилась темнее и вскоре превратилась в дыру, в которой уже надо было ползти по-змеиному, растянувшись на земле во весь рост. То сокращаясь, то распрямляясь, как гусеницы, медленно ползли мы вперед. Со всех сторон нас жал камень. Он неприятно подавлял своей неумолимостью: хоть кричи, хоть плачь и проси, рвись сколько хочешь, камень не раздастся и не выпустит. А над тобой — громадная каменная гора, должно быть, освещенная в эту минуту солнышком...

Дым от факелов забирался мне в горло, и во рту становилось горько-горько. Глаза ничего не различали. Рой мыслей мелькал в голове, и время казалось вечностью. Вспомнились многие эпизоды жизни, даже такие пустячные эпизоды детства, какие никогда и не вспоминались раньше.

Новот подземная нора кончилась. Мы проползли по ней, по крайней мере, десятка два метров и минут пять были на положении змей.

Нора вдруг расширилась.

Перед нами открылась новая галерея. Низкая, широкая, она походила на внутренность гробницы. Нависшие с потолка сталактиты и глыбы, казалось, ежеминутно готовы были упасть и раздавить нас.

В одном углу галереи образовалось небольшое озерко. Оно ограждено высоким барьером из тех же отложений извести. Высотой барьер около двух метров и все озерко заключено словно в большую круглую чашу, расширенную книзу. Чаша переполнена, и избыток воды, выливаясь в иззубрину края, едва заметным ручейком течет тут же и теряется в трещинах и расщелинах. Над озерком навис потолок, мрачный, тяжелый, бугорчатый. На нем видны нависшие капельки. Эти-то капельки, падая вниз, и наполняют озерко. Вода в озерке холодна и насыщена известью. Резервуар озерка и потолок постепенно сближаются. Пройдут еще тысячелетия, и они срастутся.

Заглянув еще в две-три галереи, такие же причудливые, мы повернули назад. Запас факелов был на исходе, надо было торопиться. Без огня здесь можно было погибнуть.

* * *

Солнце далеко перевалило за полдень, когда мы выбрались на свежий воздух из подземного мрака. Не теряя времени, поехали дальше. И опять те же картины: полное безлюдье и глушь, оживляемая шумом и говором реки. Опять пришлось бродить Сим несколько раз. Впереди нас ждал осмотр еще одной большой пещеры, о которой мне много рассказывали. И вскоре мы достигли ее.

Из-за деревьев я увидел гигантскую арку с гранитными колоннами по бокам — естественным порталом. Она находится высоко над рекой и взобраться туда можно лишь по крутой тропинке. Колонны словно поставлены на закругленные постаменты, испещренные подписями посещавших пещеру неведомых путешественников, — значит, здесь бывали люди. Впоследствии оказалось, что здесь действительно перебивало много посетителей, хотя далеко не с научными целями.

Мы расседлали лошадей, оставили их внизу, в кустах, сами взобрались под арку и принялись за обед. Запили горячим чаем и, вновь запасшись факелами, вошли в пещеру.

В согнутом положении вошли мы в черневший зев пещеры. При свете факелов заметили спуск, по которому и вошли в пещеру. Огромная палата открылась перед нами. До стен ее свет факелов не достигал. И опять те же колонны по бокам, навесы, арки, небывалые инкрустации, сталактиты. Посреди этой палаты стоит деревянная лестница, ведущая к потолку, а там зияет дыра. Эта пещера — двухэтажная.

Решили осмотреть ее на обратном пути и пошли дальше. Но Ахмет, очевидно, плохо знал эти пещеры и боялся заплутаться. Осторожно поглядывал он на боковые арки, ведущие внутрь горы, и старательно замечал путь. Он, видимо, трусил. И когда мы проходили одну из незнакомых ему палат, он вдруг указал на что-то, лежавшее на полу. То была кость, несомненно, человеческая. Это встревожило его.

— Айда домой! — воскликнул он. — Больше не гуляй, булно не хорошо... Ахмет дальше не знат пещер!..

Но я заупрямился. Путь был прямой, а палаты и галереи открывались одна причудливее другой. Неужели оставить! И мы опять пошли, тщательно замечая свой путь.

И долго мы бродили так, разглядывая эти скрытые в земле, мало кому известные чудеса природы. Наконец, взглянув на часы, я увидел, что было восемь часов. Солнце, значит, уже давно село. Недовольство Ахмета, забота об оставшихся лошадях, поздняя пора, — все это заставило повернуть обратно.

Вскоре мы достигли первой пещеры, где стояла лестница, нашли ход и начали подниматься. Но ни малейшего проблеска света впереди не показывалось. И долго мы шли согнувшись, все ждали света, а его не было видно. Но вот голова перестала касаться потолка, он начал повышаться: значит мы входим в арку. И вдруг, отстранив факел, я увидел впереди, в рамке арки, небольшой кусок темносинего неба, усеянного звездами. Вот он, родной земной мир! Только тогда по-настоящему оценишь его, когда узнаешь, что такое вечная, безнадежная тьма. Легко дышит грудь, и на душе так свободно, так весело. Мы снова в родной стихии.

Развели костер. Поставили чайник. С трудом разыскали в кустах лошадей, а потом залегли спать у костра.

Но долго не спалось. Волнения дня слишком взбудоражили нервы. Чувствовалось переутомление, а с ним всегда плохо спится. Долго лежал я у костра, смотрел на туманы, застилавшие реку, на верхушки кустов, которые темными купами выделялись из белизны туманов, слушал, как где-то внизу невидимый, бессонный ропщет Сим, думал о подземном мире.

находящемся тут же рядом, в недрах этой горы, мало изведанном, таинственном... Потом незаметно для себя уснул.

* * *

Покончив с осмотром пещер, утром поехали дальше.

Сим в этих местах очень мелководен. Его можно пройти в высоких сапогах, и вода не доходит до колен. Несомненно, масса воды уходит в землю, размывая известняки и образуя в них пустоты.

За второй пещерой река Сим настолько мелеет, что совершенно заросла водяной капустой, купавами, кувшинками. Целый лес их стоит над рекой, зеленой лентой тянется вдоль прибрежной скалы, и из-за этих зарослей почти не видно реки. А дальше река расширяется и бойко бежит, журча между камнями, ударяется о встречные береговые утесы, шумит и сердится, а наткнувшись на непреодолимое препятствие, делает колено.

Проехали еще несколько километров.

— Здесь Сим кончал, в земля ходил!.. — воскликнул вдруг Ахмет и круто повернул лошадь к реке.

Пробравшись сквозь кусты, мы подъехали к крутой горе. Сим должен был течь здесь, но его не оказалось. Где же он? Не на гору же взбежал он? Невдалеке слышался, однако, шум реки.

Я спешил, пошел вдоль стены и действительно вскоре увидел воду.

Нечто неправдоподобное открылось перед моими глазами. Широкой волнующейся лентой неся быстрый Сим. Вода, встретив на своем пути гряду крупного, круглого булыжника, бурлит, кипит и, словно попав на горячий камень, испаряется. Она не в силах преодолеть эту ровную гряду и, разлившись по ней, исчезает между булыжниками...

Странно это внезапное исчезновение такой массы воды, странно потому, что не видно, куда она девается. Она должна была бы проскочить это место, когда-то, несомненно, бывшее ее руслом. Но, взглядевшись пристальнее, можно найти разрешение загадки.

Главное течение реки, вся масса воды ударяется сначала в скалу известняка, выступившую слева, а затем уже остаток воды устремляется на камни. Там, у скалы, происходит главное поглощение воды. И хотя отверстия в скале не видно, — оно, несомненно, находится ниже, может быть, даже на дне реки, — но видно, как там вода уходит куда-то; остаток же воды, не успевшей войти под скалу, широко разливается по

мелкому дну, набегает на булыжники и исчезает между ними, просачиваясь в недра земли.

Несомненно, река текла когда-то по поверхности: следы ее прежнего русла видны до сих пор, но со временем она размывала скалы и известняковое дно, служившее потолком для какой-нибудь пещеры, и теперь вливается в обширные подземные пустоты.

Разлилась ли там река в озеро, заполнила ли собой множество галлерей, палат, гротов или бежит стесненной лентой, — неизвестно. Исследовать это можно было бы, лишь отведя русло реки значительно выше этого места в сторону.

А как хотелось бы проникнуть туда, в глубь, в недра, посмотреть на подземную реку, прокатиться по ней на лодке, как в Мамонтовой пещере или Лаворовом гроте!.. Может быть, там есть стремнины, подземные водопады?.. и живут ли там те быстрые хариусы, которыми изобилует Сим и которые попадают несомненно вместе с водой в подземные пустоты? Невольно становишься втупик перед этой загадкой природы, и воображение рисует картины одна другой причудливее.

Чтобы ближе рассмотреть явление, я взошел на булыжники.

— Ай-ай! — закричал Ахмет. — Не гуляй там!.. Дыра там, кончал там... умирал!..

Ясно было, что если такая масса тяжелого булыжника удерживается на поверхности, над подземными пустотами, то уж человеку не провалиться, и я смело пошел по булыжнику, среди которого кипела вода. Ничего. Никакого отверстия в дне. Вода просто просачивается сквозь россыпь булыжника и исчезает где-то глубоко. Но до подножия скалы, где уходит главная масса воды, нет никакой возможности ни дойти, ни подъехать на лодке. И то сказать: сильное течение без труда может втянуть под скалу, а там вряд ли придет в голову заниматься исследованиями. Там прямая смерть!

Куда течет Сим под землей — в направлении ли прежнего русла или в новом, течет ли кратчайшим путем, или делает под землей десятки километров — об этом надо спросить эту скалу, проглатывающую реку.

И так, ничего не разгадав, к досаде своей, пришлось мне ехать дальше.

* * *

Мы направились вдоль старого русла Сима, поросшего травой. Оно постепенно становилось все более незаметным и, наконец, его следы исчезли совсем. Мелкорослый кустарник

преградил нам путь. Путаясь в кустарниках, переплетенных вьюном и диким виноградом, мы медленно подвигались вперед. Километра через три мы подъехали к сухому руслу какой-то другой реки. Здесь когда-то была, очевидно, широкая и быстрая река, судя по большому уклону ложа, может быть, приток Сима, но и она исчезла: высохла или тоже ушла в землю, — этого ни Ахмет, ни окрестные жители рассказать мне не могли. Но в сухом русле реки так и остались до сих пор гальки на дне, речные раковины, продырявленный туф, крупный песок — гравий.

Спустя час мы снова подъезжали к Симу, но не к тому, прежнему, а к новому, вышедшему из-под земли. От места впадения Сима в землю до выхода из-под земли расстояние по прямому направлению не менее пяти километров.

Сквозь густые кустарники продвигаемся с трудом: приходится руками раздвигать заросли. В глубине таких зарослей мы, наконец, нашли поток, журчание которого слышали еще издалека.

Этот поток был не чем иным, как сердитой, своенравной рекой Сим... Идя против течения, мы с невероятными усилиями достигли того места, где он выходит из-под земли.

В непроходимой чаще кустарника, из-под самых корней бьет бугром вода. Здесь холодно, дико; солнце сюда не проникает. Вода, выходящая из земли какой-то силой, широким валом поднимается вверх почти на метр высоты, расплывается затем кипучими волнами и, постепенно расширяясь, вступает в бой с преградами: кустарниками и теснящими его камнями. Пройдя полкилометра с такой борьбой, Сим разливается попрежнему. Через 20 километров он, прорвав кряжи, разливается в широкое Симское озеро, на котором стоит большой Симский завод.

Симский металлургический завод основан в 1759 г. Он известен забастовками рабочих в 1903 г., восстанием рабочих в 1906 г., в 1919 г. ведет борьбу с Колчаком.

Минуя Симский завод, река Сим протекает в глубоких живописных ущельях, и из отвесных скал в него стекает много родников. Сим вскоре перерезывает линию железной дороги и протекает вблизи Миньярского завода, расположенного при слиянии реки Миньяр с Симою.

Миньярский завод был основан в конце XIX столетия. Женой известного марксиста Плеханова здесь была открыта одна из первых в России воскресных школ для рабочих.

В истории революционного движения на Урале Миньярский завод всегда стоял первым.

В 1914 г. в Миньярском заводе дружно и сплоченно протекала девятимесячная рабочая забастовка. В 1917 г. — миньярские рабочие одни из первых вышли на завоевание Октября. В последующие годы рабочие ведут ожесточенную борьбу с генералом Дутовым, с Колчаком, с чехо-словаками...

С 1927 г. в Миньярском заводе открылась первая в СССР фабрика холодно-точной прокатки железа. Железо, прокатанное в горячей прокатке, прокатывается дальше без нагрева в холодном состоянии до тонкости бумажного листа. Холодная или точная прокатка необходима для многих видов промышленности: металлической, кожевенной, швейной и пр.

За Миньяром река Сим протекает мимо хребта Ажигардак. Недалеко тянутся отроги Воробьиных гор, с них стекает речка Берды, ниже ее находится до сих пор неисследованный ключ, который то появляется, то снова исчезает. Далее Сим делается особенно живописен: с высоких, в несколько метров высоты известковых скал в него впадают красивые каскады так называемого Гремучего ключа.

На склоне за Воробьиными горами высится Казарменная гора, на западном склоне которой, недалеко от железнодорожной станции Вавилово, раскинулся Аша-Балашовский завод. Этот сравнительно молодой чугуноплавильный завод, основанный в 1898 г., вырабатывает чугун и мартеновский металл.

Дальше Сим течет по сравнительно ровной местности, окаймленный невысокими отрогами Уральских гор и полосами лесов, теперь уже исключительно лиственных. Кое-где встречаются пещеры, но светлые, без сталактитов, без лабиринта гротов и галлерей. И, наконец, эта таинственная река впадает в спокойную красавицу — Белую.

Наш путь окончен... Мы с Ахметом расстаемся — он спешит кратчайшим путем в свой колхоз. Я задерживаюсь на Белой.

РЕКА ЮРЕЗАНЬ

Юрезань впадает в Уфу, Уфа — приток Белой, Белая несет свои воды в величайшую реку Урала — Каму, а последняя обогащает своими водами Волгу. Вот какое почетное и длинное родство у небольшой горной речки Юрезани.

Юрезань одна из самых интересных и своеобразных рек Южного Урала и заслуживает серьезного и внимательного исследования и изучения.

Она резко отличается от рек Европейской части СССР и даже от других уральских рек. Горы, окружающие ее течение, здесь не сглажены, как на среднем Урале. Здесь много высоких вершин, величественных и грандиозных.

Юрезань пенится и шумит, словно хочет вырваться из своих крутых каменистых берегов. По ней встречается много перекатов и мелей. Верхнее ее течение чуть ли не через каждые два-три километра преграждают все новые перекаты. Она здесь так быстра, что даже не замерзает зимой.

Но через 3—4 километра Юрезань становится уже неузнаваемой — ее берега понижаются, и она, тихая и спокойная, медленно несет свои прозрачные воды среди пышных лесов, среди тучных колхозных полей и лугов. Еще через 2—3 километра — опять горы, и опять мечется среди них и пенится и хочет вырваться из каменных тисков горная речка Юрезань...

Ни одна река не имеет такого количества островов, как Юрезань. На всем ее протяжении до 60 островов, заросших пышной болотной травой и кустарником.

* * *

Река Юрезань берет свое начало у подножия высокой вершины Урал-Тау. Теснимая скалистыми берегами, она стремительно мчится на северо-запад. Гигантские скалы то выступают из-под воды, то тянутся вдоль нее в виде высоких отвесных стен, то нависают над рекой. Рыбаки, проплывая на лодке, с невольным страхом поглядывают на них — вот-вот отвалится от них тяжелый острый камень.

Здесь множество темных и сырых пещер, гротов, коридоров. Иногда эти коридоры высокие, иногда низкие и узкие — по ним можно пробираться только ползком. Ведут они в большие или малые гроты с чудесными сталактитами, колоннами, причудливыми глыбами камней. Со сводов свешиваются капли воды, время от времени слышится глухое падение их на камни. Пол пещер иногда мокрый, ноги вязнут в глине, шлепают по лужицам. От главных коридоров отходят второстепенные, едва проходимые узкие каменистые ходы.

Но не нашлось еще смельчака, который бы решился на более тщательное исследование юрезанских пещер. Только дикие голуби огромными колониями населяют передние коридоры и гроты этих неисследованных пещер, таящих в себе быть может огромные природные богатства.

В двух километрах от деревни Акулово находится интересная Горящая гора (по-башкирски Янган-Тау). Она возвышается на 80 метров над правым берегом реки. Вся вершина ее покрыта трещинами, из которых вырывается горячий воздух и пары. Здесь, вблизи трещин, жизни нет: ни кусты, ни трава, ни даже мох здесь не растет — всюду одни дикие голые камни и осыпи щебня.

Кое-где из горы бьют горячие источники, славящиеся среди населения своим целебным свойством. Издавна сюда стекалось множество народа.

Каждое лето сюда без совета врача съезжались больные ревматизмом башкиры. Ехали семьями, группами, чуть ли не целыми селениями. И жили здесь неделями, месяцами.

Здесь ими же самими сооружались вблизи ключей несложные сарайчики, где и помещались принимавшие ванны больные.

Теперь здесь устроена водолечебница.

Гора Янган-Тау состоит из серого известняка. Огромный кусочек камня пахнет керосином. Предполагают, что в недрах горы находятся богатые источники нефти. Однако гора еще не исследована. Никаких систематических геологических разведок не производилось.

В этом же районе, в окрестностях реки Юрезани, найдена была железная руда, красивый мрамор... Быть может, долина реки Юрезани окажется по своим горным сокровищам богатейшим промышленным районом Южного Урала.

Пока же мы знаем только о живописных и величественных, поражающих своей дикой красотой берегах Юрезани, об их на редкость богатом и разнообразном животном и растительном мире. Дикие девственные нетронутые леса широкой полосой тянутся по всему течению Юрезани. И каких деревьев только нет в этих лесах: сосна, ель, пихта, береза, осина, рябина, дуб, наконец, липа, тополь, целые рощи дикого вишеника с мелкими, но душистыми и сладкими вишнями. В более низких и сырых местах — заросли лесной малины, черной смородины, шиповника. В долинах много полевой клубники. Лесные поляны пестрят коврами полевых цветов, заводи реки покрыты водяными лилиями и кувшинками. Несметные полчища пчел перелетают от цветка к цветку, собирают мед.

Одним из главных занятий местного населения — башкир является пчеловодство, дающее мед и воск. Раньше башкиры устраивали свои борти — колоды — в лесу на деревьях. Теперь стали устраивать пасеки с рамочными ульями.

В липовых лесах пчелы собирают мед с липовых цветов. Это — знаменитый липовый уфимский мед.

В лесах, где редко ступает нога человека, раздолье лесному зверю и птице. Здесь обитают медведи, волки, рыси, горностаи, ласки, выдры. Водятся даже лоси, но охота на них запрещена.

В зарослях, среди камыша, на озерах целые птичьи базары. Гуси, лебеди, утки, чирки, гагары оглашают своим криком неподвижную тишину озер. В лесах — вальдшнепы, рябчики, тетерева.

Над рекой носятся, высматривая рыбу, крикливые чайки и орлы. На берегу часто можно увидеть стоящую на одной ноге цаплю, задумчиво выжидающую добычу.

А рыбы в реке много: здесь и серебристые язи, и окуни, и хариусы с нежным мясом, и метровые щуки. Стайки мелких серебристых рыбок играют на солнце, почти на поверхности воды. Вода в реке так прозрачна, что отчетливо видно каждый камень на дне, видно метнувшуюся из зарослей почти на самом дне большую рыбу.

В горах и в малиннике по берегам Юрезани водится много черных блестящих ужей, ядовитых гадюк и маленьких пестрых с хрупким ломающимся телом медянок.

Местное башкирское население привыкло к такому соседству. Безвредные ужи — нередкие гости в хижинах колхозников — выпивают оставшееся молоко в чашках детей, истребляют вместо кошки мышей, жуков, тараканов, живут в дружбе с собаками. Ужи любят сырые заросшие места, целыми семействами живут в дуплах и прогнивших пнях деревьев. Проткнешь в дупло длинную палку, побеспокоишь их, и ужи задвигаются, заерзают, вытягиваются, извиваются... Даже знающему, что ужи совершенно безвредны, делается жутко при виде этого огромного перепутанного клубка „змей“.

Ужи — великолепные пловцы и, путешествуя на лодке по Юрезани, можно часто видеть красивое зрелище: черный, как уголь, блестящий на солнце, точно лакированный, уж ярко выделяется на голубой поверхности реки. Уж почти не погружается в воду, но все время красиво извивается на ее поверхности. Иногда уж ныряет и грациозно и ловко выбрасывает из воды свою быструю черную головку с золотыми отметинками.

Гадюк и медянок население здесь тоже не особенно боится. Но все же, ложась спать, кладут на постель что-либо из лошадиной сбруи или шерстяные вязаные вещи — змеи не выносят запаха лошадиного и овечьего пота.

Юрезань или Юрезанка, как ее называют местные башкиры, — река мало известная, протекает по местности мало населенной, не имеющей крупного промышленного значения, но все же издавна по ней сплавляют лес. Раньше его сплавляли молевым способом, теперь же больше плотами.

Лес сплавляют в низовьях реки, гонят его в реку Уфу. Для местных заводов сплавляют лес и в верхнем быстром течении Юрезани.

Берега Юрезани малонаселенны. Изредка можно увидеть избушку паромщика, лесную сторожку, где находят себе приют и отдых охотники.

На всем протяжении Юрезани, около 400 километров, можно насчитать не более двух десятков башкирских селений. Но культура, газеты начали проникать и в эту глушь. Едва заметные лесные тропинки превращаются в широкие ровные шоссе. У гор отвоевывается по клочкам земля, распахивается, превращается в колхозные поля... Строятся фабрики, больницы, школы, вводится всеобщее обучение, начинается новая жизнь...

* * *

В районе верхнего течения Юрезани находятся три крупных завода, имеющих свою революционную историю.

Катав-Ивановский завод расположен в живописной горной местности на реке Катав, впадающей в Юрезань.

У завода — большой катав-ивановский пруд. На заводе два вида производства: цементное и металлургическое. Цемент вырабатывается из местных мергелей, залегающих в окрестных горах в большом количестве. Имеется производство огнеупорных кирпичей.

Металлургический завод вырабатывает чугун и мартеновские болванки. Руду получает с Бакальских рудников. Плавка происходит на древесном угле, который выжигается из сплавного леса на верхнем конце пруда. У слияния двух истоков Катава — одного, берущего начало у хребта Зигальги, и другого хребта Машак — находится деревня Двойниши. Почти все жители Двойниши работают на углеобжигательных печах и лесозаготовках. У станции Двойниши высятся огромные углеобжигательные печи и целые горы готового обожженного угля.

Катав-Ивановский завод находится в трех километрах от железнодорожной станции Запрудовки.

Юрезанский завод расположен на левом берегу реки Юрезани, в 12 километрах от станции Вязовой. Завод вырабатывает гвозди, подковы, рельсы.

Усть-Катавский вагоностроительный завод расположен в узкой живописной долине, при впадении р. Катав в р. Юрезань, отчего и получил свое двойное название. Река Катав запружена и образует пруд, вокруг которого постепенно вырос огромный заводской поселок. В окрестностях завода много красивых мест, гор и скал. Особенно выделяются горы Каменная, Змеиная, Шихан.

Все эти три завода были основаны в 1758—59 г. Сначала они были казенными, но вскоре переданы ловкому купцу Твердышеву, основателю Белорецкого завода.

В 1917 г. перед революцией Юрезанский и Катав-Ивановский заводы принадлежали князю Белозерскому. Завод Усть-Катавский принадлежал бельгийской компании, сильно эксплуатировавшей рабочих. В архивах имеется докладная записка горного инженера к уфимскому губернатору, где он возмущается поведением компании и тяжелыми условиями жизни и труда рабочих.

В 1896—1897 г. произошли крупные забастовки рабочих сначала на Юрезанском, потом на катавских заводах — рабочие были недовольны распоряжениями заводской администрации и требовали улучшения экономических условий.

В 1905 г. в заводах ведется подпольная партийная работа, организуется социал-демократическая группа.

В 1917 г. на этих заводах организуются боевые дружины для борьбы с генералом Дутовым и Каппелем.

В настоящее время все эти три завода являются крупнейшими заводами Южного Урала.

С. Д.

У КОЛЫБЕЛИ ЧЕТЫРЕХ РЕК

Поздно вечером наш отряд подходил к долине реки Урал, на берегу которой назначена была ночевка.

— Еще один небольшой перевал — и перед нами откроется долина реки Урал с озером Ак-куль, — говорит мой спутник Александр Иванович. Ак-куль — значит Белое озеро, на картах оно иногда так и называется.

— Большое это озеро, Ак-куль? — спросил я.

— Я был на этом озере в прошлом году по заданию Магнитогорского комбината. Перед нами был тогда поставлен вопрос

о возможности включения его в систему водоснабжения озер, имеющих в бассейне реки Урал. Вы, конечно, знаете, что Магнитогорску необходимо огромное количество воды. Он уже в этом году расходовал до сорока миллионов ведер в сутки! С развитием комбинат будет расходовать семьдесят—девяносто миллионов ведер в сутки, то-есть в два-три раза больше того, что расходовала Москва в 1932 г.

— Да, это верно. Но ведь Магнитогорская плотина уже создала грандиозное искусственное водохранилище. Насколько я припоминаю, его поверхность равна тринадцати квадратным километрам. Это целое озеро! Как будто два с половиной миллиарда ведер хранит оно! — говорю я.

— И все-таки этим решена только часть проблемы снабжения водой Магнитогорска. Необходимо теперь же построить вторую плотину где-нибудь выше Магнитогорска и создать еще большее водохранилище порядка четырехсот-четырёхсот пятидесяти кубических метров, а существующее водохранилище имеет только тридцать миллионов кубометров воды!

— Вот и надо было, во-первых, найти наиболее удачное и выгодное место для второй плотины и, самое главное, собрать в новое водохранилище это колоссальное количество воды и обеспечить ею и комбинат металлургии и сельскохозяйственную его базу.

— Ну, и как же, удалось вам определить запасы воды в озерах, тяготеющих к реке Уралу и обеспечить водохранилище водой? — спрашиваю я.

— Конечно с этим озером Ак-куль, к которому мы идем, надо заранее распрощаться. Это мелкое, зарастающее озеро и какой-либо поправки в дебете воды не внесет, тем не менее и оно годится. Спустить его в Урал — дело очень простое. Большее значение в этом отношении будут играть Учалы, Калкин, Карабайкуль и другие озера.

Впереди, с гребня увала, открылась широкая панорама долины реки Урал. Вдали чуть-чуть виднелось темнозеленое море лесов, подернутых дымкой низко спустившихся туч. Тучи надвигались на нас с запада. Вправо расстилалось обширное озеро Ак-куль.

Надо было торопиться. С приближением тучи, быстро вечерело. До озера и реки Урал оставалось еще километра два. Поэтому, не задерживаясь, мы стали спускаться к реке. Спуск едва был замечен, настолько он шел полого.

Через полчаса мы были у реки Урал. Она была где-то вот-вот тут, но подойти к ней оказалось делом затруднитель-

ным. Заболоченная пойма, покрытая великолепной травой, с массой самых разнообразных цветов и множеством кустарников преградила нам подступы к реке. К тому же заморосил дождь. Все это заставило нас немедленно же раскинуть палатку. Нарубили веток, разложили на них мешки и, закусив, под дробный шум дождя, стали устраиваться на ночлег.

— Ну вот, мы и выбрались из степи, — говорит дед, наш возница, постоянный спутник отряда со своим Гнедком. — Это вам не степь! Здесь воды сколько хочешь! — добавил он.

Деда нам выделил Фоминский колхоз. Он поехал с нами охотно. — Все какую ни на есть пользу колхозу принесу, — говорил он на колхозном собрании, на котором я рассказывал колхозникам о работах Южноуральской экспедиции Академии наук СССР.

— Нынче у нас совсем плохо, — продолжал он, — лето стоит сухое, и не только что трава — вода даже в речке Камарзе совсем высохла.

Слушая деда, у меня перед глазами встал весь пройденный за день обширный район. Вот село Фоминское. Оно затерялось в безлесной холмистой равнине, окаймленной грядами голых сопков и холмов, понижающихся к востоку и уходящих вдаль беспредельным простором зауральских степей. Гора Игнахина, Пшеничная, Амбарная — названия отдельных холмов этих гряд, между которыми продолжила свое русло играющая весной и пересыхающая летом речка Камарза. Раньше по речке Камарзе и ее ложкам мыли золото, а в привольных поймах заготавливали сено и пасли скот. Теперь пересохла речка, и жители разбрелись в другие места обширного района, а оставшиеся организовали колхоз и упорно его крепят.

— Вы нам найдите золото, его раньше добывали много, говорят старики, по Камарзе, — говорил нам один из колхозников.

— На что золото искать, — смеялся другой. — Вы лучше скажите, где бы нам плотину устроить да воду придержать на лето? Вот бы у нас и было золото! Ране здесь до 6 тысяч гектаров сеяли, а теперь сеем только 500—600 гектаров.

— Резонно, Иван Матвеевич! — подтвердил третий. — Будь у нас вода — все бы прибежали с золота обратно.

И вспомнилась мне статья в газете „Известия“ — „Каждый район Советского союза может иметь свое море“. Вот мы создали море для Магнитогорска. Создадим и другое, большое. Нужно свое море и для Фоминского района, — думал я. — Вот где проблема! Вот где задача! Правы колхозники — им надо иметь свое море! — С этими мыслями я и заснул.

— Итак, сегодня мы двинемся по реке Урал, — сказал Александр Иванович на другой день утром. — Пройдем к его верховьям и попробуем разыскать водораздел Урала, Уя, Белой и Миаса!

— Да, действительно интересный район! — воскликнул я. — Здесь берут свое начало река юга — Урал, запада — река Белая, востока — река Уй, севера — река Миас! Брось, дед, окурок в Уй и он поплывет в Тобол, а там в Иртыш, Обь и... к самому острову Новая Земля. Брось другой в реку Караелга — и она понесет его в Ай, там в Белую, в Каму и Волгу и Каспийское море. Вот, дед, куда мы заехали!

Дед ничего не сказал, дернул лошадь и двинулся в путь. Вправо, за кустами, — Ак-куль, влево — змейкой, спрятавшись в зелени кустов, журчит речка Урал. Впереди показалась деревня Новобарангулова. Она за Уралом-рекой. Здесь река Урал сжимается подступившими с запада и востока горами. Урал упорно не сдается. Он рушит и размывает крутые берега. Несколько выше деревни — снова обширная пойма. Горы отступили в стороны. Перед нами знаменитое Яицкое болото, которое долгое время считалось истоком реки Урал. Яицкое болото было когда-то озером, постепенно заболотившимся. Река Урал берет начало севернее его, и теперь проложила свое русло через заросшее кустарниками дно этого „озера“, затерявшись в его бесконечных кочках.

Нам потребовалось полдня, чтобы обогнуть это болото с севера и вновь выйти на реку Урал.

Солнце уже стояло высоко, когда мы, вывернувшись из-за молодых побегов березняка, неожиданно въехали в журчащую, настоящую горную речку. Эта речка — Урал! Как же она здесь мала! Курица вброд перейдет и хвоста не замочит! И эта речка, речонка, ручей призвана питать социалистический гигант!

Я невольно проникся уважением к этому ручью и осторожно вошел в него, словно стараясь не замутировать хрустально-чистой воды.

Вдоль русла ручья и в нем самом лежали огромные глыбы кварца, принесенные водой откуда-то сверху с гор Урал-Тау. Вот где таится силища реки! Маленький ручей в летнее время — мощная, бурная река весной и в дождливую пору. Это она стащила и продолжает тащить ежегодно огромные эти камни!

С трудом поддерживая с двух сторон телегу, мы перебрались на другой берег реки и сразу же потеряли дорогу в густой траве подошвы Урал-Тау.

— Ого, да здесь, верно, уж давно и не ездят! И дороги даже не видно, — говорит дед.

— Ну, что ж, нам дорога не нужна, оставим лошадь здесь, а сами пойдем одни к истокам четырех рек.

— Так и сделаем, — согласился Александр Иванович. — Мы на Урал-Тау, — крикнул он деду.

Оставив деда с лошадью на берегу реки Урал, вдвоем с Александром Ивановичем предприняли мы поход к его истокам.

Урал-Тау, густо поросший богатым разнотравием, представляет собой холмистую возвышенность, обрамленную с востока, севера и северо-востока мощными горами Ирендык и Нажим-Тау. Нажим-Тау является той водораздельной точкой, где берут свое начало реки Урал, Уй, Миас и Ай.

Пробраться к истокам этих рек оказалось делом затруднительным.

Двигаясь вначале на запад и медленно взбираясь на увал, мы вынуждены были преодолевать буйные заросли и лесную чащобу.

— Вот где таятся богатства! — говорит Александр Иванович. — Какие превосходные леса! Какие превосходные пастбища!

Почерневшие стволы деревьев стыдливо прячут обожженные места в зеленой траве. Здесь когда-то был лесной пожар. И чем дальше вглубь, тем больше и больше обгоревших снизу деревьев.

Вот и вершина Урал-Тау. Во все стороны пологий склон. Здесь лес пострадал от пожаров больше. Поверженные на землю деревья покрылись уже травами и мхом. На них уже давно растет краснеющая в траве брусника и синеющая черника. Устоявшие братья поверженных великанов высохшими мумиями торчат среди молодой поросли.

Выбрав среди сухостоя более крепкий ствол, я взобрался на него.

С вершины дерева перед моими глазами открылась вся панорама замкнутого водораздела: с юго-востока в Урал-Тау врезалось западное ответвление Яицкого болота, далеко за ним — Ирендык; к югу — ярко выраженная пониженная лесистая гряда продолжающегося Урал-Тау; с севера и северо-востока — гроздящиеся вершины Нажим-Тау, Уй-Таш. И всю-

ду леса, леса — море лесов, и среди них то там, то тут высятся оголенные вершины могучих гор. В их долинах прячутся реки. Вот они где начинаются!

— Идем, идем, Александр Иванович! Идем к истокам, к истокам! — говорю я, спустившись с дерева. — Надо разыскать хоть один ключ, родник.

Спустившись по пологому лесистому, с богатейшим разнотравием на небольших прогалинках склону, мы попали в овраг, по тальнику которого пробивался едва заметный ручеек. Исток этого ручейка — небольшая, искусственно углубленная косцами в прежние годы ямка-клубчик, теперь заросший ивняком, смородиной, кустами черемухи. Извиваясь, он постепенно углубляет свое русло, падая сначала на восток, потом на северо-восток, то теряясь в кочках болотца, то совсем скрываясь в почве. Вся его долина — превосходный покос, теперь зарастающий кустарниками и высокой (местами выше роста человека) травой.

Ручеек — водопой диких коз-олений, следы которых в обилии ведут к нему в разных местах. Здесь привольные места для глухаря и вальдшнепа (они вырывались из-под ног).

Ручей, длина которого вряд ли превышает километр, впадает в более крупный, тоже густо заросший ручей, вытекающий из горы Нажим-Тау. Ниже, от слияния первого ручья со вторым, слева проходят еще два ручья от горы Нажим-Тау; и река Урал от слияния всех четырех ручьев складывается в бурную горную речку двух-трех метров ширины с тем, чтобы в трех километрах ниже потеряться в Яицком болоте.

— Вот так глушь! Тут ничего не видно. Сплошные заросли кустарников! — восклицает Александр Иванович, с силой разрывая на своем пути перепутанные ползучим хмелем ветви кустов и с досадой отмахиваясь от комаров.

Комаров, действительно, много. Тут я их только заметил и их укусы почувствовал. А кусали они беспощадно. Увлеченный великолепными зарослями истоков, погруженный почти с головой в траву во время передвижения, я не замечал до сих пор этих кровопийц.

— Чем мы не Ливингстоны и Стенди¹ уральских дебрей! — говорю я, двигаясь за Александром Ивановичем вперед. — Чем не африканские заросли, не африканские тропические леса!

¹ Ливингстон и Стенди — знаменитые исследователи центральной Африки (1841—1873 гг.).

— Согласен. — отвечает мой спутник. — Я всегда думаю, почему наши географы стараются как можно красочнее описывать американские прерии, африканские саванны. Ведь вот не опишут же этих южноуральских дебрей. Нас воспитывали на Африке, хотя Урала мы и не знали.

Мне вспомнились старые учебники географии, по которым когда-то учился и я. И верно, Урала я не знал. Житель Урала — не знал Урала! Вот хотя бы здесь. Кто и когда здесь бывал? Кто описал жизнь, подлинную жизнь козла и козлушки, которые выходят к ручью на водопой?

Порылся в памяти и решил: „Пожалуй, я лучше знаю „лошадь Пржевальского“, носорога или нильского крокодила, австралийского кенгуру, чем уральского козла“.

— Не удивительно, Александр Иванович, ведь и теперь еще наши ребята хорошо знают Йеллустонский парк в Америке с его горячими ключами и сотней гейзеров или Йосемитскую долину в Калифорнии, но ничего не слышали о Янган-Тау (Горящая гора) на Урале и мало, очень мало знают об Ильменском заповеднике.

— Вы правы. Об Ильменском заповеднике действительно ничего нет в наших учебниках, а уж о горе Янган-Тау и подавно. Мне, между прочим, не так давно попался под руку немецкий учебник географии. Представьте, там целая страница „Ильменские горы на Урале.“

* * *

Незаметно за разговорами мы вышли из зарослей кустарника на пригорок.

— Вот вам и водораздел! Здесь-то и начинаются реки! — заговорил мой спутник. — Надо записать кой-какие впечатления.

Мы присели в густой траве и углубились каждый в свои записи.

— Кажется, пора и обратно, — сказал Александр Иванович. — Надо разыскать лошадь и двинуться через этот увал на реку Караелгу — приток реки Ай. Она где-то здесь же, недалеко.

Мы нашли место нашего ночлега и, не отдыхая, двинулись через увал Урал-Тау, к истокам речки Караелги.

Глухая тайга с очень богатым разнотравием покрывает Урал-Тау. Редкие лесные поляны служат пастбищем для диких коз-олений, следы которых то и дело видны в зарослях. Вот и след лося. Он вел в болото.

— Это болотце и есть источник, питающий Урал и Ай,— говорит Александр Иванович, показывая вправо, куда повели следы лося.

Мы находились у истоков рек запада и востока. Вечерело. Подул ветерок с запада. Шум покотился по вершинам высокого леса.

— Надо быть грозе. Остановиться бы где? — затревожился дед, отгоняя веткой комаров с лошади.

Я глянул на небо. Оно действительно покрылось тучами. Я их и не заметил.

— Давайте-ка, в самом деле, сделаем привал,— согласился Александр Иванович.

Едва мы успели раскинуть палатку, выбравшись от болотца на открытую лесную полянку, как мрачные черные тучи зловеще выползли из-за горы Нажим-Тау. В лесу быстро потемнело. Вдали глухо пророкотал гром. Вскоре он раздался ближе и через минуту неожиданно разразился прямо над нашей головой.

Высунув голову из палатки, я с жадностью наблюдал разбушевавшуюся стихию.

Вдруг ночную мглу осветило резким светом, как будто перед глазами зажгли 1000-сильную электрическую лампу, и вслед за этим раздался такой оглушительный удар грома, как будто разом рухнули все окружающие горы.

Я откинулся назад в палатку.

Треск ломающихся деревьев, откалывающихся скал, обрушивающихся камней, ревуших потоков ручья, орудийная стрельба, гул молотов, бьющих по болванке...

— Горим, горим! — в ужасе закричал дед, припавший к земле в палатке.

Словно ужаленный, выскочил я из палатки. Кругом было светло. Гроза ударила в вершину могучей лиственницы, стоявшей в нескольких шагах от палатки, и она, разом вспыхнув, горела, как факел. Сухие ветви, птичьи гнезда, наконец, кора и сера лиственницы — все питало и поддерживало пламя и даже проливной дождь не в силах был погасить его.

— Гнедко, Гнедко! Где мой Гнедко? — стонал дед, вылезая из палатки.

— Сиди, дед, я посмотрю. Дерево горит, нам не опасно.

При свете горящего дерева я легко разыскал Гнедка. Умная лошадь вышла на самую середину полянки и уткнулась мордой в молодую поросль березки. Она словно знала, что физики не рекомендуют искать защиты от грозы под деревьями...

Гроза, однако, шла на убыль.

— Ну, как, дед, жив? — весело спросил я, влезая, весь перемокший, в палатку.

— Здесь гроза завсегда так враз налетит откуда-то из-за гор и уж не отпустит, чтоб не ударить! — ответил он и добавил: — Чайку бы теперь!

— Будешь крепко помнить, дед, место, где начинаются реки. Здесь, брат, котловина. Кругом горы, лес, травы...

— А вот и чайник вскипел. Я его на угли от горящего дерева поставил. Ничего, что дождь! — сказал Александр Иванович. — Кстати и гроза затихает.

В. Старцев.

НА УГАСАЮЩИХ ОЗЕРАХ

Десять дней мы бродили по горам. Пересекли Ирендык, взбирались на Крыкты, бродили в глухих лесах верховьев рек Кизила Большого и Малого. Побывали на озерах Банное, Карабалык, Сабакты и теперь двигались вниз по реке Б. Кизил.

Дремучие леса, непроходимые болота в верховьях Б. Кизила, сжатые горами Яман-Тау, Шар-Шалы и Урал-Тау, — остались далеко позади. Теперь их сменил кустарник — ивняк, черемуха, ольха, которыми заросли берега реки. Могучие лесистые, расщепленные на остроконечные глыбы вершины Крыкты сменились голыми, безлесными увалами.

Лесная прохлада смолистого воздуха в горах сменилась нестерпимым, сухим, жгучим солнцем в степи.

— Ну, вот здесь мы распрощаемся с Кизилом, свернем на восток к озеру Атавды, там ночуем, а утром и в степь, — говорит идущий рядом Александр Иванович, как будто он идет к себе домой.

А далеко Александру Ивановичу до дома! Из Москвы сюда, в горы и равнины Южного Зауралья, забросила его Академия наук: изучи образование поверхности, загляни в недра земли — и ты дашь в руки геолога карту, по которой он разыщет железо, медь, золото, платину, вольфрам, молибден, ванадий, никель...

И мне было не близко. Но как узнал я, что Академия наук организует экспедицию, включился в нее. Вот мы и бродим сейчас по горам и долинам: зарисовываем горы, фотографируем речки, спускаемся в пещеры, подымаемся на горы, собираем разные камни. А я еще и ружьишко прихватил. Кто его знает, волк, медведь, а то и рябчик, глухарь, утка, гусь

попадутся!.. С волками не шути, а рябчика кушай на здоровье!

Август давал себя знать. Жгучее солнце нещадно палило. Пот лил с нас градом. Мы с Александром Ивановичем сбросали рубахи, брюки, сапоги. Шагаем себе в трусиках, босиком. Впереди, медленно переваливаясь, плетется усталая лошадь. Возчик наш — старик-колхозник из села Фоминского — высоко сидит на возу с нашими пожитками и образцами пород. Вот уж свыше двухсот километров прошла лошадь с нашей поклажей.

Идем, идем... Гора. Интересная, огромная гора!

— Ну с, распрягай лошадь, дед, корми ее, разожги костер, чайничек себе вскипяти, а мы на гору! — скажет, бывало, Александр Иванович.

Лезем в гору, а лошадь мирно пасется в долинке. Дед кипит чайник, готовит обед. Два, три часа, а иногда и больше ходим по горам. Туда залезем, здесь посмотрим. Везде надо, всюду интересно.

...Повернули на восток. Степи еще не было видно. Кругом оглаженные, невысокие холмы. Они совсем голые. Ни одного деревца не видно. Да и трава куда-то исчезла. Ковыль один, да и тот какой-то низкорослый.

За первым увалом показалось озеро, не более одного километра в ширину и в длину. С одной стороны от берега камыш. Утки плавают.

„Дай, думаю, к ужину утку застрелю!“

Схватил ружье и двинулся вперед. Не тут-то было! К камышу не подойдешь — топь, да и камыш-то вдвое выше моего роста. Посмотрел на уток — плавают себе спокойно за камышом, крикают, словно над тобой же посмеиваются: „что? — кря, кря! — взял?“

...Пошли дальше. Скоро и озеро Атавды показалось. Обширное, широкое. На одном берегу, на полуострове, березы растут. Кругом степь. Посмотрел я на озеро, глянул за него дальше — равнина-равнина. И увалов не видно, как будто ровная степь до самого горизонта. Все озеро, как на ладони. Вот-вот оно... Полчаса, не больше пройдем.

Уж мы шли, шли, а до березок никак дойти не могли, да к вечеру только, когда солнце уже совсем спряталось за холмами, и пришли.

Славное озеро! Настоящее равнинное, степное озеро! По берегу его бегут песчаные валы. На них-то и растут березки. Кругом, в золотистой ряби озера, то тут, то там чернеют

утки. Камыша совсем не видно. Песчаное дно, чистая, хрустально-прозрачная вода. Хочется броситься в нее, освежиться от дневной жары.

— Мы на полуострове, — говорит Александр Иванович. — Раньше это был остров. Обмелела вода в озере, образовался полуостров. Там вон еще, видите, вал соединяет небольшое повышение. Там тоже остров был, теперь тоже стал полуостровом. Мелеют равнинные озера! — закончил он.

Я, пока-что, ружьишко на плечо и пошел обойти по берегу „остров“, на котором мы решили разбить лагерь. Немного и отошел, смотрю, коса с „острова“ выдалась вперед, в озеро, а там она загибается полукругом. Настоящая бухта, залив.

„Видно, озеро быстро мелеет“, — думаю я. Подхожу ближе, а в заливе-то утки спокойно на вечерней зорьке у самого берега плавают. Кто их там будет тревожить? Жители ближайшей деревни Давлетчиной далеко, к тому же, они сенокосом заняты. Плавают утки, к самому берегу подплыли... Перекувыркнется какая-нибудь головой вниз, достанет травку и „чамкает“ — меня и не видит.

„Ага, думаю, теперь уж скушаем утку!“

Подползаю ближе. Вот они совсем близко. Лепечут что-то по-своему, покрякивают от удовольствия. Смотрю, которая пожирнее, покрупнее и которая поближе...

„Кря, кря, кря!“ — закричала одна утка, как раз та, в которую я хотел стрелять. Поднялась, полетела, а за ней и все остальные. Я вскочил на ноги. Ттрах-бабах!.. Сразу из того и другого ствола выстрелил. Сам смотрю: которая упадет. Выстрел прокатился в горах далеко-далеко. Замер в равнине. Где-то закричали встревоженные дикие гуси. А утки ни одной не упало. Все улетели. — Ну и будьте здоровы, — воскликнул я с досадой и вернулся в лагерь.

Сладко спалось на берегу озера в раскинутой палатке. Проснулся я рано утром. Утренняя прохлада была приятна. На востоке из-за горизонта поднималось солнце, обливая яркими, но еще не греющими лучами степь. Серебоом отливало на зеркальной поверхности озера.

— Какой простор! Какая разительная разница с горами! — громко крикнул я и запел:

Широка ты, степь
Зауральская...

— Вы уже встали? — спросил из палатки разбуженный моими восклицаниями и пением Александр Иванович.

— Обязательно. Разве можно спать? Посмотрите! Солнце, вода, простор какой, воздух! Ну, и вы вставайте, а я пойду купаться,— прибавил я, направившись к воде.

Береговой вал, сложенный намытой галькой и разноцветным песком, метра на три отступил от озерной глади. На валу ни травинки, ни кустика. О, что это за галька! Что за песок! С вечера я не рассмотрел этого разноцветного вала, а утром обнаружилось, что галька и песок—это самая разнообразная яшма! Каких только цветов яшмы здесь не было!

Растянувшись на песке, я с жадностью перегребал цветную гальку, выбирая лучшие по форме и цвету образцы. Красная, зеленая, ленточная, голубая—цвета морской воды, черная, пестрая...

Вот он, Урал! Горы за пятнадцать—двадцать километров отсюда, а образцы его пород здесь! „Вот бы предложить строительству Дворца советов,—думал я,—посыпать этой яшмовой галькой дорожки сквера около Дворца советов в Москве!“

— Что, не купались еще? — спросил подошедший Александр Иванович.

— Нет, посмотрите-ка, какая прелесть! Все яшма и яшма, и каких только цветов ее здесь нет!

Александр Иванович присел.

— Да, это верно. Здесь, ведь, „страна яшмы“. Здесь всюду яшма.

С час мы выбирали образцы яшмовой гальки. Солнце уже было высоко, когда я, наконец, входил в воду чудесного озера. Мелкое, пологое дно, чуть-чуть понижаясь, постепенно уводило меня далеко от берега. Я не мог оторвать глаз от прелестной яшмы. Ею было усеяно дно. В воде, прозрачно-чистой, несколько голубоватой, разноцветная галька яшмы была подобна мозаике. Дно походило на цветущий луг. Без конца я тянулся то за одной, то за другой галькой и не замечал холода воды. Прекрасная вода, без единой капельки мути! Редко в степи встретишь такое озеро.

— Да здесь курорт надо создать! — кричит Александр Иванович, плавая далеко впереди.— Какая прелесть! Великолепный пляж! Удивительно легкая и почти пресная вода! Бр... бррр...

— Километров шесть-семь кругом будет озеро, как вы думаете, Александр Иванович? — спрашиваю я, возвращаясь к палатке.

— Нет, пожалуй даже больше. Неглубокое только, повидимому, озеро. Быстро мелеет.

Часа через два, плотно закусив, мы снова, как вчера, тронулись в путь. Но теперь дорожка была не та. Здесь шла настоящая степная дорожка — ровная, гладкая, поросшая ковылем. Везде, куда ни кинь глаз — море ковыля. Ковыль застилал дорожку. Только и осталось свободными от него где лошадь идет, да колея. По кромкам дороги, по сторонам — везде ковыль, серебристый, играющий на солнце. Подул легкий ветерок. Ковыль заколыхался, склоняясь к земле, словно кланялся нам, говоря: „рад, очень рад видеть вас!“

С озера доносились крики уток. Они провожали нас, изредка поднимаясь в воздух.

Незаметно дорожка пошла под уклон, спокойный ковыльный уклон. Впереди закричала куропатка. С дороги, почти из-под самых копыт лошади, выпорхнула серенькая птичка. Где-то сзади свистнул суслик. И опять тишина, тишина... Слышен только шелест ковыля, да похрапывание нашего Гнедка. Говорить даже не хочется. Боишься нарушить степную тишину. Ветер — хозяин в степи и летом и зимой, и редко, очень редко, здесь бывает тихо. Свистит, поет и плачет во время ветра ковыль, низко стелясь по земле.

— Какой же прекрасный ковыль! — нарушил тишину Александр Иванович. — И когда только наши ученые придумают его использование в хозяйстве?

— Этот ковыль и лошади-то не едят, — вмешался в разговор наш дед. — Позапрошлый год у нас в колхозе солнце всю траву сожгло. Поехали в степь. Накосили ковыля. Не стала есть скотина, непривычная.

— Хорошенькая, нечего сказать, привычка! Вот поешь-ка ковыльца с занозами — он вкусный! Сами-то едите не колосья, а зернышки. Надо было бы сбить с ковыля занозы-то, да силос устроить — посолить, мучкой посыпать, картофельной хоть ботвы добавить, — учит Александр Иванович.

Я не стал в разговор вступать — не знаю, не слышал нигде, как из ковыля силос делать.

...Впереди, в небольшой впадине, среди огромных ковыльных просторов, показалось целое море цветов. Они на солнце отливали всеми цветами радуги.

— Что это? Почему? В степи, голой ковыльной степи и вдруг цветы? Александр Иванович, ведь тут где-то должно быть озеро Лебяжье? Где оно? На карте есть, а на самом деле его нет!

— Так это же и есть озеро Лебяжье. Оно еще называется Травное.

Лесники Ильменского заповедника за ловлей рыбы на оз. Кисегач.

Камыш сохранился, а воды нет. Тут не озеро, а логовище волков, — сообщил я своим спутникам, возвратясь назад.

— Как волков? — удивился Александр Иванович.

— Да так, очень просто. Дно подсохло, покрылось камышом с весны. Камыш тянулся, рос вверх и вырос таким, что трудно себе представить. Я почти заблудился в нем. Небо только видно. В этом камыше, повидимому, логовище волков. Камыш примят. Обгрызки костей валяются. Давайте-ка трогать, пока-что. Воды все равно нет.

Дорожка обходила увал. Я решил забраться на него и пройти по нему, посмотреть далеко ли еще до реки Урал. Река Урал ведь могла нас напоить, и то только в Янгельке.

— Ягод-то сколько! — воскликнул я. — Да какие крупные ягоды!

— Ну и ягоды! Какая прелесть! Зачем нам озеро? Ягоды лучше утоляют жажду, — восхищается Александр Иванович.

Мы не в силах были оторваться от ягод.

— Будет! Дед должно быть уже далеко уехал. Пошли, — говорит Александр Иванович.

— Пойдемте, — говорю я. — Назовем эту горку Ягодным увалом.

— Согласен. Так и запишем: встретили волчье логовище в озере Горьком у Ягодного увала.

— Кто вам поверит, что волки в „озере“ живут?

— Верно. Надо карту исправить и написать: „бывшее озеро Горькое, в восьми километрах от Янгельки“.

— Редакцией надписи мы потом займемся, а теперь — шагаем! — сказал я, легко взбираясь на увал.

С увала открылась чудная панорама. Там степь резко изменилась. Прямо под ногами, от самого Ягодного увала, начинались колхозные поля.

О, вы не знаете, что это за поля! Это океан пшеницы! Золотые россыпи пшеницы — великолепной, чистой, как один колос, пшеницы! Пшеничная степь! Кругом, кругом, — насколько хватит глаз, — пшеничные колхозные поля.

Вот где социалистическое богатство! Ни одной межи, ни чересполосицы — единое безбрежное пшеничное поле!

За первыми полями, вдали, с километр от нас — огонь. Словно пожирающее пламя огня, но дыма нет.

— Это что? Да это подсолнух! А вон за подсолнухом, должно быть, овес, — говорит Александр Иванович. — Серебром отливает на солнце!

— Какие просторы! Золото — пшеницы, серебро — овса,

огонь — подсолнуха, платина — проса, изумруд — ячменя, дымчатый топаз — ржи, сталь — цветущей гречи! — подбирал я сравнения.

— Действительно, вид великолепный! — заметил Александр Иванович. — Впереди беспредельные поля, а позади — ковыльные степи и высохшие озера.

Я невольно повернулся назад. Волнистая ковыльная степь уходила далеко, а на фоне ее, прямо под увалом, расстилалось темнозеленое море камыша высохшего озера Горького. Далее за ним, на северо-запад — слабо виднелось пятно цветов.

Куда же девалась вода? Почему высыхают озера?

Я невольно задумался над этим, остановив свой взор на озере Горьком. „Эх, как хотелось бы видеть здесь воду! И здесь бы зацвела пшеница“, — думал я.

— Вот великолепная задача для исследователя, — как бы отвечая на мои мысли, сказал Александр Иванович. — Высыхающие озера Зауралья!

— А ведь в самом деле, — откликнулся я, — почему бы и в самом деле не докопаться, куда уходит вода? Озеро Горькое не более, как пять-шесть лет назад было с водой, я в этом уверен. А вот теперь нет.

— Вода, возможно, уходит в этом районе в щебенку. Дело в том, что реки и ручьи системы реки Урал, — заговорил Александр Иванович, — вообще сильно мелеют. Вся степь от Верхнеуральска к югу и юго-востоку изрезана многими и многими руслами речек и ручьев. Посмотрите на карту. Все пунктиром обозначенные линии — высохшие ручьи. Они были когда-то с водой. Теперь — разве только весной бежит по ним вода. Река Урал врезывается все глубже и глубже в свое русло. Каспийское море отступает, тоже мелеет. Оно в настоящее время на 26 метров ниже уровня океана. Вот река Урал и уносит в Каспий все воды своего бассейна. Кроме того, воды озер и рек промыли верхний горизонт позднейших осадков бывшего здесь моря, попали в щебнистый горизонт и в нем расползлись. Вода и не держится.

„Озера Лебяжье и Горькое, наверное, оказались в таком же положении. Понизилось в Урал-реке русло, ну они и спустили воду. К этому же надо добавить, что много здесь известняков. Уходит вода и в известняки.“

С грустью я слушал объяснения Александра Ивановича. В голове копошилась назойливая мысль — как задержать воду? Как и что нужно сделать для того, чтобы озера и ручьи не высыхали, не уходили в почву?

Солнце низко спустилось над степью. Александр Иванович давно уже сошел с увала и медленно подвигался среди золота пшеницы. Его загорелое тело сливалось с колосьями. Черная шапка волос на голове торчала, словно воронье гнездо. Мне все еще не хотелось уходить.

„Известняки... Щебенка... Щебенка... Известняки — это враги колхозных полей. Изучить, исследовать, добиться выяснения причин высыхания южноуральских рек и озер... Малые водоемы, их изучение — вот тема грядущих работ в зауральской степи!“ — вертелась вереница мыслей в моей голове.

Боясь, что потеряю Александра Ивановича, я бросился его догонять.

В. Старцев

РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ

ПОДЗЕМНЫЕ РЕКИ И ОЗЕРА УРАЛА

Голубые ленты уральских рек, рождающиеся в горах, стремительно рвутся вниз в своих скалистых берегах и затихают, успокаиваются в травянистых долинах...

Прозрачные, как хрусталь, синие, как драгоценный камень лазурит, неподвижно лежат озера в своих глубоких чашах, окаймленных горами и лесами.

Много еще лесов на Урале, не перевелось еще здесь это „зеленое золото“.

Человек издавна оценил богатства своего родного края, издавна собирал он обильную дань и с лесов, и рек, и озер: охотился за пушным зверем, за дичью, ловил рыбу, рубил лес и по рекам гнал его в безлесные местности.

Но пытливый ум его не удовлетворялся владычеством над поверхностью земли. Подземный мир Урала привлекал к себе внимание человека, казался ему не менее богатым мира наземного.

Еще в древности чудские племена, населявшие тогда Урал, пытались вырвать у него хотя часть его неисчислимых богатств. Многочисленные подземные ходы и древние рудники, уцелевшие до нашего времени, подтверждают свидетельство историка Геродота о существовании чудских копей на Урале.

Природа упорно охраняет свои тайны и скупно отдает свои богатства. Тысячи лет люди копали землю, и только в советскую эпоху, после долгих и упорных исследований и бурений, впервые были найдены на Урале ценные калийные соли и нефтяные богатства.

И все же еще много неразведанных сокровищ и замечательных явлений природы таят в себе недра Урала...

Вот вы на Южном Урале, в долине реки Сим.

Пред вами грандиозный обрыв, живописное, заросшее лесом ущелье. По этому ущелью стремится бурная горная речка Сим. Она быстро несется на вас, бурлит и пенится, словно кипит. Вы невольно отступаете...

Но что же? Река вдруг тут же, на ваших глазах, исчезает. Волны ее кипят между огромными камнями, пенятся, но не двигаются вперед. Пред ними нет каких-либо преград, какая-то неумолимая сила тянет их вниз.

Река на ваших глазах пропадает, проваливается в бездну, сквозь землю...

А спустя пять километров, за горой Эссюмом, Сим шумным многоводным бурливым потоком выливается из-под земли и разливается в полноводную реку. Куда исчезал Сим? Очевидно, под землей, под горой Эссюм, есть огромные пещеры, озера, подземные реки, быть может, там скрываются невиданные человеком красоты, неразгаданные тайны природы...

А вот еще феномен подземного мира Урала.

Вы на Среднем Урале, идете по живописному обрывистому берегу реки Сылвы, любуетесь спокойными водами реки, лениво колышущей на своей поверхности отбившиеся от сплава бревна, смотрите, как по ней медленно передвигается паром, нагруженный шумной и пестрой толпой...

Поднимаетесь на Ледяную гору и встречаете множество воронок, впадин, уже занесенных землею и покрытых густым ковром земляники.

Спускаетесь в темное отверстие пещеры. И там, глубоко внизу, под Ледяной горой, за длинными мрачными лабиринтами коридоров, за чудесными хрустальными ледяными залами лежит, словно во власти вечного сна, вдали от мира живых, безмолвное темное озеро, загадочно светящееся при свете факелов.

Невольно приходит на ум сравнение этих холодных подземных вод озера с искрящимися на солнце струями реки Сылвы, давно известной, давно находящейся на службе у человека.

Но это озеро, темное, таинственное, холодное, кажется заманчивее, прекраснее всех самых прекрасных озер и рек надземного мира.

Человек всегда стремился открыть тайны мира подземного, неведомого, таинственного, а поэтому еще более чудесного и великолепного, чем он, быть может, есть на самом деле. Еще древние греки создали на какой-то реальной основе миф о подземном царстве теней с чудесной рекой Стиксом, через которую слепой (ведь в темноте не надо быть зрячим) старец Харон перевозит души умерших...

И римский поэт Вергилий не раз упоминает о реке в семь рукавов, вытекающей из-под земли.

В народных сказках, начиная с древних арабских сказок и кончая русскими народными сказками, все чудесное совершается под землею.

Герои сказок спускаются каким-либо образом, или проваливаясь сквозь яму, или попадая в колодезь, под землю и там находят новый мир, со своеобразной природой и живыми существами.

И этот подземный мир непременно таит в себе какое-либо сокровище, какого нет в надземном мире: это или волшебный амулет, или золотой слиток, или живая вода, возвращающая умерших людей к жизни.

Как давно уже доказано исследователями народного эпоса, все народные сказки имеют в основе реальные факты, конечно, опозитизированные, приукрашенные, но на то ведь это и сказки, а не были. Обращаясь к фактам, мы видим, что „живая вода“, оживляющая и исцеляющая, существует на самом деле и добывается, действительно, из-под земли. Это ведь не что иное, как минеральные воды целебных источников (например, Нарзана, Боржома, ижевской воды), бьющие из-под земли. Да и простая вода из обыкновенного колодца ведь тоже добывается из-под земли.

Следовательно, рассуждали люди, под землею находятся какие-то запасы воды, которые по временам выводятся или искусственно, руками человека, или самостоятельно в виде выбивающихся из-под земли подземных рек и ручьев.

Так, еще в далекое время сложилось у карпатских славян представление об озерах, как об „очах моря“.

„Очами моря“ и сейчас называются озера в Южной Крайне. Озера, по славянской легенде, не существуют самостоятельно, отдельно одно от другого, а соединяются с морем подземными протоками.

Никто не знает, когда создалась знаменательная поговорка „капля камень точит“, существующая почти у всех народов. Очевидно, еще в далекие времена знали о подземных водах и их удивительной работе.

Особенно это было хорошо известно жителям Далмации, где находится известняковое плоскогорие Карст. Это плоскогорие служит лучшим образцом интереснейших геологических явлений, которые по его имени и получили свое название карстовых явлений.

Поверхность этого плоскогория, как и поверхность всех известняковых плато, почти совершенно обнажена, лишена

растительности, почти вся покрыта круглыми впадинами — карами. На дно их часто наносится почва и появляется растительность. Эти ямы, провалы, воронки и трещины ведут нередко в подземные пустоты или к подземным руслам рек. Реки на карстах текут на поверхности недолго и при первой же трещине уходят в землю.

Все эти провалы и воронки на поверхности возникли благодаря работе подземных вод. Вода пролагает себе путь под землю, растворяет благодаря содержащейся в ней углекислоте известняки и создает подземные ходы и пещеры.

Подземные реки текут под землю, размывая все новые пласты известняка и гипса и, когда попадают на слой, трудно поддающийся размыванию, снова выходят наружу.

Происхождение подземных пещер долго было предметом самых жарких споров среди ученых. Но теперь уже установлено, что пещеры образуются в результате разрушительной, размывающей и растворяющей известняк работы воды.

Процесс этот можно легко проследить каждому интересующемуся. Спуститесь в любой грот любой уральской пещеры, прислушайтесь. Среди абсолютного безмолвия, среди мертвой тишины подземелья слышится отчетливое и методическое „кап-кап, кап-кап“. Это капли глухо падают на камень или в одно из бесчисленных озерков и лужиц на полу пещеры.

Вода, когда-то выпавшая на поверхность земли в виде дождя, медленно, в течение тысячелетий, просачивается через трещины, сквозь толщи известняка, заполняет встречные пустоты и стремится все вниз.

На полу и потолке пещеры висят крупные капли воды. Вода содержит в себе углекислоту, полученную из углекислого газа, находящегося в воздухе. Проходя по породе, вода растворяет известняк.

Капли воды, содержащие углекислую известь, долго висят и, наконец, капают или стекают по стене, а известь остается, кристаллизуется, получают сталактиты, украшающие своды почти всех пещер. Углекислая известь, падающая в каплях воды на пол пещеры, медленно образует здесь сталагмиты.

С течением времени, долгого времени, сталактиты и сталагмиты растут, и через тысячелетия они образуют одно целое — изящные известковые колонны в пещерах.

Скорость нарастания сталактитов и сталагмитов зависит от содержания извести в воде, от перерыва в падении капель, от количества выпавших дождей, от величины трещин и многих других причин.

Известковые капли выполняют все время свою непрерывную кропотливейшую работу, сложившую народную поговорку „капля камень точит“.

Капли собираются по одной в капельные колодцы, добиваются, наконец, до подземных стоков воды, а те когда-нибудь вынесут их на поверхность.

Капли воды, поднявшись от реки в облаке, испарившись, опять дождем упадут на землю, опять пронизут земные толщи, опять насытятся известью, построят, быть может, в той же пещере красивые колонны и арки и опять выйдут на волю.

Так совершается вечный круговорот воды в природе, так проходит разрушающая и размывающая деятельность воды.

В конце XIX века в Северной Италии наблюдалось оригинальное явление.

В северной части Адриатического моря в Венецианском заливе была обнаружена пресная вода. Этим явлением заинтересовались прежде всего моряки и прибрежные жители. Вскоре они заметили, что во время отливов в заливе вдруг появились целые потоки совершенно пресной воды.

Начались исследования, и обнаружилось следующее. В Триестском заливе буквально из-под земли вытекает река Тимаво, она течет всего около двух километров и впадает в море. За несколько десятков километров до реки Тимаво в землю уходит река Рёка. Все говорило за то, что Тимаво это и есть вышедшая из-под земли Рёка.

Но встречалось одно недоразумение: Тимаво выносила из-под земли воды по крайней мере в четыре раза больше, чем уносила в землю Рёка.

Стали исследовать местность между реками и обнаружили целый ряд долин, всегда, даже после дождя, остающихся сухими. Глубоко под ними обнаружили целый ряд переходов и пещер, целую сеть подземных озер и протоков. Делали опыты, окрашивали химическим раствором воды Рёки и находили следы его в водах Тимаво.

Подобное же явление наблюдается и среди некоторых уральских рек. Протекая по одной местности, реки вдруг делаются, неизвестно от каких причин, мелководными, протекая по другой местности, неожиданно получают большие поступления воды. Объяснить их можно только питающими их подземными запасами воды.

Эти явления перемежаемости многоводья с маловодьем наблюдаются, например, в реках Уфе, Исети, Урале, притоке

реки Урала Гумбейке, многоводной в своем верховье и напоминающей скорее лужицу в своем устье.

Из всего этого делается ясным, что в карстовых почвах под землею существует своя сеть подземных озер и рек, влияющих и на реки наземные.

Особенно показательна в этом отношении река Сим, уходящая под скалу Эссюм и появляющаяся через пять километров на поверхности земли уже обогащенной водами полноводной рекой.

На Урале, кроме реки Сим, не мало безвестных, неисследованных еще рек, часть которых проходит на открытой поверхности земли, а часть под землею.

Известна речка Ергалаш, впадающая в реку Ураим, в свою очередь впадающую в реку Уфу. Ергалаш уходит под гору, а потом снова выходит на поверхность.

Такова сплавная речка Маш в Кунгурском районе, такова река Макаровка и другие полуподземные безымянные речушки, впадающие в реку Чусовую, такова маленькая безымянная речка, бурным ручейком выбегающая из-под земли у самого выхода из Каповой пещеры и впадающая в реку Белую.

Урал — древний горный хребет, он разрушается, в нем много известняковых пород и много подземных безвестных и неисследованных речек, которые то появляются наружу, то снова исчезают.

Известен Гремучий ключ, который вырывается из известковых скал на берегу реки Сим и с высоты нескольких метров падает в Сим.

В эту же реку Сим впадает Пропаший Родник, который время от времени иссякает, потом появляется снова.

Реки, скрывшиеся с земной поверхности под землею, текут под землей, размывая рыхлые известняки, образуют причудливые залы, гроты, лабиринты коридоров под землею, а над ними на земной поверхности — впадины и воронки. Вода работает с огромной разрушительной силой, изъедает известняки, как червь изъедает гнилое дерево.

Там, где известняк более рыхл и податлив, вода промывает целые гроты и залы, а где более тверд и крепок — только узкие коридоры, через которые приходится пробираться ползком. Иногда подземные реки промывают подземные котловины, в которых и образуются подземные озера, остающиеся на месте даже тогда, когда подземная река уже изменила свое русло.

На Урале известно много подземных озер.

Возьмем знаменитую Кунгурскую ледяную пещеру. По длинным узким коридорам, по величественным и причудливым гротам, то на четвереньках, то извиваясь змеей, пробираетесь вы по лабиринту Кунгурской пещеры.

Вот вы вступаете в большой грот — Дождевой или Слезыливый. Крупные капли воды быстро-быстро текут по каменным стенам этого грота. И с потолка они капают не медленно, как в других гротах, а часто-часто. И звук падения капель на камень и воду создает впечатление дождя.

Итти по этому гроту очень трудно. Ноги скользят по вечно мокрым огромным округлым каменным глыбам. Легче не итти, а перепрыгивать с камня на камень. Но плохо тому, кто не допрыгнет... Все эти глыбы лежат в воде. Пол этого грота не что иное, как сплошное подземное озеро, заваленное упавшими с потолка огромными камнями. Глубина озера неизвестна, но палка туриста погружается в него целиком.

А вот и предмет мечтаний каждого туриста — последний грот Кунгурской пещеры, в котором находится знаменитое Кунгурское подземное озеро. Здесь обычно раньше и заканчивались экскурсии по Кунгурской пещере.

Но теперь на небольшом плоту, согнувшись, чтобы не удариться головой о низко нависшие над озером своды, можно переправиться на другой берег озера, в так называемую заозерную часть. Почти уже два года, как здесь работает группа геологов, которая открыла еще два больших подземных озера и несколько мелких.

В окрестностях г. Кунгура, кроме Кунгурской, еще много других пещер: Заиренская, или Рыбная, Троицкая, Подкаменная, Каширинская и много других. В них сыро и холодно, под ногами липкая грязь, лужицы. В Рыбной пещере под ногами хлупает вода, когда спускаешься по коридору в нижележащие гроты. Но тут острые глыбы голубовато-белого ангидрида преграждают путь. Ход делается настолько узок, что человек с трудом может пролезть в него. А дальше и совсем хода нет — в пещере был обвал, и огромный камень закрыл ход.

Все эти пещеры не исследованы, мало известны, а если кто и бывает в них, то только в ближних, высоких и доступных гротах.

А судя по грязи, сырости и лужицам, там, в глубине лабиринтов, должны быть и подземные озера.

Районный город Красноуфимск расположен в очень живописной местности, на правом берегу реки Уфы, при впадении

в нее речки Сарги. Берега обеих рек состоят из известняка, имеют много красивых скал и пещер с небольшими озерками.

Не мало пещер с большими или меньшими ручейками и озерками находится по течению рек Северного и Среднего Урала: Каме, Чусовой, Вишере, Унье и др.

Высокий отвесный берег реки Сим состоит из голубоватого известняка. И в нем не мало размытых водою пещер. Самая большая из них — Ближняя пещера со сталактитами и сталагмитами, соединенными кое-где в сплошные изящные колонны. Сколько же лет этой сталактитовой пещере!

В одном углу пещеры, на возвышении, лежит озеро, окруженное вокруг высоким барьером из той же известняковой породы. Это точно искусственный бассейн воды, помещенный в причудливой вазе.

Над озером низко навис свод потолка, и непрестанно слышится вечное „кап-кап“, — и в озеро шлепают и расплываются капли.

Вода в озерке чистая, прозрачная и ясно видно его неглубокое дно. Вода холодная и на вкус едкая, насыщенная известью.

Ближняя пещера находится под высочайшей горой голубого известняка, которая вся прорезана трещинами — через них и просачиваются капли в пещеру.

Предполагают, что и в других пещерах Симы не мало подземных озер. И самое большое — под горой Эссюм, питающее водой подземный Сим.

Возьмем и другие своеобразные, капризные реки Южного Урала: Белую, Инзер, Юрезань, Ай-реку и другие мелкие речки. Они то текут в горах, бегут и пенятся, то медленно и спокойно разливаются в низких берегах. Нагорные берега их состоят из сплошных известняков — белых, серых, голубоватых. И все изобилуют множеством сырых пещер с мокрым, покрытым вязкой хлюпающей грязью полом, с каплями воды на сводах и стенах, с лужицами в небольших впадинах. Но все эти пещеры мало, а то и совсем не исследованы.

Лучше всех их знают только дикие голуби да летучие мыши — их постоянные обитатели.

Люди, если и бывали в этих пещерах, то только в первых гротах, итти дальше мешают темнота, провалы, груды камней, лежащих среди воды, то-есть как раз то, что говорит о присутствии подземных озер и рек.

В известной сталактитовой Каповой пещере на реке Белой в самом конце коридора, почти у самого выхода расположены два чистых прохладных подземных озера.

Исследование подземных озер показало, что температура их почти неизменна — от 0° до 4° выше нуля. Даже в жаркое лето вода в них холодна, а зимою почти ни одно из них не замерзает.

Интересно, кто населяет подземные реки и озера.

Реки, текущие сначала на поверхности земли, уходя под землю, заносят туда рыб, раков, водяных паутов, водяных блох и прочих водных обитателей.

Иногда все они бывают только временными жильцами подземной реки и с нею же вместе выходят наружу.

Иногда они не выносят новых условий жизни и погибают.

Но бывает и так, что животные, попав в подземное озеро, остаются в нем, приспособляются к жизни в новой среде и делаютя подземными жителями, даже размножаясь в этих новых условиях.

Флора и фауна многих пещер уже детально изучена, и выяснено, что все постоянные обитатели пещер совершенно лишены органов зрения.

Особенно жуткое впечатление производят крысы: у них черные глаза, но без радужной оболочки.

В близком соприкосновении с подземными водами живут подземные пауты, тысячножки, рачки — с прозрачными телами, совершенно без глаз. Рыбы подземных озер также слепы.

Уральские пещеры мало исследованы, а их слепое население и совсем не изучено.

Геологи, работавшие в Кунгурской пещере, сообщают, что в озерах ее водится особый вид ракообразных, напоминающих по виду мокриц и тех водяных блох, которых так много водится в каждой стоячей лужице и которых так охотно, очищая от щитков, пожирают вороны.

Тело водяных блох разделяется на сегменты, кровь бесцветна, дыхание совершается посредством листовидных придатков плавательных ног. Ножки от трех до шести пар расщеплены, как у ракообразных. Характерной особенностью их являются передние и задние усики, служащие органом осязания. Глаза прикрыты складкой кожи.

Существование подземных озер играет большую роль в деле заселения тех или иных местностей человеком.

В начале XX века в безводных, со скудной растительностью, местностях Австралии были обнаружены глубоко под землей огромные озера, соединенные подземными протоками.

Были выкопаны глубокие колодцы, и местность, ни к чему непригодная, была вызвана к жизни, стала быстро заселяться, стала пригодной для земледелия и скотоводства.

Существует наука, изучающая всевозможного рода впадины земной поверхности, будь то подземные котловины, заполненные озерами, гроты, пещеры, образовавшиеся в результате размывания пород подпочвенными водами.

Наука эта называется спелеологией. В связи с этой наукой за границей существует особый вид туризма — подземный туризм. Представители этого вида туризма после предварительной подготовки отправляются в подземные путешествия и производят ряд наблюдений.

Исследование подземных рек и озер имеет огромное научное и народнохозяйственное значение.

После исследования целых систем подземных озер и рек выяснилось, что часто причиной оседания почвы, обвалов являются не вулканические силы, а разрушительная работа подземных вод.

Подземный туризм имеет чисто практическое значение: он способствует изучению режима подпочвенных вод, условий устранения обвалов, затопления тоннелей, помогает правильно размещать места свалок хозяйственных отходов.

Подземный туризм дает прекрасную тренировку в особенности молодежи, работающей при прокладке тоннелей, сооружении мостов, плотин, водопроводов.

Подпочвенные воды Урала, его подземные реки и озера нуждаются в тщательном исследовании и изучении. Это необходимо и для растущей на Урале тяжелой промышленности.

С этой же целью снаряжаются экспедиции, особенно за последнее время в связи со все возрастающим интересом к Уралу.

Уральские пещеры и их подземные реки и озера ждут своих исследователей. В ближайшем будущем намечено электрифицирование Кунгурской ледяной пещеры. За ним, несомненно, последует установка телефона, устройство мостков через пропасти и лестниц по крутым склонам, приобретение каучуковых лодок, которыми давно уже пользуются при передвижении по подземным рекам и озерам за-границей. И, быть может, недалеко то время, когда будут окончательно разгаданы и освещены наукой все загадки, вся картина подземных рек и озер Урала.

С. Ляликина.

БЛУЖДЕНИЯ УРАЛЬСКИХ РЕК

История уральских рек мало изучена. До сего времени ей недостаточно уделяли внимания. Между тем, каждая река таит любопытнейшие страницы не только своего прошлого, но и всего своего бассейна.

Так как на развитие и изменение речной системы влияют, кроме метеорологических явлений, еще и геологические, то в истории реки мы можем прочесть и геологическое прошлое края.

Вы видите, например, перед собой широкую долину, в которой тихо журчит маленькая речка. Даже в половодье она не разливается, не затопляет всю долину. Знайте, что эта речка пережила здесь не только свою молодость, но и зрелость; она уже теперь дряхлая старушка и ковыляет сейчас по долине, которую в былую молодость, когда была многоводной шумной рекой, сама смыла в такой степени.

Но можно предположить и другую картину. Эта речка течет в чужой долине, не она ее создала, река же, размывшая так эту долину, впоследствии нашла себе другую дорогу и ушла из нее, унося с собой то благотворное влияние на живую природу, которое оказывает вообще многоводная река.

Наблюдается и такое явление: широкая долина, но сухая; курице напиться, как говорится, негде. Что это? Степью нельзя назвать, потому что видны как бы берега, окаймляющие эту долину. Если вы спускаетесь в такую долину, то ждете встретить реку. Напрасная надежда! Ее нет. Вместо текущей воды — роскошная трава, благоухающие цветы; даже деревьями бывшее русло не успело еще зарости. Погрустите, подивитесь, что не нашли воды, у которой могли бы отдохнуть, не подозревая, что перед вами интереснейшая картина геологического прошлого реки.

По этой долине когда-то несла свои воды огромная река, полная жизни, присущей всякой текущей воде. Может быть, тысячу, две, три лет тому назад наши предки путешествовали по ней на своих плотах или долбенках, ловили рыбу, стреляли птицу костяными стрелами. Одно племя воевало с другим за обладание этой рекой. В жаркий полдень приходили сюда утолить жажду вымершие ныне животные, которых уже нельзя встретить на земле.

А какие роскошные леса окаймляли ее берега! Казалось, никто и ничто не может нарушить ее величественного течения и очертаний ее берегов. Но успокоившаяся земная кора вновь

поколебалась, этот участок оказался поднятым на десятки метров, и вода реки сбегала в низкое место, промыла новое русло, продолжая течь, быть может, в совершенно другом направлении.

В одной русской старинной песне, как о несбыточной мечте, поется: „не течет река обратно“. Оказывается, некоторые реки текут именно обратно, текут как раз в той же долине, в которой они когда-то протекали.

В „Записках Уральского общества любителей естествознания“ за 1926 г., т. XII, в первой статье „Древние речные долины в Красноуфимско-Кунгурском крае“ Г. Фредерикс пишет:

„Одно я считаю более или менее твердо установленным: в начале современной послеледниковой эпохи общий скат уральских рек был обращен к северу, и речные системы несли воды в Ледовитый океан, потом произошло поднятие севера, и значительная часть рек повернула к югу и понесла воды в Каспий“.

В примечании к этому он говорит:

„Река Кама до устья Чусовой, повидимому, течет в той же древней долине, только в обратном направлении“. То-есть Кама сейчас бежит на юг, впадает в Волгу и по ней камская вода уносится в Каспийское море, а прежде Кама впадала в Ледовитый океан!“

Кстати еще несколько слов о Каме.

И. В. Мушкетов, в своей „Физической геологии“ (т. IX, 1926 г., стр. 372), на основании замечательных геологических схем А. П. Карпинского, указывает, что бассейн Камы и Белой значительно древнее, чем бассейн верхней Волги, ибо Кама уже существовала, а край, где Волга берет начало, был покрыт льдом. Гидрогеологические исследования Академии наук, исполненные в 1935 г., приводят к заключению, что Волгу следует, пожалуй, считать притоком Камы.

Географ, который первый ввел в науку понятие о Волге, как о самостоятельной величественной реке, основал его не на строго геологических фактах, а на исторических взглядах поколений, населявших Московское государство, гордившихся своей Волгой и не знавших еще действительно великой реки Камы, а тем более далекого ее прошлого, когда из нынешней Перми по Каме возможно было проплыть в Ледовитый океан.

Вот другая географическая неточность с точки зрения геологического прошлого.

Считается, что географическая граница Европы и Азии на

широте Свердловска проходит по водоразделу между притоками Чусовой, с одной стороны, и Сысерти, Исети и Тагила, с другой. Река Чусовая по такому разделению относится к европейским рекам, а Сысерть, Исеть и Тагил — к азиатским, как несущим свои воды по Тоболу в Иртыш и Обь — рекам Сибири.

Между тем, по геологическому признаку, граница восточного (Азиатского) и западного склона Урала (европейского, в действительности) проходит по широте Свердловска далеко западнее Чусовой, т. е. геологическая граница Европы и Азии не совпадает с географической. Вследствие этого гора Азов и ряд соседних гор, принадлежащих к восточному склону Урала, оказались в Европе, а не в Азии, как бы следовало быть.

Получается довольно курьезная картина: если ехать из Свердловска по так называемому „Московскому тракту“, то граница Европы и Азии подходит совершенно незаметно, и путешественник удивляется, что перевалил Урал, а впереди находятся еще горы, еще Урал.

В Сысертской даче, если мы пройдем по левому рукаву Гремихинского болота два километра от истока реки Гремихи, притоку реки Северной Сысерти, а затем суходолом 600—700 метров, то встретим болотинку, из которой истекает река Каменка, впадающая в Чусовую. Следовательно, здесь, по такому низкому месту, проходит водораздел — граница Европы и Азии.

Как-то не вяжется эта картина с обычным представлением высокого водораздела.

Что такое? В чем дело?

Геологически объясняя, мы должны сказать, что Чусовая когда-то несла свои воды в Азию, а затем прорвала Урал, чему, очевидно, способствовали геологические условия, и оказалась, таким образом, в Европе.

Где же она текла ранее?

Прямого ответа, за неимением соответствующего материала, дать пока нельзя. Но можно привести следующие соображения.

Естественно, что Чусовая не сразу добралась до Камы: ей пришлось употребить очень много труда и времени, чтобы проложить современное русло через Урал. Может быть, она имела не одно направление, прежде чем окончательно пробила хребет, особенно до впадения в нее более или менее значительных рек, которые, по существу, и наполняют ее, так как даже в Косом Броду она совершенно (исключая половодья) не характеризует ту „Чусовую“, которая описана Маминым-Сибиряком у знаменитых „Бойцов“, не говоря уже про устье ее.

Я помню рассказ О. Е. Клера, сопровождавшего в 1895 г. французского археолога де-Бай по Сысертскому округу.

Когда они ехали из Сысертского завода в Полевской, то де-Бай дорогой записал в своей памятной книжке название дер. „Косой Брод“. Интересуясь происхождением названий селений и урочищ, де-Бай вечером в Полевском спросил Клера, что значит „Косой Брод“. Услышав, что эта деревня лежит на Чусовой, он был изумлен — как это он не заметил такую знаменитую реку, которая является историческим путем передвижения людей бронзового века из Камы на Гумешки (де-Бай приезжал на Урал специально для изучения стоянок бронзового века).

Действительно, ни в Косом Броду, ни выше река не представляет собой „знаменитой Чусовой“. Подъезжая от Полдней к разъезду Сысерть, вы из окна вагона видите какую-то речушку, которая, действительно, ковыляет между береговым ивняком. Здесь и долина современного русла ее весьма незначительна, но если допустить, что железнодорожный путь проложен по речной террасе, то впечатление получается уже другое — чувствуется сразу грандиозность размыва и что вся эта степь от Полдней до разъезда, шириною не в один километр, есть не что иное, как русло когда-то многоводной Чусовой или другой реки, которая исчезла, а Чусовая потом заняла ее место.

Затем поезд незаметно переезжает по небольшому мостику Чусовую и вступает у Сысертского тракта и ст. Мраморской также в равнину, как бы продолжение Полдней. За Мраморской равнина продолжается до ст. Уктус. С восточной стороны круто поднимается небольшая гряда, у подножия которой течет миниатюрная речка Арамилка, уходящая вскоре на восток.

Дальше идут высокие Елизаветинские горы, Уктусские, где также у маленькой речки Патрушихи справа высятся почти отвесно скалы твердого габбро, прорезать которые эта речка, конечно, не была в состоянии.

С западной стороны возвышенности близко не подходят к железной дороге — они ближе к современной Чусовой, которая проходит от железной дороги в нескольких километрах.

Для объяснения существования этих равнин нет сейчас точных данных, но невольно напрашивается вопрос — не протекала ли здесь Чусовая или другая какая река до того момента, когда они пробили за Косым Бродом другое русло.

От Чусовой перенесемся к реке Тагилу.

Тагил начинается на высокой сравнительно горе быстрым

ручейком в полметра шириной. Следуя за этим ручьем, при спуске с горы, вы неожиданно встречаете русло уже настоящей полноводной реки.

Трудно поверить, чтобы так быстро этот ручей мог превратиться в настоящую реку. Наоборот, как будто бы он попал в чужое русло и не по праву принял титул „многоводного Тагила“. Сомнение вызывает и долина, с восточной стороны которой течет Тагил. Вас поражает масштаб размыва, при чем эта долина идет и дальше на юг, как бы не обращая внимания, что Тагил только что спустился с горы, то-есть где бы должно быть начало ее, и отправился на север.

Видя такую поразительную картину, у вас невольно возникает мысль: Тагил ли дал такую широкую, глубокую долину и почему последняя не совпадает с современным течением реки? Куда девалась вся та громада воды, которая должна заполнить ее? А воды действительно должно быть очень и очень много, так как разведка на золото по Тагилу около Прянишниковой открыла отложения его на 50 метров выше современного уровня реки и в расстоянии свыше трех километров от нее.

Интересную картину дает река Нейва.

В верховьях она не представляет большого интереса: берет начало из болота и лезиво течет к Верхнейвинску. Судя по нынешнему ее течению, она совершенно не способна к какому-либо размыву. Между тем, в Рудянке констатировано проф. Никитиным три ее русла — два древних и одно современное. Заполнив одно золотоносными отложениями, Нейва промыла новое русло, которое также замыла глиной и песками, тем лишив себя хода. Все эти изменения, очевидно, сопровождались запрудами на месте нынешних торфяников — Алексеевского, Светлого и др., так как иначе нельзя объяснить образования заросших болот. Затем она пробилла нынешнее русло.

Если судить по количеству воды в современной Нейве, ее тихому течению, то возникает сомнение — нынешняя ли Нейва дала все эти размывы, не было ли здесь другой, более мощной реки, протекавшей например через Таватуйское озеро, которое и сейчас сообщается с Верхнейвинским прудом, и которое, повидимому, образовалось недавно благодаря запруде той же реки (на западной стороне озера на дне еще сохранились пни и стволы затопленных деревьев).

Поразительные изменения течения реки обнаружил геолог Фредерикс в Красноуфимско-Кунгурском районе.

Около Красноуфимска река Уфа, имеющая широкую долину направлением на Кунгур и доходящая почти до станции, вдруг поворачивает на юг, оставляя на север после себя сухую долину, в которой у Тисовского завода впадает Сылва.

Изменение направления Уфы вызвано поднятием всей северной части ее долины от Красноуфимска на несколько метров.

Такое же изменение претерпела и другая река того же района — Ай, которая у деревни Абдулиной, так же, как и Уфа, неожиданно поворачивает на запад, оставив после себя тоже „сухую долину“.

Вот несколько явлений из жизни уральских рек, которые вызывают ряд любопытных вопросов об их прошлом. Если допустить, что наши предположения правильны, то какие же глубокие геологические изменения совершились в природе Урала! Несомненно, и остальные уральские реки и речки также испытали целый ряд изменений: менялись направления течений, колебался баланс воды. Многие реки, несомненно, совершенно исчезли, оставив после себя лишь сухие долины или уступив свое русло другим рекам.

Одновременно с изменением речной системы нарушался и установившийся климат. И какой климат, как не похожий на нынешний!

Среди растительных отпечатков листы на Урале найдены листья магнолий, фикусов, шишки секвойи — гигантской сосны, которая теперь, как редкость, сохранилась лишь в горах Сиера-Невада в Северной Америке.

Снова меняется климат и снова возникают в пытлимом воображении новые картины жизни Урала: в дубовых рощах межледниковой эпохи бродили тигры, широколобые, длиннорогие первобытные быки и олени. В травянистых степях паслись антилопы и дикие кони (Варсонофьева „Происхождение Урала“).

Вот над какими интересными геологическими загадками из жизни уральских рек может поломать себе голову сегодня любознательный речной турист. Мы здесь лишь слегка затрагиваем эту тему. Ставим лишь ряд вопросов, опираясь на некоторые геологические данные для того, чтобы расширить поле зрения молодых исследователей, в особенности имеющих некоторую геологическую подготовку, чтобы дать им тему для интересных и содержательных наблюдений над жизнью голубых артерий Урала.

Вяч. Ярков.

НА ВЕСЛАХ И ПОД ПАРУСОМ¹

Человек осваивал земной шар главным образом посредством рек — этих голубых артерий земли. Это они позволяли ему, пользуясь плывущим стволом дерева, примитивным плотом, лодкой-долбленкой, передвигаться, открывать и заселять новые области, новые незаселенные пространства. Это они — голубые движущиеся дороги и дорожки, никем не построенные и никем не проложенные, облегчали человеку передвижение по лицу земли и давали ему возможность расширять его представления о земле. Гораздо позже, с овладением первичной техникой судостроения, такую же и даже большую роль в расширении его знаний в области землеведения сыграли для человека моря и океаны.

Независимо от своих книжных знаний о мире, каждый человек стремится непосредственным опытом расширить свои представления о земном шаре, как бы заново совершить те географические открытия, о которых он читал или слышал. Вот почему в каждом из нас живет неугасимая потребность к путешествиям. Мы вечно жаждем своими глазами увидеть мир, своими ногами измерять его пространства, своими легкими подышать новым воздухом, своими руками ощупать невиданные и неведомые вещи и убедиться в реальности слышанного и читанного. В каждом из нас таится частица Колумба, Магеллана, Амундсена и других путешественников, обогативших познаниями человечество в сфере землеведения.

Особенно пленительными являются для нас путешествия по рекам, озерам и морям. Оно и понятно — пешком далеко не уйдешь, да и времени на это много надо.

То ли дело лодка! То ли дело плавание по голубым дорожкам и тропам! Тут и нескончаемая смена впечатлений, тут и здоровый вид спорта — гребля, тут и облегченное передвижение за собою необходимого багажа, тут и ночевки под открытым небом в палатке, у костра. И, кроме того, это не поезд железной дороги, где мы пассивно глядим в окно, мимо которого мелькают, как на экране кино, картины, на которых мы едва успеваем остановить свой взгляд. Это не пароход, который совершает свой рейс по расписанию и раз навсегда определенному маршруту, хотя нельзя отрицать привлекательности и речного путешествия на пароходе, если маршрут его для нас нов.

Речной туризм — это наиболее привлекательное самодея-

¹ Очерк Вл. Штарк и С. Сергель

тельное путешествие, которое дает нам самое большое количество прекрасных впечатлений именно благодаря тому, что мы можем ускорить, замедлить наше путешествие, прервать его в тех местах, которые нам хочется осмотреть более тщательно, которые чем-нибудь замечательны.

Наконец, речные путешествия создают возможность для охоты, для геологических исследований, для изучения, наблюдения и собирания сведений краеведческого порядка, быта людей, живущих по берегам реки, и их труда, жизни леса, его фауны и флоры. Преодоление же препятствий, встречающихся иногда на пути течения той или иной голубой артерии края, как, например, пороги, речные заторы, мели или хозяйственные сооружения человека на реке — лесные дворы, рыболовные запоры — дают речному туристу немало случаев для тренировки своей находчивости, упорства в преодолении трудностей, а иногда и мужества. Постоянная же близость воды делает такие путешествия наиболее гигиеническими, так как представляет возможность ежедневного купания.

Если речные путешествия могут быть интересными и содержательными везде, то особый интерес и особую содержательность представляют они на Урале. Ведь Уральский горный хребет представляет собою замечательное явление в жизни рек.

Это один из величайших водоразделов мира. Это родина множества рек, зарождающихся здесь или из подземных горных ключей или в обширных горных болотах. Поэтому именно на Урале имеется особенно много возможностей совершать речное путешествие от истоков реки и до впадения ее в более крупную речную артерию и наблюдать, как рождаются реки и как постепенно они проходят все фазы своего образования.

Нам задали однажды вопрос: а сколько рек на Урале? Вопрос этот невольно рождается, когда взглянешь на карту Урала, которая покрыта густой сетью голубых жилок. Но ответить на этот вопрос едва ли кто-либо в состоянии, ибо все же Урал не исследован до сих пор с достаточной точностью, и даже на самую подробную его карту не нанесены все речки и реки края. На этот вопрос было бы так же невозможно ответить, как на вопрос: сколько звезд на данном участке неба? И речные туристы, совершая свои путешествия по малоисследованным рекам Урала, несомненно, могли бы на самом деле в иных случаях оказаться переоткрывателями новых речек, не нанесенных на карту.

Относительно количества рек и озер на Урале имеются сведения лишь по Башреспублике, где насчитывается 156 рек, имею-

ших то или иное хозяйственное значение. Белая — самая длинная, широкая и глубокая водная артерия — начинается в 10 километрах от небольшой деревни Байсакалово, из болота у подножья горы Иремель. От истока до впадения реки в Каму по прямой линии не больше 400 километров. Однако Белая столь извилиста, делает на своем пути такое множество зигзагов и петель, что ее длина достигает 1373 километров.

В начале мелкая горная речушка, Белая потом, попав в равнины, приняв в себя воды многочисленных притоков, превращается в судоходную реку. Около Бирска ее ширина достигает 550 метров, а глубина 7 метров.

Много в Башкирии и озер долинных, питающихся речной водой, степных и горных. Их в Башкирии насчитывается около 900. Особенно их много по поймам рек. Крупнейшим из долинных озер является Ак-куль. Оно занимает громадную площадь — 1500 гектаров, хотя и не отличается глубиной.

Из степных озер самое большое Аслыкуль, не далеко от Давлеканово. О нем жителями окрестных деревень сложено много легенд. Это озеро занимает территорию чуть ли не целого сельсовета — 2250 гектаров, при средней глубине в 3,3 метра. Озеро Кандрыкуль, что севернее Белебея, занимает площадь в 1520 гектаров. Из горных озер наибольшей глубиной обладают озера Маузды и Абзелилово — до 25 метров. Они расположены в очень живописной гористой местности. Здесь строятся дома отдыха.

К сожалению, большинство речных туристов стремится идти по проторенным голубым дорожкам края, и лишь очень немногие совершают плавания по малоисследованным рекам Урала. А еще больше жаль того, что речные следопыты Урала не запечатлевают свои путешествия на бумаге — не ведут путевых дневников, не пишут о своих впечатлениях, наблюдениях, поэтому многое, виденное ими, остается при них и не поступает в общую копилку сведений об Урале. Вот почему литература о реках Урала так бедна, и большинство рек остается еще не пройденными и не обследованными.

Если бы нас спросили, какие же именно реки Урала следовало бы выбрать объектом туризма, то вопрос естественно распался бы на две половины, соответствующие двум категориям туристов. Туристы, ищущие только отдыха и „красот природы“, несомненно, предпочли бы проторенные голубые артерии, турист же, в котором преобладает исследовательский дух, предпочтет такие реки, на берегах которых он не встретит ни засаленных бумажек, ни пустых консервных банок, ни

вырезанных на дереве или намалеванных на камне имен или инициалов, ни прочих следов пребывания здесь своих многочисленных предшественников, а легко найдет себе речной маршрут по менее посещаемой реке.

Но, по правде говоря, путешествия по глухим таежным рекам Северного Урала требуют условий скорее экспедиционного, чем туристического порядка, а, следовательно, и специального снаряжения и снабжения, а экспедиции доступны у нас лишь научным учреждениям, и состав экспедиции должен состоять из людей той или иной научной квалификации, в зависимости от целей, которые ставит себе экспедиция. Туристу, хотя бы и второго типа, естественно, необходимо наличие известных обжитых населенных пунктов по берегам реки, где бы он мог найти такие необходимые продукты, как молоко, яйца, хлеб, ибо он не в состоянии везти с собой больших запасов продовольствия, какие берут с собой научные экспедиции.

Но все же можно сказать, что наименее населенными и менее исследованными реками Урала являются реки Южного Урала и Северного Урала, а наиболее исследованными и обжитыми — реки Среднего Урала, поэтому и более доступными для речного туризма. Тем не менее, и среди рек Среднего Урала не мало еще таких, которые ждут своих исследователей.

Разве не интересно исследовать, например, работы Чусов-строя по строительству канала Чусовая — система Верхисетских прудов? Разве не даст много знаний обследование работ по сооружению великой плотины Камгрэса? Разве работы по лесосплаву представляют мало поучительного для экономики нашего края? Да на каждом шагу уральские реки дают нам материал для наблюдений!

Вот, например, какое сообщение шлет в редакцию „Уральского рабочего“ колхозник Чердынского района Вильгорского сельсовета т. Кузьмин:

„В районе Чердыни, вверх по течению реки Колвы, находятся два неисследованных городища — одно в двух километрах, другое в пяти километрах от села Бигач. Первое имеет остатки кирпичной стены и расположено на высоком обрывистом берегу. Один конец его примыкает к реке, а другой упирается в крутой овраг. Другое городище имеет земляной вал, который расположен приблизительно так же, как и первый. Надо полагать, что эти городища принадлежат затерянным городам Анфаловска и Уросу. Известно, что в 1472 г. московские войска под начальством князя Федора Пестрого, проникнув сюда через Вычегду, Бухонин волок, озеро Чусовое и Ви-

шерову, высадились с плотов вблизи города Анфаловска. Главные силы Пестрого двинулись на город Искор, как на главный стратегический пункт, а остальная часть под начальством Гаврилы Нелидова пошла вниз по течению реки Колвы. Летопись говорит, что ими было взято несколько городов, в том числе и город Урос, жители которого сильно сопротивлялись. После его взятия он был сожжен. Поэтому можно полагать, что верхнее городище — остатки города Анфаловска, нижнее — Уроса. Город же Искор находился километрах в 10—12 от Анфаловска“.

Эти сведения, конечно, требуют проверки историков, но лишний раз напоминают о том, сколько интересных объектов может дать нам речной туризм.

Реки — это живое движение истории колонизации края. Немалую роль играли они и в истории гражданской войны на Урале. Стоит лишь вспомнить героическую борьбу волжской речной военной флотилии на Каме в 1918 г. в районе Соколиных гор против военных судов белогвардейцев под командой адмирала Старка.

Изучайте же реки родного края, товарищи туристы-краеведы! Обогащайте себя знаниями и сведениями о его прошлом, радостном настоящем для созидания еще более светлого будущего. Мы должны знать историю своего края, его положение в экономике нашей великой родины и, глядя с уверенностью вперед, видеть пути его развития и дальнейшего бурного расцвета.

Весла в руки — и вперед, по голубым артериям Урала!

* * *

Кто стоит в лодке так же уверенно, как на твердой земле, у кого весло в руках работает четко и без перебоев, тому широко открыты все голубые дороги и дорожки и озера Урала. Тем же, кто с лодкой не знаком, или знаком мало, следует начать с плаваний недалеко от места жительства, выбирая спокойные участки реки. Когда после настойчивых упражнений установится прочная и верная дружба с лодкой, можно развернуть карту Урала и остановить глаза на том месте карты, которое почему-либо особенно влечет речного туриста.

Большинство рек Урала зарождается в горах или на возвышенностях. Поэтому верхние участки рек отличаются быстрым, иногда бешеным течением.

Реки, стекающие с возвышенностей, бурлят и клокочут среди

каменной порогов. Стремительно несущаяся вода, развивая здесь большую силу, выхватывает со дна и несет с собой тучи ила и песка и с глухим грохотом тащит и катит по дну камни. Поэтому верховья рек обильны камнем, устилающим дно и берега.

Вырвавшись из горных ущелий, сбегав с холмов и возвышенностей в широкие долины, реки замедляют течение, успокаиваются и позволяют осесть на дно хорошо промытым песчинкам, неся дальше мелкий ил. Пески тихо движутся по дну вслед за течением, постепенно нарастают, образуя косы и острова, разрезающие зеркало рек. Чем дальше уходят реки от своих истоков, тем шире и привольнее становятся их долины, и сами реки распрямляются и уходят вдаль широкими плесами.

Таков характер среднего течения, являющегося обыкновенно наибольшим по длине участком реки.

По мере приближения к морю усиливается задерживающее влияние его. Реки как бы упираются в море, разливаются вширь, текут едва заметно, и ил спокойно откладывается на дне. Из отложений вырастают иногда низменные и болотистые острова, поросшие камышами.

Вид речных берегов зависит от характера растительности. У степных рек лишь кое-где по влажным поймам зеленеют негустые рожицы и заросли ивняка, тогда как на севере реки текут среди лесной стихии.

Наконец, берега одних рек населены, на них встречаются города и дымят заводские и фабричные трубы, другие ждут еще людей. На протяжении десятков и сотен километров здесь иногда не попадается ни одного человека. Таковы многие реки Северного Урала. В своих верховьях эти реки поражают путешественника суровой и дикой красотой лесистых утесов и пенящихся порогов.

Сопоставив средства, время, интерес и другие данные о характере рек, не трудно составить по карте маршрут путешествия. Остановившись на какой-либо местности и выбрав реку, находят на ней отправной пункт — поселение, в которое удобно добраться и в котором можно приобрести лодку. Затем, принимая во внимание время, скорость движения и обратный путь, устанавливается конечный пункт. Наконец, остается заняться снаряжением.

Движение по реке возможно в двух направлениях — по течению и против течения. По течению лодка гонится легко, проходится без спешки за день в среднем 30—40 километров. Против течения подниматься трудно, движение совершается

Уральское горное озеро.

днища, по которой лодки можно разбить на три основных типа. Между этими типами существует ряд переходных форм.

Наиболее обыкновенны лодки с округлым дном. Их поперечный разрез имеет форму, приближающуюся к полукругу. Наши воды богаты круглдонными лодками, в общем очень удобными для целей туризма. Они легки на ходу, подвижны и хорошо проводятся через мелкие места.

Ко второму типу можно отнести лодки плоскодонные. Поперечный разрез их днища имеет форму плоскости. Лодки этой конструкции бывают двух родов. У одних днище на всем протяжении, от кормы до носа, совершенно плоско. Такие плоскодонки тяжелы на ходу, неуклюжи, и в большую волну их заливает водой. Другие плоскодонки имеют днище, к носу и корме поднимающееся вверх. Эти плоскодонки часто являются отличными ходоками, устойчивы и недурно держатся на волне.

Третий тип — лодки килевые. Их разрез имеет форму, напоминающую ухват. В такой лодке от днища книзу выступает ребро, тянущееся от ахтерштевня в корме до форштевня в носу и называемое килем. Киль сообщает лодке большую устойчивость, делает повороты более плавными и уменьшает дрейф лодки, то-есть скольжение ее вбок, в сторону от взятого направления. Это свойство киля особенно ценно в плавании под парусом при боковом ветре, когда бескилевые лодки вынуждены бывают убирать свои паруса и переходить к ходу на веслах. Килевые лодки поэтому очень удобны там, где имеется простор для парусного плавания, — на больших открытых реках и на озерах. Но они совершенно не пригодны для путешествия по рекам горным, особенно по порожистым.

Иногда лодки разных типов встречаются одновременно на одном и том же участке реки, иногда не только реки, но даже отдельные участки их имеют свои типы лодок, хорошо приспособленные к местным условиям. Например, в верховьях рек изготавливаются лодки узкие, с хорошо поднятым носом, что облегчает движение против быстрого течения.

Итак, для целей речного туризма наиболее подходящей является очень распространенная лодка с округлым дном, узкая и мелко сидящая — для верхних течений и более широкая, с поднятыми бортами — для средних и нижних участков рек.

К рекомендуемому типу относятся и челноки. Они вырабатываются из цельного дерева (осины, липы). Челнок обыкновенен на многих реках Северного Урала. По размерам (в среднем длина его равна 5—6 метрам при незначительной ширине)

челнок удобен для одного человека. Поэтому, если отправляются в путешествие два-три человека, приобретается столько же челноков.

Плавание на челноках нельзя начинать, не освоившись предварительно с их особенностями. Челнокам не ошибочно дана кличка „душегубок“ — они очень неустойчивы, и в них вывернуться в воду ничего не стоит. Но если турист проявил настойчивость и не пожалел упорного труда на овладение этим капризным суденышком, он будет хорошо вознагражден. Под твердой и уверенной рукой челнок скользит стрелой, легко протаскивается через мели и каменистые гряды, без затруднений перевозится на подводе через водоразделы, волоки и в обход непроходимых порогов. Самое же ценное в челноке — это то, что в нем турист помещается один, поэтому устраивается, считаясь лишь со своими вкусами.

Челнок может стать настоящим жильем, чем-то вроде любимой комнаты с ее уютом (конечно, если турист умеет вообще создавать уют вокруг себя). На челноке, как ни на чем другом, ощущается вечная жизнь, вечное движение и едва уловимая игра водной стихии. Чутко отзываясь на самое легкое движение весла, челнок даст туристу возможность безгранично совершенствовать ведение суденышка по разнообразнейшим водам и от простой работы веслом перейти к особому виду пластического искусства гребли.

Челнок можно покрыть по всей длине брезентом или легким древесным материалом, оставив посередине люк для гребца. Тогда из челнока получится байдарка.

Купить лодку, вполне готовую к плаванию, удастся редко. Чаще ее приходится оборудовать.

Прежде всего, приводится в порядок корпус лодки — приколачивается отставшая обшивка, заделываются щели и трещины, и после основательной просушки тщательно просмаливаются днище и бока. Без этого лодка сильно намокает и делается тяжелой. Банки прилаживаются так, чтобы их можно было снимать (на время сна в лодке). Банка на корме предназначается для рулевого, вторая банка — для гребца и для мачты. Эту банку помещают ближе к носу, именно — от носа на расстоянии не больше трети длины лодки. Место третьей банке отводится у кормы или в носовой части.

Чтобы не ходить по днищу и этим не расшатывать его, оно покрывается щитом-настилом. Настил, вместе с тем, защитит вещи от воды, которая может скопиться на дне вследствие течи, дождя или захлестывания лодки волнами.

Движение лодке сообщается с помощью весел, паруса, бечевы, шестов. Самым распространенным ходом в лодке является ход на веслах, и от их исправного состояния зависит многое в речном путешествии.

Весла бывают парные и непарные. Парными гребут, сидя лицом к корме, непарными — обернувшись лицом к носу. Те и другие для лодки длиной метров в 7 должны иметь длину около двух метров или немного больше. Длина лопасти весла равна трети длины весла в целом. У верхних концов парных весел иногда оставляется расширение стержня, валик, облегчающий завод весла вперед для гребка. Охватываемый кистью верхний конец весла должен быть достаточно длинен, чтобы кисть лежала на нем свободно и не соскальзывала. Важно также диаметр этой рукоятки подогнать под размер кисти и хорошо ее сгладить, выдерживая для нее в разрезе форму круга. Не менее важно, чтобы форму круга имел в разрезе и стержень весла между валиком и лопастью. Без этого работа веслом делается неудобной, и гребец скорее устает.

Непарные весла бывают однолопастные и двухлопастные. К верхнему концу однолопастного весла непременно прилаживается рукоять — цилиндрический отрезок длиной 15—20 сантиметров, легко обхватываемый кистью руки. Он насаживается выдолбленным посередине четырехугольным отверстием на обструганный четырехгранным брусом конец весла — параллельно лопасти и поперек стержня. Такая поперечная рукоять делает весло гораздо послушнее, и работать с нею легче и удобнее.

Двухлопастное непарное весло должно быть несколько длиннее однолопастного.

Для работы парными веслами необходима опора. Из разных ее систем наиболее простой и в то же время допускающей неограниченное совершенствование в гребле, является система уключин. Уключина — железная дужка на стержне, похожая на ухват. Уключины укрепляются на бортах, входя стержнями в отверстия в них или в отверстия в привинченных к бортам деревянных колодках. При одной паре весел гребец сидит на той банке, которая отстоит от форштевня на треть длины лодки. Уключины прилаживаются по сторонам этой банки, сантиметрах в 30 от нее в сторону кормы. Стержень уключины сидит в борту настолько свободно, чтобы она без затруднений вращалась в горизонтальной плоскости и не мешала веслу откидываться вперед и назад. Вместе с тем стержень весла должен в уключине сво-

бодно вращаться вокруг своей оси, что дает возможность гребцу после гребка отводить весло назад, к корме, не поднимая его над водой, но скользя лопастью по поверхности воды.

Другие системы опоры уступают по пригодности описанной, так как дают меньше простора движению весел. Это или хомуток из веревки или древесного материала, охватывающий весло и стержень, прикрепленный к борту, или это два стержня, между которыми кладется весло.

Многим начинающим гребцам нравится еще такая опора: к стержню весла наглухо привинчивается скоба, которою весло насаживается на неподвижный железный стержень у борта. Эту систему надо решительно отвергнуть, как и все видоизменения ее, потому что она чрезвычайно ограничивает разнообразие движения весел при гребле. Без этого разнообразия делаются недоступными оттенки работы,—все то, что сообщает ей легкость и изящество.

* * *

Прекрасным отдыхом от гребли и большим удовольствием является плавание под парусом. Поэтому парус должен быть в каждой туристской лодке, будь то шлюпка или байдарка.

Построение хорошо работающей парусности — дело не простое, требующее некоторой опытности. Опытность же приобретается в практике. Однако, простой парус, без лишних тонкостей, может устроить себе каждый турист.

Паруса бывают двух типов — прямые и косые.

Прямой парус имеет обыкновенно форму прямоугольника или равнобокой трапеции и расположен симметрично относительно мачты, так что последняя как бы делит парус на две симметричные половины.

Косые паруса бывают разной формы. Чаще — это разносторонний четырехугольник, расположенный несимметрично относительно мачты: или целиком по одну сторону ее, или большею своей частью. Устроить легче прямой парус, но плыть удобнее с косым, который хорошо работает не только при попутном ветре, но и при боковом.

Для всякого паруса желательна ткань возможно тоньше, легче и плотнее. Парус из легкой ткани наполняется и работает и при очень слабом ветре, при котором тяжелый парус беспомощно висит. Но в свежий ветер отлично работает не только бязевый парус, но и парус из мешковины. В ветер же очень сильный и порывистый мешковина даже имеет свои пре-

имущества: она пропускает сквозь себя лишний ветер, и шкваловые налеты последнего становятся от этого менее опасными.

Прямой парус сшивается из нескольких полотнищ так, чтобы получился кусок прямоугольной формы, без складок и морщин. Длина лодки, длина паруса и его ширина относятся между собой приблизительно, как 7:3:2. Таким образом, для семиметровой лодки берется парус длиной в 3 метра и шириною в 2 метра.

Килевая устойчивая лодка может иметь парус относительно больший, лодка неустойчивая может обойтись и с меньшим парусом.

По всем краям паруса для прочности нашивается тонкий шнурок. Затем парус растягивается по ширине и привязывается к деревянной рейке. К середине рейки прочно прикрепляется конец фала — снасти, с помощью которой парус поднимается и опускается. Длина фала раза в два с половиной превосходит длину паруса.

Для установки паруса относительно ветра от нижних углов его отводятся две снасти (шкоты), каждая длиной равная приблизительно двум длинам паруса.

Иногда при сильном ветре бывает необходимо уменьшить площадь паруса — зарифить его. Этой цели служат висящие на парусе поперек него одним или двумя рядами тонкие веревочки — рифштерты.

Каждый рифштерт пропускается через сделанное в парусе отверстие и укрепляется в нем своей серединой так, что один конец рифштерта висит по одну сторону паруса, а другой — по другую. Когда хотят взять риф, подбирают кверху нижнюю сторону паруса и скатанную часть его подвязывают рифштертами. При дальнейшем усилении ветра берется следующий риф. Парус поднимается на мачту.

Семиметровой лодке нужна мачта длиной метров 4—5, имеющая в основании диаметр 6—7 сантиметров, кверху постепенно суживающаяся. Мачтовая банка, как уже сказано, укрепляется в передней части лодки, от носа на расстоянии трети длины ее, или даже ближе к форштевню, но отнюдь не ближе к середине лодки. Мачта пропускается через отверстие в банке и нижним концом вставляется в деревянное или металлическое гнездо.

Надо следить, чтобы мачта стояла симметрично относительно обеих сторон лодки и была чуть-чуть наклонена назад, в сторону кормы. В верхний конец мачты ввинчивается или врезается металлическое кольцо и сквозь него пропускается фал. Кольцо можно заменить блоком, в котором фал ходит легче. Парус под-

нимается выборкой фала. Когда рейка остановится у кольца, фал крепится у мачты к банке. Один шкот прихватывается у борта или там же, где и фал, у мачты, другой шкот закрепляется у противоположного борта или держится в руках намотанным на рукоять рулевого весла.

Из косых парусов широко распространен шпринтовый парус, в настоящее время решительно господствующий на всех крупных реках и на многих озерах СССР. Устройство его немногим сложнее устройства прямого паруса, между тем как работает он много лучше прямого. Со шпринтовым парусом лодка идет ровнее, так как он всегда остается по одну сторону мачты, и ветер не может бросать его с борта на борт. Затем, будучи косым, шпринтовый парус позволяет итти при таком ветре, при каком прямой парус пасует, ложась под боковым ветром совсем на бок и заставляя судно ползти вбок — дрейфовать. По этим соображениям туристу следует шпринтовый парус предпочесть прямому. Прямой же парус нужно иметь в виду для срочных случаев, когда никакого паруса нет и дует хороший попутный ветер. Тогда прямым парусом временно может служить простыня, одеяло, даже пальто.

Шпринтовый парус тоже имеет прямоугольную форму и те же относительные размеры (7:3:2). Как и прямой парус, он обшивается шнурком. К одной из его длинных сторон прикрепляется ряд петель, в которые легко проходит мачта. Только последняя петля вверху делается узкою. Она плотно охватывает суживающийся кверху конец мачты и таким образом не позволяет парусу упасть.

Расправляется парус шпринтовым — длинной деревянной рейкой. Один конец шпринтова, нижний, прикреплен к мачте у основания паруса так, что он свободно может вращаться вокруг мачты. От мачты шпринтов диагонально идет к противоположному углу паруса, где суженным концом входит в плотно пригнанную петлю угла паруса. Длинный шкот одним концом привязывается к нижнему свободному углу паруса, другим — к верхнему концу шпринтова. Фала нет, и парус убирается сматыванием вокруг мачты.

Можно развертывание и уборку паруса устроить более совершенно, прибегнув к помощи колец или блоков. В этом случае охватывающая верхушку мачты петля делается такой же ширины, как и остальные петли. К основанию этой петли прикрепляется конец фала, поднимающего парус. Фал пропускается через блок или кольцо в вершине мачты, другой верхний угол паруса поднимается тоже фалом, пропущенным через блок или кольцо в верх-

нем конце шпринтова. Последний удерживается на определенном расстоянии от мачты особою снастью, длина которой немнога превосходит ширину паруса. На парусе проводятся один-два ряда рифштертов.

Еще лучше работает и красивее выглядит рейковый парус. Он имеет форму разностороннего четырехугольника. Для семи-метровой лодки размеры его таковы: нижняя сторона — 3 метра, короткая боковая, образующая прямой угол с нижней — 2 метра, длинная боковая — около 4,5 метра и верхняя — 3 метра. То же отношение длин (7:3:2:4,5:3) сохраняется для лодок любой величины.

Освоившись с парусной работой, турист может менять приводимое отношение, выкраивая парус или более остроконечный, приближающийся к треугольному, или менее заостренный, с большей площадью или меньшей, смотря по характеру лодки.

Верхняя и нижняя стороны рейкового паруса натягиваются на рейки. Конец фала привязывается к верхней рейке, на расстоянии трети длины ее от короткой боковой стороны паруса. Фал пропускается через кольцо или блок в вершине мачты. Рейка поднимается, пока не выберется весь фал, нижний конец которого крепится у мачты к банке. Парус должен быть хорошо растянут. Распрявление его производится с помощью галса — снасти, отходящей от примыкающего к мачте конца нижней рейки. Когда верхняя рейка поднята до конца и фал закреплен, парус растягивается галсом, и последний крепится рядом с фалом. Шкот одним концом привязывается к нижней рейке, ближе к наружному концу ее, другим концом закрепляется у борта. Иногда он держится в руке. На парус нашиваются один-два ряда рифштертов.

Поднятый и расправленный парус должен несколько подниматься над бортом, иначе рулевому не видно, куда направлять лодку.

При подъеме против течения, особенно на реках быстрых и узких, весла и парус часто оказываются мало пригодными. Работа веслом здесь очень трудна, работа же с парусом слишком беспокойна, так как, вследствие частых и крутых поворотов реки, ветер то-и-дело меняет направление относительно положения лодки. Взамен весел и паруса в таких местах надо иметь бечеву и шесты.

Для бечевы берется нетолстый, около полсантиметра, крепкий шнур, длиною от 40 до 70 метров. Один конец ее привязыв-

вается к мачтовой банке или крепится у борта около нее. Бечеву ни в коем случае нельзя привязывать к носу лодки или к борту в средней части ее — при том и другом положении очень затрудняется управление: лодка слишком упорно поворачивается или к берегу или от берега. Другой конец бечевы имеет лямку — широкую петлю, охватывающую грудь и плечи тянущего лодку человека. Чем шире и мягче лямочный пояс, тем итти бечевой легче и приятнее. Берега рек часто покрыты кустарником. Чтобы бечева не застревала в нем, но скользила поверху, ее приподнимают, пропуская сквозь кольцо (или блок) мачты.

Шесты употребляются в быстринах, где выгрестись веслами нет возможности и где надо вести лодку, упираясь в дно реки. На лодку средней величины нужны два-три шеста, длиной каждый метра в четыре. Нижний конец шеста прочно вгоняется в заостренный железный наконечник. Без последнего шест быстро измочаливается и в каменистых местах скользит по дну, чем чрезвычайно ослабляется сила упора и, следовательно, движение лодки. Иногда на весло насаживается железо; в таком случае весло заменяет шест.

* * *

Чаще всего лодку приходится вести с помощью весел. Поэтому на овладение ими надо обратить особое внимание.

Грести парными веслами можно, имея на корме рулевого и без него. Последнее лучше — освобождается человек для работы или отдыха.

Как и при всякой работе, качество гребли зависит от положения гребца и от ритма работы. Сидеть следует ровно и прямо, лицом к корме. Ноги следует вытянуть, немного согнув в коленях. Обе ступни всей своей поверхностью должны во что-нибудь упираться. Если опорой не могут служить вещи, погруженные в лодку, надо сделать особое приспособление, в виде укрепленной поперек лодки переборки. В зависимости от длины ног, переборка передвигается вперед или назад.

Для гребца не безразлично, как лодка погружена. Прежде всего, оба борта должны одинаково высоко подниматься над водой: даже незначительный крен на одну сторону вызывает быстрое и тягостное утомление, как следствие неудобного положения гребца. Затем нельзя допускать сосредоточения груза в кормовой или носовой части. При загруженном носе лодка плохо слушается управления. При загруженной корме слишком поднимается нос, и боковой ветер, ударяя в него, поворачивает

лодку в сторону. Неправильной погрузкой замедляется и движение. Погрузка производится таким образом, чтобы лодка была равномерно погружена в воду и нос был лишь чуть-чуть выше кормы.

В итоге хорошей тренировки может быть достигнута большая непринужденность работы парными веслами: гребля становится не более утомительна, чем передвижение пешком для опытного пешехода.

Вначале гребец производит много ненужных движений, усердствует там, где не надо, и благодушествует, когда требуется напряжение. При неумелом управлении лодка мечется из стороны в сторону, и на возвращение ее к должному положению опять расходуются напрасно силы. Руки немеют, поясница начинает жестоко ныть, пот застилает глаза, на руках вздуваются пузыри. Пузыри тут же лопаются и обнажается кровоточащая ткань. Прикосновение к ней — жжет.

Этот момент гребной работы очень опасен. Здесь можно пасть духом, бросить весла и лодку и навсегда отказаться от овладения водной стихией. Но лучше, конечно, и вполне по силам каждому — превозмочь малодушие и продолжать тренировку, давая себе достаточный отдых. Тогда на месте пузырей вырастут несокрушимые мозоли, и руки, играя, будут гнать лодку прямо и быстро. Пузырей можно избежать, сохраняя ладони рук сухими, натирая их немного вазелином или несоленым салом и не начиная работать сразу изо всей мочи. Неплохо пользоваться кожаными рукавицами.

На крупных и широких лодках гребцам часто приходится работать каждому одним веслом, рассаживаясь на банках по два или по одному.

Рулевой управляет лодкой с помощью руля или весла. Последнее предпочтительнее. Руль хорошо действует лишь тогда, когда лодка имеет быстрый ход, веслом же лодку можно повернуть в любое время. Затем, имея в руках весло, рулевой иногда помогает гребцу, не только управляя лодкой, но и гребя своим веслом.

Как бы искусен ни был гребец, как бы ни любил он греблю, длительный подъем против течения на веслах может утомить своим однообразием. Тогда лучше разнообразить движение, чередуя весла с бечевой. Ход бечевой быстрее и легче весельного (конечно против течения), прогулка же по берегу с лямкой через плечо приводит в движение мышцы, мало работающие в лодке. Чувства улавливают много нового. Итти прихо-

дятся среди луговых цветов, по песчаным и каменистым косам. Глазам открываются широкие поля, леса и селения, невидимые с реки, закрытой высокими берегами. К свежим запахам реки примешиваются ароматы пахучих трав, соснового бора, дымков селений.

Если бечева укреплена на своем месте (у мачтовой банки), лодка обыкновенно уклоняется от берега, по которому идет „бурлак“, в сторону реки. Удерживается она около берега рулевым. Его весло должно находиться непременно у борта, обращенного к бурлаку, именно: если последний идет по берегу вправо от лодки, то и рулевое весло держится у правого борта. В этом положении оно само прижимается к борту струями воды, у левого же борта корма отходит от весла, и на протягивание кормы к веслу тратится много лишней силы. Чтобы тянуть лодку было легко, надо держать ее по возможности параллельно берегу.

Бечева бывает применима и при плавании вниз по течению, когда дует очень сильный низовой ветер — „низовка“. Если все усилия гребцов оказываются напрасными — надо браться за бечеву.

И здесь следует помнить основное правило работы — ход бечевой должен быть ритмичен. Это значит — шаг ровен, как под музыку. Он может быть быстрым, но не торопливым или суетливым.

Большую радость приносит с собой речному туристу попутный ветер. Весла, бечева, шесты укладываются вдоль бортов, мачта пропускается сквозь банку и основанием укрепляется в гнезде. Затем парус, смотря по типу его, разворачивается, поднимается с помощью фала, распрямляется и растягивается галсом. Лодка отводится от берега, ставится по требуемому направлению, и тогда шкотами парус приводится в наилучшее для работы положение.

При ветре в спину плоскость паруса должна быть перпендикулярна к линии длины лодки. Если ветер задувает сбоку на левый борт, парус устанавливается на правом борту так, чтобы плоскость паруса и направление ветра образовали угол, несколько больший прямого. При ветре с правого борта парус укрепляется на левом борту.

Идя под парусом, надо очень внимательно следить за ветром. Последний часто дует неровно, набегаая иногда с большей, иногда с меньшей силой. Под сильным порывом лодка кренится на сторону, может черпнуть бортом воду и оказаться залитой водою.

Чтобы ослабить крен, следует как можно ниже держать груз лодки и этим понижать центр тяжести относительно точки опоры. При сильном крене люди наваливаются на противоположную сторону, однако, с осторожностью: если внезапно порыв ветра ослабнет, лодка может погрузиться в воду тем бортом, на который навалились люди.

В свежий ветер рулевой не только смотрит вперед, но и оглядывается назад, откуда налетают шквалы (сильные порывы ветра). Когда назади водная поверхность темнеет и на темных полосах начинают сверкать пенистые гребни, тогда рулевой готовится к приему шквала: фалы и шкоты приводятся в состояние, при котором парус мог бы быть быстро убран, и свернут, руки крепче сжимают рулевое весло. Если же ветер растет и превращается в штормовой — парус рифится или убирается совершенно.

Всякая река течет извиристо. Чем река шире, тем повороты ее более плавны и менее круты. Но они есть, и поэтому во время плавания ветер падает иногда на правый борт, иногда на левый. В связи с этим приходится парус переводить с одного борта на другой. Перевод производится двумя способами. Во-первых, можно отпустить шкот, дать парусу повернуться за мачту к носу, выбрать шкот с другой стороны и закрепить здесь парус в требуемом положении. Этот способ наиболее безопасен.

Во-вторых, можно с помощью шкота парус притянуть к себе и перебросить его на другой борт между мачтой и кормой. Этот способ „менять галс“ быстр, но опасен. Здесь парус наполняется ветром сразу, лодка резким толчком кренится на сторону, и у малоопытного рулевого дело легко оканчивается аварией. Следовательно, начинающим лучше пользоваться первым способом переброски паруса на другой борт.

На широких и просторных реках большое преимущество имеют килевые лодки. Киль очень уменьшает дрейф, и поэтому на килевых лодках возможно плавание не только при боковом ветре, но и при встречном. В последнем случае двигаются лодкой линией, лавируют, идя, как говорят на море, на „бейдевинд“. Это значит — ветер с обеих сторон. Во время лавировки движутся зигзагами, подставляя ветру попеременно правый и левый борты. При этом линия, проведенная от кормы к носу, образует с направлением ветра угол около 45° . Иногда этот угол может быть меньше, следовательно, лодка может двигаться вперед, держась ближе к ветру, что, конечно, выгоднее. Но этот угол бывает и больше, и тогда путь лавирующей лодки удли-

няется. Способность при лавировке идти близко к ветру зависит от качества килевой лодки, от точности выкройки и устройства паруса и от искусства рулевого.

Частота поворотов определяется простором водной шири. На большой и открытой реке повороты делаются реже, на узкой — чаще. Пройдя сколько возможно по одному направлению, лодка „меняет галс“ — делает поворот — и подставляет ветру другой борт, становясь к ветру под тем же, что и раньше, острым углом. Соответственно меняется и положение паруса относительно ветра. Пройдя приблизительно то же расстояние, что и до первого поворота, делают второй поворот и идут курсом, параллельным уже бывшему ранее. Затем снова поворот — и ход по курсу, параллельному второму галсу. Так продолжается до тех пор, пока не приходят к намеченному месту.

Хорошо слаженные и оснащенные лодки идут против ветра со значительной быстротой.

Лодки с постоянным килем дороги и неудобны на мелких реках. В обход этих затруднений устраивается выдвижной киль. Он представляет собою деревянный или металлический щит, опускаемый в воду через узкое отверстие в днище. Длина отверстия равна приблизительно четверти длины лодки, ширина соответствует толщине щита. Чтобы через щель не втекла в лодку вода, к отверстию плотно пригоняется соответственно длинный и узкий ящик. На мелком месте киль поднимается в ящик, на глубоком, если это надо, опускается в воду. При дрейфе ящик испытывает сильное давление со стороны киля. Поэтому следует очень тщательно укрепить ящик брусами или щитами, расположенными поперек ящика, между ним и боками лодки, с обеих сторон. Самый киль может иметь различную форму — треугольника, сектора, прямоугольника. Киль или остается всегда в ящике, вращаясь в вертикальной плоскости около стержня, проходящего сквозь ящик и киль, или он опускается в ящик лишь во время парусного плавания, в остальное же время из ящика вынимается и кладется в назначенном для этого месте.

Выдвижной киль устраивается в передней части лодки около мачты. Будучи удобным в одном отношении, он неудобен в другом, именно, он занимает в лодке место и этим стесняет помещающихся в ней людей.

Для плоскодонной лодки возможно устройство трех постоянных узких килей. Один прилаживается вдоль днища от носа к корме и два — по сторонам параллельно среднему. Эти кили могут быть неширокими и поэтому не мешают проходить

и мелкими местами. Но общая их поверхность достаточна, чтобы позволить итти под каким угодно ветром.

Плавание под парусом таит в себе для неопытного туриста много неожиданностей, и притом опасных. Черпнуть бортом воду и залить ею лодку в свежий ветер очень легко. Поэтому раньше, чем пускаться в парусное плавание с полной нагрузкой, следует поупражняться в обращении с парусом без вещей и одевшись легко.

Во всяком случае, в пути лучше вещи иметь привязанными к лодке, чтобы во время всегда возможной аварии не упустить их на дно. Затем не теряться во время опасности. Это свойство необходимо каждому человеку во всякое время, и оно хорошо развивается в парусном плавании. Если лодка оказалась залитой водою, надо постараться ее вычерпать. Когда это уже невозможно и когда сами путешественники оказались в воде, — остается попробовать выкачать воду, толкая лодку вперед-назад: вода выбрасывается по очереди, через нос и корму. Но если и это средство неприменимо, приходится снимать мачту и плыть держась за лодку, до мелкого места. Иногда бывает целесообразно даже повернуть лодку вверх дном, так как в этом положении она лучше помогает держаться на воде.

Особое искусство требуется от туриста для проведения лодки через пороги. Искусство это приобретается в работе, но она сокращается, если знать предварительно основные правила этого интересного плавания.

Порогом называется каменистая гряда, перегораживающая реку. Иногда таких гряд бывает несколько, следующих одна за другой уступами. Если поверхность скатывающейся воды образует с горизонтальной линией угол около 45° — получается водоскат. Водоскат становится водопадом, если названный угол приближается к прямому. Гряда, пересекающая реку не от берега до берега, но лишь частично, называется перебором.

Водоскаты и водопады в лодке проходимы лишь в исключительных случаях. Обыкновенно их обходят, протаскивая лодки по берегу.

Учиться итти порогом следует без вещей. Если порог глубокий и бурный, — лучше обходить его волоком.

Спуск по порогу не требует больших физических усилий, но он значительно опаснее подъема, и здесь нужны особенное внимание и искусство в управлении лодкой. Несясь вниз по порогу, невозможно почти остановить лодку перед неожиданно выросшим на пути камнем, и самое большее, что в этом случае доступно, — это быстро увернуться от преграды, направив лодку в сторону. Лишь очень опытные кормчие способны на такие повороты.

Поднимаясь по порогу вверх, надо держаться берега с более спокойным течением. Вода, ударяясь о камни, разбивается на струи, расходящиеся в стороны от камней. Между струями одного и того же камня (прямо перед камнем) вода либо стоит, либо даже движется в обратную сторону. По этой полосе и надо плыть до самого камня.

У камня — самая трудная и опасная работа, и здесь требуется полное напряжение сил и внимания. Здесь нужно выйти из тихой бухты за камнем и по стремительно несущейся воде добраться до следующего, — выше лежащего, тихого места за камнем. Чтобы осуществить это, лодке сообщают наибольшую скорость. Разогнанная лодка быстро, без потери скорости, выводится на струю и резким ударом рулевого весла ставится параллельно отбрасываемой камнем струе. Выдерживая строго параллельность, лодку гонят вперед со всем напряжением сил и внимания, пока не выбьются на другое тихое место.

Иногда грести парными веслами в порогах нецелесообразно — их упор слишком слаб и для них нет простора из-за камней. Поэтому в порогах работают шестами, рулевыми веслами или тянут лодки бечевой.

В заключение приведем пример ориентировки по течению рек для определения стран света, в чем речные туристы нередко нуждаются для выхода с реки к тому или иному населенному пункту. Эпизод этот приводится в газете „Уральский рабочий“ под названием „Лагерь с неизвестными координатами“:

Истоки рек Печоры и Маньи находятся всего в каких-нибудь полутора километрах друг от друга, но реки текут в совершенно противоположных направлениях: Печора — на запад, Манья на восток.

Их разделяет воображаемая линия, называемая водоразделом. На Уральском хребте, по которому проходит водораздел, такие случаи встречаются нередко. Поэтому определить

в таком районе по течению рек где находится запад и где восток — очень нелегкая задача для тех, кто незнаком со всеми особенностями местности.

С этим не раз пришлось столкнуться экспедиции студентов Свердловского горного института летом 1936 г., когда она шла по водоразделу.

...Бурелом. Дорогу то и дело преграждают сваленные деревья. Люди идут гуськом, один за другим. Передовой очень часто сворачивает вправо и влево — в обход попавшегося на дороге бревна. Время от времени из-под его ног, громко хлопая крыльями, поднимается черный красавец-глухарь. Бреющим полетом он лавирует между верхушками елей и быстро скрывается из глаз.

Экспедиция пробирается к Сибирской дороге, которая ведет к местечку Саран-Пауль, откуда должны быть получены продукты.

Чаща не только затрудняет движение; углубляясь в чащу все дальше и дальше, экспедиция в конце концов теряет ориентировку, и не знает куда идти.

По лесистым склонам люди спускаются в небольшой лог, по которому извивается река.

— Сейчас мы узнаем, куда надо направляться отсюда, — говорит Опарин. — Ведь река должна течь на юго-восток.

Студенты бросают в воду травинки. В чем дело? Река, оказывается, течет на северо-запад...

Через несколько часов пути экспедиция подходит к бурелому, который совершенно преграждает дорогу. Опарин идет в сторону на разведки. Вслед за ним трогаются и остальные. Все снова выходят на берег какой-то реки...

— Ну, уж эта-то обязательно течет на юг, — говорит кто-то.

Студенты опять бросают в воду травинки. Река течет на север...

Все окончательно сбиваются с толку. Одни говорят, что экспедиция все время шла на восток, другие утверждают, что нет, направление было взято западное. На компас начинают смотреть с недоверием: он, должно быть, тоже потерял ориентировку...

Темнеет. Итти дальше опасно: можно провалиться в скрытые мхом щели между камнями. Участники экспедиции ставят палатки, стреноживают лошадей. Едкий дымок костра ползет по поляне, крупные звезды висят над головой, в чаще тревожно похрустывают ветки.

Где находится лагерь? Неизвестно. „Лагерь с неизвестными координатами“.

— А знаете что, ребята?— говорит Опарин.— Я догадался, почему здесь реки текут не в том направлении, как мы предполагали. Реки не врут; ошибаемся мы сами. Ведь мы идем по водоразделу, правда? А скорость своего движения мы рассчитали? Нет! Ну, вот реки и говорят нам, что мы прошли сегодня больше, чем думали, и попали в другое место водораздела, где реки текут в противоположном направлении. По-моему, ясно, как день!

— Не может быть,— возражают ему все.— Откуда у нас будет такая большая скорость движения в этой чаще? Не может быть.

— А вот посмотрите.

На другой день расчет Опарина блестяще подтверждается. Реки не врут! Экспедиция выходит на Сибирскую дорогу. Оказывается, она проходила по 25 километров в день, а не 15, как предполагалось.

— Зная местность, на водоразделе можно определять каждый пункт по течению рек,—решили студенты.—Это будет совершенно точно. Без обмана!

ГОЛУБЫЕ АРТЕРИИ

Цена 2 р. 40 коп., пер. 35 коп.

Редактор **Вл. А. Попов**
Технический редактор **Н. А. Блаум**
Корректор **Т. В. Лернер**

Сдано в набор 2/IX-1936 г. Подписано к печати 25/XI-1936 г. Печ. листов 13. Бум. листов 31/4. Авт. листов 12,1. Формат 82×110^{1/32} Бумага Камской фабрики. Инд. V-эк-5в. Огиз, № 1333. Уполн. Свердловобллита № Б — 4423. Тираж 5000.

Отпечатано в тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкинига“, Свердловск, Банковский пер., д. № 3. Заказ № 1126.

ВСЕ СВЕРДЛОВСКИЕ КРАЕВЫЕ
ИЗДАНИЯ ВЫСЫЛАЕТ

**НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ
БЕЗ ЗАДАТКА**

„КНИГА—ПОЧТОЙ“

ЗАКАЗЫ ПОСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:

Свердловск, СВЕРДЛКОГИЗ

„КНИГА—ПОЧТОЙ“

Указывайте в заказе точный адрес, фамилию,
имя, отчество или наименование организации,
учреждения.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Свердловск, Банковский пер., 3.
Свердлкогиз.

СВЕРДЛГИЗ

СВЕРДЛКОГИЗ

КРАЕВАЯ КНИГА

Избранные сочинения Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА
в пяти томах.

Том I **Приваловские миллионы.**
(РАСПРОДАН)

Том II **Горное гнездо, Бойцы.**

Том III **Т р и к о н ц а.**

Том IV **Х л е б.**

Том V **Избранные рассказы.**

Все тома в коленкоровом переплете, в суперобложке,
с иллюстрациями. Цена каждого тома 9 руб.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке:
Составитель Ерошкина.

Требуйте книги в магазинах Когиза.

Почтовые заказы исполняет наложенным
платежом без задатка

„КНИГА — ПОЧТОЙ“

Адрес: Свердловск, Свердловкогиз, „Книга — почтой“.

2 р. 25 к.

„УРАЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЗАНИМАТЕЛЬНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ“

С РУЖЬЕМ И НАПЯННОМ

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

УРАЛ МЕДНЫЙ

ГОЛУБЫЕ АРТЕРИИ

УРАЛ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ

РАССКАЗЫ О НАРОДАХ УРАЛА

С УДОЧНОЙ И СЕТЬЮ

КРАЙ ЛЕСОВ

УРАЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ

Рассказы об Уральских камнях